

НОВОЕ ВРЕМЯ

42

октябрь 1992

*Пушкин
с пристани
напит,
подписаться
всем
велиит*

Индекс 70621
ISSN 0137 - 0723

Международная академия маркетинга и менеджмента (МАМАРМЕН)

Действительный член «Инкорвуза»

Объявляет прием студентов на I курс 1992/93 учебного года.

МАМАРМЕН —

Академия готовит кадры по специальностям:

- **управление** (менеджмент),
- **коммерческая и предпринимательская деятельность** (маркетинг),
- **международные экономические отношения.**

Получаемая квалификация — коммерсант и менеджер. Выпускникам МАМАРМЕНА вручают конвертируемый диплом о высшем образовании.

одно из первых в стране частных высших учебных заведений, прошедших государственную аттестацию.

К преподаванию привлечены известные ученые МГУ им. М.В. Ломоносова, МГИМО, РЭА им. Г.В. Плеханова, факультета издательского дела и книжной торговли МПИ, Московского коммерческого института, Российской академии управления, опытные специалисты-практики. Система обучения построена преимущественно на индивидуальной подготовке студентов.

Начало занятий 1 октября.

Адрес академии: 123242, Москва, Б.Грузинская ул., 3.
Телефоны: 208-93-04 — ректорат,
207-64-68 — учебная часть, 945-09-76 — в вечерние часы.

МАМАРМЕН имеет в г.Донецке Украинский республиканский филиал:

340101, г.Донецк-55, ул.Куйбышева, 31-а.

Телефон: 66-06-41

Адрес приемной комиссии академии:

103045, Москва, Садово-Спасская ул., 6.

Часы работы: ежедневно, кроме субботы и воскресенья с 10 до 18 ч.

Читайте в этом номере:**В РОССИИ И РЯДОМ**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ*А. Пумпянский* СУД НАД ПАРТИЕЙ, КОТОРАЯ БЫЛА ПРАВИТЕЛЬСТВОМ 4*Абхазия Г. Ковальская* ХРОНИКА УПУЩЕННЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ 9*Партийная жизнь М. Шакина* СКРОМНОЕ ОБАЯНИЕ РУССКОГО НАЦИОНАЛИСТА 12**МИР***Экономика Н. Плехина* ДОЛГИ НАШИ ТЯЖКИЕ 16*In Memoriam Л. Безыменский* КОГДА ИСТОРИЮ ТВОРЯТ ДОБРЫЕ ЛЮДИ 19СЕКРЕТНЫЕ СЛУЖБЫ*Б. Лысенко* ГЕНЕРАЛЫ МОГУТ ОКОНЧИТЬ СВОИ ДНИ ЗА РЕШЕТКОЙ 22*В. Чернявский* «В ПОСЛЕДНЮЮ МИНУТУ ПОСОЛ ИСПУГАЛСЯ» 24*Рекламная вкладка* 25—40ТАЙВАНЬ*А. Чудодеев* ПРЕКРАСНАЯ ЗЕМЛЯ, НА КОТОРУЮ НЕ СТУПАЛА НОГА СТАРШЕГО БРАТА 42ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ*Л. Млечин* ДВАДЦАТЬ ТРИ ДНЯ ПРЕЗИДЕНТА ЖМАЙЕЛЯ 46**ТРЕТЬЯ КОРЗИНА***Эссе М. Харитонов* О ЦЕННОСТИ КОЛОДЦА 50СУДЬБЫ*С. Бабусенко, В. Чугунов* СВЕТАНЕ АЛЛИЛУЕВОЙ БОЛЬШЕ НЕКОМУ ПИСАТЬ 53*Столичная жизнь В. Басков* БУЛОЧКА 54*Рукописи не горят И. Бунаков-Фондаминский* ПОСЛЕ БЕСХОЗА 56*ПРЕССА П. Гутионтов* ЗАКОРДОННЫЕ БОГАЧИ И РЕДАКТОРЫ-ДЕМОКРАТЫ 59*СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ «НОВОГО ВРЕМЕНИ» В. Старков* ЖИЗНЬ — НЕ МАННАЯ КАША 62*СМЕХ СКВОЗЬ СЛЕЗЫ А. Винокуров* ОДИН ТАРАКАН 64ПОЧТА (2), ЛИЦА (60)

Обложка Григория Кусочкина

Номер сдан в печать 13 октября 1992 года

Члены ГКЧП даже из тюрьмы пытаются руководить страной и народом. «Правительство в заключении» — это ведь перевертыш понятия «преступники у власти»

Стр. 4

Канцлер ФРГ Вилли Брандт был лучшим партнером Москвы и Восточного Берлина. КГБ СССР и МГБ ГДР лишили его этого поста

Стр. 19 и 22

Светлана Аллилуева не захотела жить в стране, которую создал ее отец. Лучше лондонский приют, чем окружение папных поклонников?

Стр. 53

Главный редактор

**Александр
ПУМПИАНСКИЙ**

Редколлегия:

Виталий ГАНЮШКИН,
первый заместитель
главного редактора,

Сергей ГОЛЯКОВ,
Лев ЕЛИН,

Виталий ИГНАТЕНКО,

Леонид МЛЕЧИН,
заместитель главного
редактора,

Павел САМАРЧЯН,
ответственный секретарь,

Галина СИДОРОВА,

Марина ШАКИНА

Сергей ДУБОВ,
президент а/о «Издательский дом
«Новое время»

**Собственные
корреспонденты
журнала работают:**

в Белграде, Берлине, Бонне,
Бухаресте, Варшаве, Вене, Дели,
Лондоне, Мадриде, Мехико,
Праге, Претории, Нью-Йорке,
Риме, Сеуле, Стокгольме, Токио

**Учредитель —
журналистский коллектив
«Нового времени»**

Выходит на русском и
английском языках

**Наш адрес: 103782, ГСП,
Москва, К-6, Пушкинская пл.
Тел. 229-88-72, 209-07-67
Телексы: 411164a newt SU,
411164b newt SU
Телефаксы: 200-42-23;
200-41-92**

Отпечатано в ИПК
«Московская правда».
Москва, ул. 1905 года, д. 7.

**Регистрационное
свидетельство №970.
Тираж 100000.
Заказ №3819.**

**Цена по подписке — 59 коп.,
в розницу — 2 руб.**

© «Новое время»

П О Ч Т А

■ Письмо академика
А.Е.Шилова (почта «НВ»
№40/92) навело на мысль о
том, сколь осторожно надо
пользоваться местоимением
«Мы».

Уважаемый академик пи-
шет: «...Мы, поддерживая и
финансируя антиправитель-
ственное радио, очевидно,
вновь хотим учить Вьетнам
как ему жить...»

Вопрос: кто имеется в виду
под эмоциональным и само-
критично-жестоким «мы»?
Если государство, то един-
ственная государственная ра-
диостанция в России, которая
ведет передачи на вьетнам-
ском языке, то есть Междуна-
родное московское радио, ни-
кого, в том числе вьетнамцев,
не учит, а информирует о со-
бытиях в нашей стране и за
рубежом. Кстати, информи-
рует так, как советует автор
письма, рассказывая все как
есть. Если же академик
имеет в виду спонсоров «дис-
сидентского» радио, то Меж-
дународное московское ра-
дио не несет никакой ответ-
ственности за работу частной
радиостанции «Радио Ири-
на», передачи которой отра-
жают частное мнение тех, кто
ее финансирует.

А в том, что нам не следует

учить вьетнамцев жить, я с
академиком Шиловым абсо-
лютно согласен.

А.Сюнерберг,
заведующий отделом
радиовещания на страны
Юго-Восточной Азии
Международного московского
радио

■ Мне нравится журнал
«Новое время». Но мне ка-
жется, что вы не всегда сооб-
щаете объективные факты.
Иначе как объяснить, что в
статье Т.Черновой (№36/92)
вы исключили целую народ-
ность — коми? Не говоря уже
о том, что якобы дети север-
ных народов стесняются
своей национальности. Я по
национальности коми. С
1943 года живу вместе с рус-
скими и казаками, но коми
языка никогда не стеснялся
и свою национальность ни
перед кем не скрывал. Наде-
юсь прочитав в журнале ма-
териалы о Республике Коми.

И.Тюрин
Усть-Каменогорск

■ Сегодня подписался на
«Новое время»-93. При на-
шем сверхскромном семей-
ном бюджете мне это пред-
ставляется довольно отча-
янным поступком.

Целиком согласен с тем,
что сегодня журнал больше
внимания уделяет не даль-
нему зарубежью, как рань-
ше, а ближнему — странам
СНГ. Очень нравятся статьи
о спецслужбах и армии
(раньше эти темы были за-
крыты). Выписал я «Новое
время» на следующий год
еще и потому, что в ныне-
шнем вы не повышали цену.
Догадываюсь, чего вам это
стоило, и очень за это благо-
дарен. Значит, вы с уваже-
нием относитесь к своим по-
дписчикам, и мы в свою оче-
редь должны вас поддер-
жать и подписаться на 1993
год.

Лишь одно замечание.
Пора вам сделать оформле-
ние обложки более разно-
образным. Не в каждом же
номере вашему художнику
чудачить на один и тот же
манер. Вам подошли бы для
обложки какие-нибудь ак-
туальные на данный момент
снимки (о событиях, скажем,
в Нагорном Карабахе) или
портреты политиков — от
Ельцина до Жириновского.

В.Кияткин
Шлиссельбург

■ Увидел напечатанным
свое письмо, и вы мне очень

Будь Россия китайской колонией

■ Дискриминация гражданских и политических
прав в сегодняшних прибалтийских государ-
ствах у любого правозащитника может вызвать
только осуждение. Этнокрайизм как государ-
ственная политика всегда сродни фашизму.

Но, чтобы хоть как-то остудить горячие го-
ловы «наших» патриотов (скорбящих, к слову
сказать, не о правах своих соотечественников
в «ближнем зарубежье», а о «великой и неде-
лимой»), хочу предложить немного пофанта-
зировать на тему «Россия — китайская коло-
ния».

Представим себе, что 40 лет назад Россия
была присоединена к Китаю. Спустя какое-то
время братское строительство великого ком-
мунистического будущего было прервано на-
чавшейся в Пекине перестройкой. В резуль-
тате Россия пожелала бы отделиться от восточ-
ного «старшего брата». Наглые русские
националисты, не желая больше писать иеро-
глифами, провозгласили бы русский язык госу-
дарственным. Гуляющие по Москве солдаты
китайской народной армии начали бы ловить
косые взгляды прохожих. Зато в далеком Пе-
кине появилось бы собственное патриотичес-
кое движение, ратующее за «единый и недели-
мый Китай» от Тибета и до Пскова.

Редактор патриотического журнала Кунь Ань
Ев на своих страницах с гневом писал бы об ос-
корблениях китайских солдат в России, кото-
рых какие-то русские негодяи вдруг начали
называть «оккупантами». А популярный репор-
тер Нев Зор Ов снялся бы вместе с китайским
ОМОНОм на фоне Останкинской телебашни.
Затем, стряхивая пепел театральным жестом,
говорил бы своему демократическому колле-
ге: «Вы что же, милостивый государь, Чингис-
хана за идиота принимаете, раз он поливал
русскую землю кровью своих грендеров!»

Можете ли вы все это представить? Я тоже
не могу. Потому что знаю русский народ и убе-
жден: отключением отопления в гарнизонах
оккупантов не ограничилось бы. Началась бы
партизанская война из-за каждого куста. И по-
пробовал бы кто-то тогда сказать, что кита-
йских поселенцев лишают избирательных прав!

Как это ни кощунственно звучит, но дискри-
минация дискриминации рознь. Многое зави-
сит от того, в каких культурно-исторических па-
радигмах такая дискриминация происходит.
То, как с нами обходятся в Прибалтике, — сви-
детельство выдержанности и культуры этих на-
родов. Могло бы быть и хуже...

А.Н.

Что московская «Ирина» сообщает братскому вьетнамскому народу?

Вертайте назад СССР и кинокартину «Датч»!

О праведном гневе пекинских публицистов — патриотов Кунь Ань Ева и Нев Зор Ова

понравились. Вот и выписал журнал на 1993 год.

Мне очень интересно читать ваши статьи, но что-то Т.Иванова уж слишком на наше прошлое замахивается. Нельзя так издеваться над Лениным и другими руководителями компартии СССР. Они сумели создать народное государство — во-первых, а во-вторых, они были умными, самоотверженными людьми. Хотя политики — народ прожженный, к ним ко всем надо относиться с иронией. Если вам кто-то нравится — поддержите его, но спокойно, иронично, не надо кричать и разводить истерику. Так же поступайте и по отношению к тому, кто вам не по нраву, — уберут его, и черт с ним, он та-

кой же, как все. Вот уберу сейчас нынешних, поставлю новых — Бабурина, Рудкого и прочих — ни шиша не изменится.

Какого черта вы в свое время кричали по поводу Вильнюса, Тбилиси, Баку? Сейчас стреляют в сто раз больше, и ничего, мир не перевернулся. Из-за таких воплей разрушилось государство, и я совсем не понимаю, почему независимость лучше? Наоборот, чем больше независимых стран, тем больше расход на всяких госдеятелей — а это глупо и расточительно. Какая разница, кто и какой национальности сидит в районе, области, республике? Как воровали, ездили на ЗИЛах, устраивали свадьбы своих родственников, так и продолжают. Но в СССР мы жили лучше, как ни крути. Что ни говори, а Горбачев — умнейший советский политик. Так что вертайте назад СССР. Все эти монетаристы, кейнсианцы и прочие только болтать умеют.

А еще мне нравится фильм «Датч».

Риват, 17 лет
Джамбул

■ Мне понравились публикации Вячеслава Баскова, где справедливой критике подвергаются новая налоговая система и нововведения почтового ведомства России. Почтовые отправления имеют теперь в основном похоронную тематику. Звучит злое — как будто сами себя хороним... Неплохо бы вашему автору В.Баскову обрисовать вот какую тему. У нас в районной газете разгорелся спор о новых зарплатах. Некоторые сейчас получают до 20 тысяч рублей в ме-

Я ТАК ВИЖУ

Рисунок Виктора Богорада

ся. На фоне моих 1500 — вроде бы много. И все же я не об этом. Мой знакомый начальник (он из рабочих) поведал грустную историю: оказывается, с повышением зарплаты люди (его подчиненные) стали трудиться хуже — отвлекаются на разговоры, удлинняют перекуры.

Второе мое наблюдение — личное — почти ежедневно посещаю рынок, где ничего не покупаю из-за дороговизны. Наблюдаю. С утра там встаивают торговую вахту плечистые молодцы, сбывающие водку, вино, сигареты и прочие соблазнительные товары. Приходят на рынок с утра и любители похмелиться. Они покупают спиртное, сколько бы оно ни стоило. Значит, снова началось спаивание масс?!

П. Барабанов
Приволжск

■ В «НВ» есть очень интересная рубрика «Рукописи не горят». Прекрасно, что вы опубликовали публицистику Перл Бак (№28/92) — насколько я знаю, это первая публикация в России с 1943 года. В этом же номере есть некролог бывшему редактору журнала Н.Сергеевой, написанный Львом Безыменским. Автор расхваливает ее и тог-

дашнее «Новое время». В моем сознании никак не укладываются эти два материала. Ведь когда-то журнал напечатал статью против П.Бак, и автором ее была именно Сергеева (№11/50)! Позднее Сергеева напечатала еще одну статью против Бак в «Советской женщине». Я не призываю к самобичеванию, но хорошо бы вам подготовить материал об ошибках, совершенных в прошлые годы.

Е.Шталь
Кировск

■ Читаю ваш журнал более 30 лет. Я воевал на Курской дуге, был ранен, попал в плен. Находился в плену в Вене, работал на центральном венском кладбище больше года. Мы копали могилы, чистили их, подметали. Это были могилы великих людей — Бетховена, Шуберта, Штрауса... Очень хотелось бы перед смертью побывать в Вене, посмотреть на кладбище уже вольным человеком. Много мог бы я рассказать австрийцам... Может быть, есть в Австрии организация, которая поможет мне приехать в Вену?

Владимир Пасечник
Кемеровская область

Подборку подготовила
Т. Чернова

■ Уважаемые господа! Обращаюсь к вам с надеждой, что вы сможете спасти жизнь моего единственного сына Алеши. Ему 19 лет, в июне этого года он заболел острым лейкозом. Для сбора средств на его лечение банк

«Стройинвест» открыл благотворительный валютный счет.
P/C 711040 Международный Московский банк
Москва Асс
№ 3532 ODB0103USD,
Коммерческий банк «Стройинвест»,
Склярова Наталия Васильевна.
Счет в рублях
г.Москва
Первый Русский независимый банк
корр.счет 161192
в ЦОУ ЦБ России
МФО 299112.
Текущий счет 711035.
Шифр СНВ
(Склярова Наталия Васильевна).

Суд над партией, которая была правительством

Александр Пумпянский

Может ли Конституционный суд вызвать на свои слушания бывшего генсека? Да.

Должен ли был Конституционный суд вызывать на свои слушания в качестве свидетеля бывшего президента страны? Нет.

В сложившихся условиях заседание суда с Горбачевым в качестве ответчика на вопросы, когда обе антагонистические стороны равно заинтересованы — явно или тайно, сознательно или на уровне рефлекса — не в истине, но в мести, чревато унижением.

Речь Горбачева на заседании Конституционного суда

Может ли Конституционный суд — гарант государственности, то есть устоев, традиции, авторитета, допускать это? Нет.

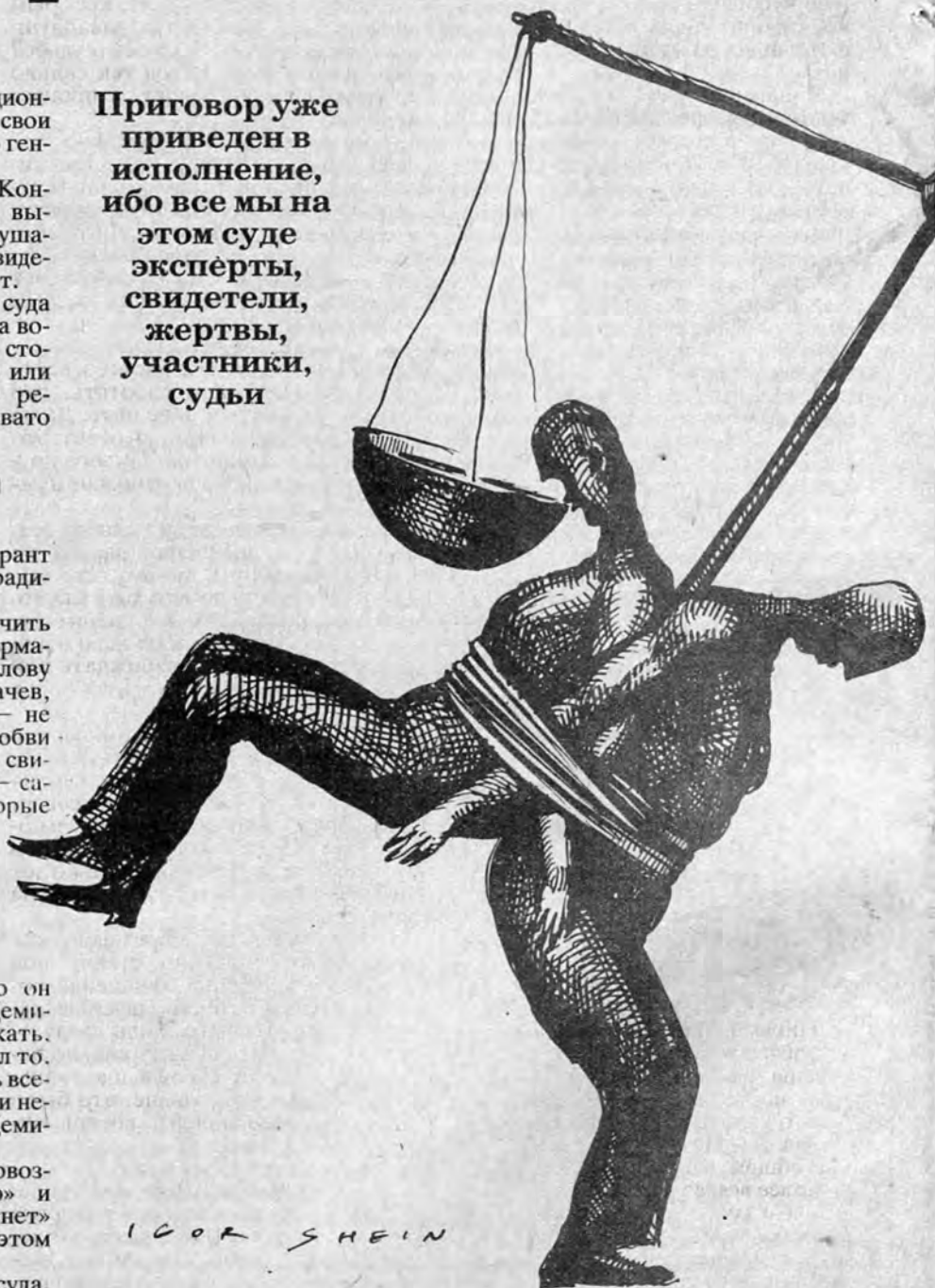
Мог ли Конституционный суд получить от бывшего генсека требуемую информацию без этой процедуры? Да. И, к слову сказать, хуже свидетеля, чем Горбачев, наверное, трудно себе представить — не только из-за его хрестоматийной нелюбви к краткости и ясности. Какой из него свидетель, когда он — по определению — самый первый участник процессов, которые происходили у нас все последние годы, целую эпоху и которые кульминационным образом вылились в два судебных процесса этих дней — суд над ГКЧП, то есть верхушкой власти, и «суд над партией», которая и была всей властью.

Его противники утверждают, что он оказался незадачливым Демиургом, Демиургом по недоразумению. Ибо он, дескать, не ведал что творил или не планировал то, что сделал. Даже если это так, то ведь все-таки исторический процесс начал он, и необратимым он стал тоже при нем. А Демиурга свидетелем не вызывают.

Может ли бывший президент, провозгласивший «гражданское общество» и «правовое государство», говорить «нет» Конституционному суду, не теряя при этом лица? Нет.

И зачем «скрываться» от такого суда,

**Приговор уже
приведен в
исполнение,
ибо все мы на
этом суде
эксперты,
свидетели,
жертвы,
участники,
судьи**

IGOR SHEIN

бежать такой трибуны? У деятеля такого масштаба есть обязательства перед тем, что было свершено в его время, перед собственным образом, если хотите. И самое главное — Горбачеву ведь есть что сказать.

Он мог бы сказать: «Да, я пытался реформировать партию. И я пытался реформировать общество с помощью партии. И я пытался разделить государство и партию. Что удалось, а где мы потерпели поражение, пусть рассудит история. Но мы сдвинули общество с мертвой точки. Да, процесс пошел. И если при всей моей генетической связи с партией и социализмом я как политик и реалист вынужден был в конце своей карьеры разорвать партийную пуповину, то это, как ни больно, говорит лишь о том, что в Реформацию, в будущее старых дорог нет».

Я надеюсь, что Горбачев еще успокоится, по капле выдавит из себя царя и оставит никому не нужный спор с Конституционным судом.

Может ли, однако, Конституционный суд сердчать, бряцать на-

нимает у нас форму «блошиного». Вроде бы собрались лучшие люди двух режимов, а все вылилось в обыкновенную дразгу, хотя и на высшем уровне.

Два процесса века сразу

Интересное дело. Идут два процесса века, два судебных процесса, о которых семь десятилетий и мечтать не могли — за одну такую мечту можно было угодить под суд, — и никого это толком не интересовало. Пока этот эксцентричный Горбачев не «потянул одеяло на себя», не «украл шоу», правда, самым неудачным образом. Но оставим в покое Горбачева...

Почему зрители в зале, которым является вся страна, так равнодушны? Равнодушны к своей судьбе? Или жизнь наша за год так сильно переменялась: суд идет, а процесс прошел?

Суд над партией откровенно скучен. В последние дни в качестве свидетелей пред высоким и нашим судом прошли партийные звезды первой величины — Рыжков, Лигачев... Понятно, что звезды бывшие, но ведь должен же хоть какой-то свет доходить даже и от бывших звезд. А здесь испытываешь лишь глухую тоску: и эти люди представлялись фигурами, решали за нас все и вся — как нам жить, как работать, что есть и даже пить или не пить. Да по какому праву? У них один ответ: это право дала им партия. Ничего другого для приговора партии и не нужно.

Если за семьдесят лет своего безраздельного правления партия не смогла выдвинуть никого, кто мог бы ее убедительно или хотя бы по-человечески обаятельно защитить, то, может быть, ее и не надо было запрещать. Но уж возрождать или пытаться возвращать из забвения точно не надо.

Весь арсенал защитников партии состоит из двух очень плоских трюизмов. Может быть, раньше партия действительно была плохая, совершала преступления, подменяла и подминала под себя государство, но в последние два-три — несколько лет она изменилась, и тут-то и вышел на нее запрет...

Довод хрупкий. Президентская сторона обоснованно ставит под сомнение партийное очищение последних лет. И очень двусмысленный довод. Из него лишь следует, что президентский указ сильно запоздал. Вот если бы он вышел раньше, значительно раньше, это было бы куда справедливее и своевременней. Но с Ельциным ли надо polemизировать по этому поводу?

Не партия совершала преступления, а ее вожди, а теперь от запрета страдают миллионы рядовых членов партии вместе со своими женами и мужьями, чадами и домочад-

цами. И вообще преследуется чистая идея социализма (коммунизма), то есть святая мечта о равенстве. Выдвигают этот аргумент почему-то исключительно аппаратные вожди.

Многopартия по имени КПСС

Сколь бы монолитной она ни была, наша родная коммунистическая партия, от рождения включала в себя несколько партий.

Была Партия Власти — Партия, которая одновременно и Правительство («Партия решила», «Партия и правительство постановили...» — это про нее). Это партия строго ранжированная, где каждый знал свое место: Вождь и его окружение, два-три десятка членов Политбюро и Секретариата, несколько сотен вождей регионального уровня...

Партию власти окружала, подкрепляла, носила на руках Партия Демагогии — десятки тысяч людей, чей долг был блюсти авторитет и тайну. Тайну диктаторского абсолютизма Партии Власти. И авторитет некоей неразрывной с народом организации, которая все видит, все ведает, все чаяния олицетворяет, заступается за народ и ведет его в райские кущи кратчайшим путем.

Миллионы рядовых и безгласных членов составляли Партию Апатии и Послушания.

Но и все остальные — беспартийные, не говоря уже о комсомольцах, пионерах и октябрютах, тоже входили, в сущности, в Партию без Выбора. На время псевдовыборов непременно возникал «нерушимый блок коммунистов и беспартийных». Так блокировалась возможность любых перемен. Снизу они были невозможны.

«Народ и Партия едины!» — к сожалению, это не была полная неправда. Разного рода узлами, приводами и привязными ремнями Партия весьма прочно захохотала весь народ. В этом смысле в нашем обществе невинных нет — кроме диссидентов. Ответственность совершенно разная, но доля ответственности есть и на Партии Апатии. Другое дело, что в отличие от узких кругов Партии Власти и Демагогии это нравственная ответственность, перед самим собой прежде всего — за молчание.

Претензии защитников КПСС в Конституционном суде на то, что они хотят быть наследниками партии, бессмысленны или нелепы. Что значит быть наследником партии: наследовать идею светлого будущего? Это действительно никому не возбраняется. Наследовать имущество? Структуру? Организацию? Функцию? Это было бы новым посягательством на общественную свободу.

Горбачева сделали невыездным, а его фонд выселили

Фото ИТАР ТАСС

Более того, наследовать идею без отказа от реально существовавшей организации невозможно. Ибо в реально существовавшей организации идея социализма и коммунизма была не более чем обольстительным миражом. Идеализмом простых людей злоупотребляли без всякой меры. Ну в самом деле, сколько коммунизма построили Каганович, Молотов, Жданов, Романов, Лигачев, Полозков?

И можно ли наследовать идею социализма, не наследуя вины за то, что ее реальное воплощение — все без исключения воплощения на этой земле, к которым имела отношение КПСС и ее многочисленные братья и сестры, приводили к преступлениям и в конечном счете привели к краху?!

Социализм и коммунизм были мистификацией. Реальной идеей, вокруг которой строилась партия, была идея власти.

Великий пролетарский поэт был не точен. Партия и Власть — близнецы-сестры. Мы говорили Партия, а подразумевали Власть.

Черепаша в роли Ахилла

Вглядываясь в лица некогда высокопоставленных свидетелей, слу-

шая незатейливую логику их аргументации, понимаешь, как много они потеряли. И как много приобрело общество, освободившись от необходимости слушать их за пределами зала суда. Все они в один голос кляли перестройку и не столько даже Ельцина — автора обсуждаемого указа, а Горбачева. Это ему они не могут простить, что сегодня они не у дел.

Горбачев действительно перенес центр тяжести власти из партийных структур в президентские, а еще больше виноват в том, что с легкой руки А.Н.Яковлева выпустил на свет божий гласность, которая рассеяла тайну и низвела партийный авторитет. В пору перестройки ничтожества первой величины в партийном аппарате сменялись ничтожествами второй и третьей величины. Дело не в личностях новых секретарей и членов политбюро. Величину ничтожествам, не умевшим часто говорить, писать, а порой и читать по бумажке, как это мы помним, придавала власть. Чем больше власти, тем крупнее ничтожество.

Старожилы помнят, что незабвенный Михаил Андреевич Суслов ездил в своем устрашающем черном автомобиле со скоростью 40 кило-

метров в час — как если бы он каждый раз отправлялся в последний путь. Но поскольку все движение в округе автоматически останавливалось, он становился эталоном движения, пределом разрешенной скорости движения общества. Черепаша становилась Ахиллом. Железная пята, которая якобы дисциплинировала общество, оказалась ахиллесовой.

Никакие решения за пределами того, что решала Партия Власть в КПСС, ареопаг ничтожеств самой первой величины, были невозможны. И это привело к поражению общества — нет, не в «холодной войне» — слава богу, что мы ее проиграли, жаль только, что так дорого и поздно, — а к поражению ступором антиразвития. Мы проиграли все мыслимые гонки — в познании и образовании, в технологии, в создании среды обитания, в творчестве и инновациях любого рода. Кризис последнего года (и последних лет), конечно же, имеет новейшие объяснения и толчки, но главная его причина в том, что на долю этого поколения советских людей выпала редкая удача — мы переживаем высшую и, надеюсь, последнюю стадию социализма. Что и расхлебываем сполна.

Наша Партия была вовсе и не партия, то есть часть чего-то, одна из общественных сил, а все целое, государство в государстве, самое государство — доказывает президентская сторона. Адвокаты КПСС пытаются это опровергнуть, но эта героическая попытка им явно не удастся. Вся государственная власть формировалась через партийное сито. Случайно-показательные примеры наличия одного «беспартийного еврея» на видном месте зав. лаба или зам. директора по науке плюс щедрое право играть в шахматы или на скрипке никак не искупали первородный грех партийности власти. В этом смысле надежды власть имущих были несколько преувеличены. Последним беспартийным евреем, которому кое-что удалось в этом плане, и то далеко не все, был Иисус Христос.

Ельцин приказал солнцу сесть

Партия служила каркасом Системы самовластия. Решения для страны выпускались в свет как постановления верховушки Партии Власти («В ЦК КПСС»), оформлялись как партийно-государственные («В ЦК КПСС, Совете Министров СССР и Президиуме Верховного Совета СССР») и чисто государственные ордонансы, принимали форму законов, но законными не становились — в общепринятом демократическом смысле. Только в рамках специфической легитимности тоталитарной системы.

Был ли хоть один случай, когда государственный орган отверг партийное решение? У партии было столько возможностей отвергнуть систему, чреватую насилием над обществом, — до указа и нынешнего суда. Она не воспользовалась ни одной.

Я не принадлежу к числу восторженных поклонников указотворческой деятельности президента Ельцина — не все их, по-видимому, готовили в небесной канцелярии. Однако указ о КПСС явно подвел черту эпохе. Говорят, что Ельцин поступил самодержавно. Скорее, как король с одной планеты в «Маленьком принце», который повелевал солнцем, но очень разумно. На рассвете он приказывал солнцу встать, на закате — садиться. Когда Ельцин подписал свой указ, партия была мертва. Как организация коммунистической идеи она была мертва если не с рождения, то уж с 1917 или хотя бы с 1937 года. Демократы ни при чем. Ее убили большевики или Сталин. Как организация власти к августу 1991 года она тоже оказалась мертва — вот почему все движения высокопоставленных «путчистов» напоминали движения зомби.

Указ, разбираемый судом на конституционность, лишь предал тело земле и отпустил души миллионов членов Партии Апатии на покаяние.

Нужно или не нужно вызывать Горбачева в Конституционный суд — спорно. Но странно, что туда не вызывают нынешних жильцов «Матросской тишины». Более последовательных и тщательных защитников Дела Партии — той Системы Самовластия, которую создала Партия, в этой стране не оказалось. «Путч» и был отчаянной попыткой ее самоспасения. Не их вина, что она не удалась.

Лучшие свидетели в «Матросской тишине»

Кстати, метаморфоза, которая произошла с ними, в высшей степени характерна для того пути, который прошла партия. В зените своей партийной карьеры Крючков был членом политбюро, Язов — кандидатом, Лукьянов — тоже кандидатом, Янаев — секретарем ЦК и членом политбюро, Бакланов — секретарем ЦК... Все они по предложению Горбачева оставили эти посты. Оставили в одночасье без видимого сожаления, ибо за ними были закреплены реальные функции — руководство КГБ, Минобороны, Верховным Советом, вице-президентство. Их доступ к власти, доля власти выросли. На этой стадии и на этих условиях они с Горбачевым. И бог с ней, с партией. С ними Власть!

К августу 1991 года они поняли, что теряют уже не титулы, а саму власть.

Сейчас они говорят: ну зачем нам был заговор, если мы и так были у кормила власти? Какие же мы преступники, если мы сама власть? Но в том-то и дело, что власть ускользала у них из рук, что контролировать события они уже не могли. Процесс освобождения общества от Системы тоталитарного самовластия набрал скорость...

«Властные путчисты» и сейчас доказывают, что в августе-91 они были правы и что их действия были законны, хотя совершенно очевидно, что, отстранив президента, солгав народу и выведя танки на улицы, чтобы запугать общество, они дей-

ствовали противозаконно по всем меркам. Кроме одной. Они действовали от имени и во имя Системы самовластия, по законам, которые она реально признавала, какие бы законы и конституции она сама ни провозглашала для публики.

Смешно и грустно наблюдать, как, несмотря ни на что, менталитет этих людей не изменился. Судя по их бесчисленным эпистолам «из застенка», и в «Матросской тишине» их не оставила потребность руководить нами, давать директивные советы, вести нас за собой. Поистине «Правительство в заключении». Одну из статей в «Новом времени» я так и позволил себе назвать.

«Правительство в заключении» — это, конечно же, усмешка истории, перевертыш понятия «преступники у власти». Слишком долго мы в нашей стране имели ситуацию, когда сама власть была преступной, ибо она была оторвана от народа. И инструментом этого преступления была партия.

Президентский указ в демократическом августе 1991 года символизировал конец этой главы в нашей истории.

Из поборников в соборники

Путь от Партии к Власти пытаются совершить и те, кто сидит на скамье свидетелей и болельщиков в Конституционном суде — деятели типа Зюганова. На излете правящей партии они сделали фантастическую карьеру, выскочили в дамки — из замкавов в члены политбюро, правда, другой, Российской партии, но какая разница! К «путчу» они смогли присоединиться лишь позже — на безопасном расстоянии, идейно и морально. Но от партии явно отходят. Нет смысла, они нашли лучшую идею.

Интернационалисты стали националистами, большевики народниками, поборники соборниками. «Народ соборников» — гордо провозглашает Зюганов. С таким чувством

Владимир Крючков. Снимки для уголовного дела

языка лучше бы не лезть в народные витии.

Является ли это мутацией — «коммутацией», как формулировал еще недавно бывший украинский поэт и бывший партийный публицист Борис Олейник? Вряд ли. Все очень органично. Была партийность — стала народность, но всегда имелось в виду самодержавие.

И кстати, можно ли представить себе, что Крючков выходит на свободу, а Зюганов приглашает его в Политбюро Русского Собора? Да ни в жизнь. Партийность вместе, но Власть врозь.

И все же почему публика так спокойно взирает на то, что происходит в Конституционном суде?

Суд сосредоточился на юридичес-

кой стороне дела. И это, безусловно, принесет свою пользу будущему правовому государству, но если все-таки людей и волнует что-то по-настоящему, то политика. Вот и в этом процессе, несмотря на замечательные усилия Валерия Зорькина, они видят прежде всего ипостась исторического «Дела КПСС».

Суд работает с исключительным напряжением. Но доказать в конечном счете он может лишь то, что совершенно очевидно всем. Суд до тошноты выслушивает десяток экспертов и несколько десятков свидетелей по вопросу, в котором каждый гражданин этой страны — эксперт, свидетель, жертва, участник, судья.

И никого на самом деле не волнует, какой приговор вынесут и один, и другой суд. По очень простой причине: настоящий приговор уже приведен в исполнение, и это уже необратимо. Конституционный суд может даже «завернуть» президентский указ, это не оживит партию. Суд по делу о ГКЧП может выпустить великолепную восьмерку на все четыре стороны. В нашем по-новому не устроенном мире прибавится лишь восемь пенсионеров.

...А вообще грустно. Поэт в России больше, чем поэт. Судья в России больше, чем судья. Партия в России больше, чем партия. И только жизнь меньше, чем просто жизнь. Сплошная борьба.

Шенин и в тюрьме живее всех живых

Сила Конституционного суда в том, что он конституционный. Слабость — вернее, трудность — тоже именно в этом.

В США Конституцию составила историческая Декларация независимости плюс несколько поправок, сделанных за двести лет. В Британии действует неписаная конституция. Наша неписаная конституция не только еще не написана, но и не создана. У нас было несколько конституций, подаренных партией народу, никто их не отменял, но никто никогда и не применял. Нынешний казус — проверка указа о запрете КПСС на конституционность — безусловно, первый и очень парадоксальный. Надо отдать должное дальновидности партии. Не зарегистрировано ни единого случая, чтобы конституция защитила народ. Теперь она должна защитить партию от народа.

Конституционность партии... При всей условности этой темы я хочу привести показания на сей счет одного заметного свидетеля. Мой свидетель — Шенин.

Признаться, я чувствую некоторую неловкость, не впервые полемизируя с Олегом Семеновичем. Как-никак мы в неравном положении: я на относительной свободе, он в относительной тюрьме. Правда, я спо-

рил с ним и тогда, когда он обладал полной, ничем не ограниченной свободой.

Итак, партия и конституция. Писана ли конституция для партии, обязана ли она соблюдать ее? Не являлась ли партия принципиально конспиративной, заговорщицкой организацией?

— Свидетель Шенин, оставшись «на хозяйстве» в ЦК КПСС, вы в дни путча посылали в партийные комитеты инструкции — шифротелеграммы выступить в поддержку ГКЧП. Разве это не очевидное доказательство соучастия в путче?

— Утверждение... является преднамеренно ложным... Адрес шифровки — первым секретарям, а не партийным комитетам — совсем не случаен. По инструкции ЦК КПСС о работе с секретными документами с такой телеграммой может знакомиться и работать только лично первый секретарь. Она никому не передается, не размножается, не направляется, на нее не ссылаются, с ней никого абсолютно не знакомят. Это ориентировка для того, кому она персонально направлена, но никак не «руководящее указание».

— Возьмем 20 августа...

Олег Шенин

Была шифротелеграмма первым секретарям за моей подписью. Она вообще никакой политической нагрузки не несла.

...Это же надо уметь — на второй день путча послать телеграмму первым персонам партии и без всякой нагрузки. Оказывается, партия вне политики. Ну хорошо, а первая-то телеграмма, отправленная уже утром 19 августа, разве она не имела цели мобилизовать партию вокруг ГКЧП?

— На места ушла совсем не та шифротелеграмма... Вот ее действительный текст: «Первым секретарям рескомов, крайкомов, обкомов. В связи с введением чрезвычайного положения примите меры по участию коммунистов в содействии ГКЧП. В практической деятельности руководствоваться Конституцией СССР. О пленуме и других мероприятиях бу-

дет сообщено дополнительно».

Неспроста ссылка в шифротелеграмме на обязательность выполнения Конституции СССР умышленно замалчивается многими толкователями... а ведь именно это главное в телеграмме.

Желающие убедиться в том, что именно таковы слова и логика О.С.Шенина, могут взять «Правду» за 18 июня 1992 года и прочесть его интервью.

Узники «Матросской тишины» нынче очень активны в этом жанре. Если оставить в стороне личные детали и особенности, в сухой остаток выпадает следующее. Горбачева, конечно, четвертовать мало, но мы против него ничего не делали, не замыслили. Мы пытались спасти Отечество, но никто конкретно никаких приказов не отдавал... Очень хочется славы, но ответственности страшно. Вполне шизофреническая раздвоенность сознания — то ли последние Герои Советского Союза, то ли первые преступники Российской Федерации...

Но я сейчас о другом. Замечательная у нас все-таки была партия. Ей и в голову не могло прийти соблюдать конституцию, пока Олег Семенович не пошлет строгую шифротелеграмму. Первым секретарям. Только и лично. Без права размножения и ссылок. И чтобы ни одна живая душа не могла с ней познакомиться.

А.П.

Хроника упущенных возможностей

Галина Ковальская

Абхазцев в Абхазии 97 тысяч, а грузин в Грузии 4 миллиона. Абхазцы очень любят подчеркивать, что соотношение сил 1:40 в пользу грузин. И еще при каждом удобном случае говорят, что Грузия вооружена новейшей техникой, которую Россия передает ей как бывшему члену Союза, а у них, у абхазцев, есть только оружие, добытое в боях. Поэтому столь серьезного военного успеха, кажется, никто не ожидал.

Кто дал танки?

В чем же причины военной победы? Во-первых, в высокой боеспособности. «Один абхазец или чеченец стоит десяти грузин», — высокомерно заявил Джохар Дудаев. Это, конечно, преувеличение, и все же...

Абхазские гвардейцы строго соблюдают сухой закон — ни на передовой, ни на улице ни разу не довелось встретить вооруженного или хотя бы в военной форме че-

Абхазское наступление показало: возвращаться к условиям московского соглашения Ардзинба и его окружение не желают

ловека, от которого бы пахло спиртным. Грузинские гвардейцы, кажется, трезвыми появляются реже, чем пьяными. Абхазцы, сколько случилось видеть, стреляют только в цель («боеприпасов лишних нет»). Вокруг мест расположения гвардейцев Госсвета все время стоит пальба — «балуются». Никаких примет субординации, воинской дисциплины с грузинской стороны незаметно, разве что звездочки на погонах. В абхазском штабе и без звездочек видно, кто младше, кто старше чином.

Северокавказцы, которых грузины склонны представлять бандитами и уголовниками (наверняка есть и такие, но не о них речь), на деле оказались вполне дисциплинированными и организованными воинами. Они вписались в абхазские подразделения или образовали свои, но с беспрекословным подчинением абхазскому командованию. Это очень значимая для абхазцев помощь.

Во-вторых, абхазцы сумели стремительно обзавестись мощным оружием, и это самый неприятный для России аспект. Три трофейных танка были захвачены абхазцами в боях. Но в наступлении на Гагры

Эдуард Шеварднадзе избран председателем парламента Грузии. Ему достаточно было бы набрать немногим более 11 процентов голосов. (По закону проголосовать должна треть избирателей, а из них — не менее трети — «за».) Для президента этого было бы мало, но ведь избирался спикер парламента — эта должность в большинстве стран вообще голосуется парламентариями. Как бы то ни было бывший первый секретарь ЦК Грузинской компартии, бывший член политбюро, бывший министр иностранных дел СССР, бывший председатель Госсовета Грузии многократно превысил требуемый минимум. 80 процентов пришли к избирательным урнам, 86 процентов проголосовали «за» — цифры тем более впечатляющие, что ни в Абхазии, ни в Южной Осетии выборы не состоялись, а в Западной Грузии проходили в условиях неостановленной гражданской войны.

участвовали не три танка. Оружие взять неоткуда, кроме как из России. На каком уровне было принято решение о передаче военной техники абхазцам?

Проще всего предположить (и это вариант, уже пройденный в Карабахе), что вооружением абхазской стороны самостоятельно занялись некоторые офицеры российской армии — из корыстных соображений или из сочувствия «маленькому народу».

Почему абхазцы спешили прорваться к российской границе? Горные перевалы, через которые с ним переправлялись добровольцы с Северного Кавказа, уже с середины октября становятся непроходимыми. Единственная возможность и дальше поддерживать связь с Северным Кавказом — это выйти к границе с Россией на равнине.

Что позволило так грубо и бесспорно нарушить соглашение? Абхазская сторона даже не попыталась обычным в таких случаях образом переложить ответственность за развязывание военных действий на противную сторону. Да вряд ли это бы им удалось. Очевидно, что наступление готовилось заранее, что

именно в район Бзыби была стянута вся бронетехника и что срок наступления был рассчитан так, чтобы успеть до закрытия перевалов. Пренебрежение соглашением может объясняться лишь одним: полной незаинтересованностью в нем.

Зачем абхазцам договор?

На совещание в Москву Эдуард Шеварднадзе приехал 3 сентября с четко сформулированным требованием: вывести с территории Грузии (Абхазии как части Грузии) отряды и отдельных добровольцев из Конфедерации горских народов Кавказа.

Не менее решительной была позиция Владислава Ардзинбы: убрать из Абхазии войска Госсовета Грузии.

Но если Шеварднадзе наряду с Ельциным выступал как полноправный участник переговоров, то статус Ардзинбы не вполне ясен. Другими словами, как объяснил по ходу дела председательствовавший Борис Ельцин, соглашение могло бы быть заключено и без подписи Ардзинбы — достаточно было, чтобы его подписали Шеварднадзе и Ельцин.

Формально все правильно: договариваются между собой главы государств, из которых один несет ответственность за пребывание своих граждан с оружием на территории суверенного государства. Однако к 3 сентября стало уже очевидно, что обеспечить вывод войск Конфедерации не в состоянии ни президент России, ни руководители северокавказских республик. А вот Ардзинба в ходе переговоров заявил, что, в случае если войска Госсовета покинут территорию Абхазии, он берет на себя ответственность за вывод формирований Конфедерации.

Естественным было бы в таких условиях для российской стороны, коль скоро она приняла на себя роль посредника, добиваться согласования обоих требований как взаимобусловленных. Однако это ставило Россию в довольно-таки уязвимое положение: одно дело — когда Грузия требует, чтобы ее территорию покинули российские вооруженные формирования, другое дело — когда Россия указывает Грузии, как и где ей следует размещать ее, грузинские, войска.

По-видимому, это соображение, а также и доводы Шеварднадзе о необходимости обеспечить охрану дорог в Абхазии, подтолкнули Ельцина в конечном счете к «прогрузинской» формулировке. В окончательном тексте предполагалось, что северокавказцы из Абхазии будут выведены, а войска Госсовета останутся в количестве, необходимом для охраны железной дороги «и других жизненно важных объектов».

Формула, по меньшей мере, странная. Во-первых, для охраны одной только железной дороги требуется значительно увеличить численность воинского контингента, а не сокращать его. Во-вторых, до сих пор гвардейцы Госсовета никак не способствовали налаживанию транспортных магистралей, а, скорее, разрушили нормальную жизнь в Абхазии. В-третьих, непонятно, почему бы не возложить ответственность за охрану железной дороги на территории Абхазии на абхазское руководство. От соглашения абхазская сторона не выигрывала практически ничего. Кроме одного: подпись Ардзинбы под договором как бы узаконивала его статус как участника переговоров. Только этим и можно объяснить, что руководитель абхазского парламента после серьезных колебаний все же завизировал текст соглашения. Однако буквально на следующий день фактически дезавуировал свою подпись.

Ардзинба переоценил противника

По скорости эскалации конфликта — от политических противоречий к полномасштабной войне — Абхазия пока явно лидирует по сравнению с другими горячими точками. Еще два месяца назад Гагры были полны курортниками, а сегодня на город падают бомбы.

Владислав Ардзинба презрительно кривит губы:

— Я могу понять Эдуарда Амвросиевича. Иоселиани выпустил из тюрьмы всех уголовников. (Это правда. В Тбилиси жаловались, что так и не удалось настоять на том, чтобы в тюрьмах остались хотя бы убийцы-рецидивисты. — Г.К.) Вот их, чтобы не мешали в Грузии, вооружили, одели в форму и отправили к нам.

Связь между заявлением абхазского парламента от 23 июля о «переходе к Конституции 1925 года» и введением войск 14 августа абхазское руководство решительно отрицает. Их желание понятно: снять с себя всякую ответственность за кровопролитие. Но ведь и председатель Госсовета Грузии с самого начала выдвигал иные мотивы, не связанные со статусом Абхазии: дескать, войска ввели для освобождения заложников, захваченных звиадидами, потом — для охраны железной дороги. Та же часть грузинского руководства, которая ведет речь о нерушимости границ и территориальной целостности Грузии, затрудняется ответить на простой вопрос: упрочилась ли целостность Грузии после 14 августа?

Заявление от 23 июля рассматривалось в Абхазии как один из ходов в трудной и долгой переговорной борьбе за повышение статуса. Обращение к Конституции 1925 года

означало претензию Абхазии на участие в переговорах с Грузией на равных. С 1921 по 1931 год Абхазия существовала как Договорная ССР в составе Грузии, и Конституция 1925 года фиксирует этот статус.

Расчет, по-видимому, делался на крайнюю слабость Грузии как государства. Во-первых, руководство Грузии на сегодняшний день не имеет легитимного статуса, во-вторых, вряд ли можно всерьез говорить о сколько-нибудь значительной поддержке его населением, в-третьих, Грузия, очевидно, истощена многолетней войной в Южной Осетии и затянувшейся гражданской войной.

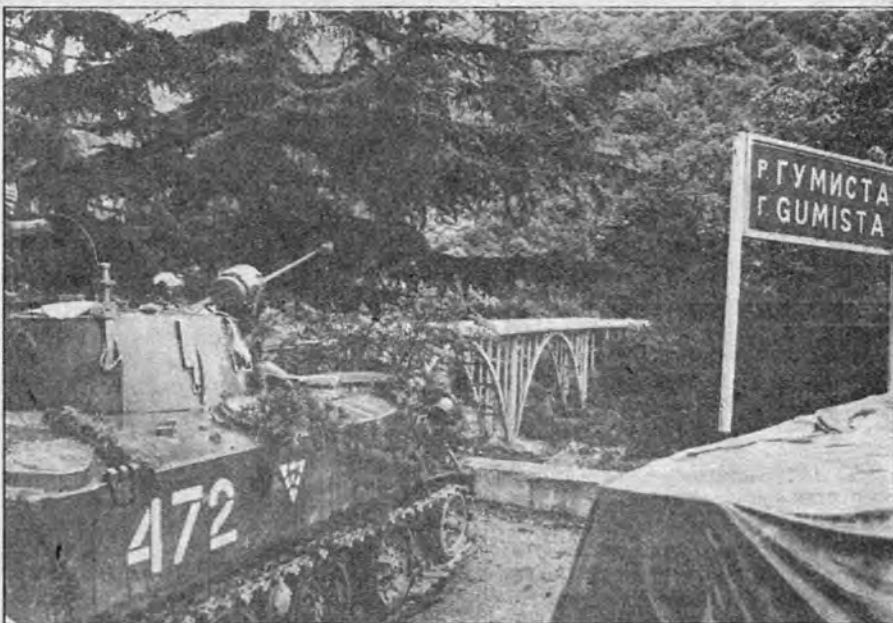
На этом фоне Абхазия выглядела не в пример благополучней: здесь фактически сохранялись прежние руководящие структуры и соответственно удержалась на прежнем уровне хозяйственная и административная власть.

Абхазское руководство не дало втиснуть себя в столкновение звяндистов с «госсоветовцами», заняв строго нейтральную позицию: с одной стороны, не присоединилось к заявлению грузинской фракции парламента, которая квалифицировала свержение Гамсахурдия как государственный переворот, с другой — в отличие от грузинских властей — позволяло свободно проводить в Абхазии и звяндистские, и антизвяндистские митинги. В таких условиях Ардзинба ожидал, что его «торговля с запросом» даст реальный и ощутимый результат в виде серьезных политических уступок. Однако он явно переоценил своего противника.

Подавляющее меньшинство

В основе грузино-абхазского противостояния вполне объективное противоречие. С одной стороны, абхазцев на территории Абхазии явное меньшинство: 17 процентов. С другой — они претендуют на собственную, пусть и в составе федерации, национальную государственность. Обоснование этих претензий (если отбросить заведомо неразрешимый спор об «исторической принадлежности»): у абхазцев другой земли нет. Грузинская государственная власть сознательно проводит политику заселения Абхазии грузинами, чтобы растворить и ассимилировать коренных жителей. Создание своего государства, по словам абхазцев, — единственная возможность для народа сохранить себя.

Надо отметить, что на этом пути абхазская сторона в 1991 году добилась весьма внушительного успеха: нынешний абхазский парламент выбирался по «квотному» принципу. Доля депутатов-абхазцев, грузин, представителей иных национальностей была законодательно регла-

Абхазские военные категорически отрицают, что располагают танками Т-72. Теперь отрицают наличие танков Т-80
Фото Н.Галкина

ментирована (28 абхазцев, 26 грузин и так далее), причем с заведомым ущемлением грузинской части избирателей. Квоты были продуманы так, чтобы «абхазская фракция» (с ней голосуют также большинство депутатов-негрузин) имела простое большинство, но не имела двух третей голосов.

В результате парламент оказался не способным принять ни одного решения, требующего квалифицированного большинства. Вернее, председатель Верховного Совета проводил такие решения простым большинством, как «временные».

Должностные назначения в основном требуют простого парламентского большинства: в результате все должности районных руководителей заняли абхазцы. «Этнократия, подавление большинства меньшинством», — говорят грузины. «Если на нашей земле у нас не будет преимуществ, — возражают абхазцы, — Абхазия скоро станет неотличима от Грузии».

Понятно требование грузинской части парламента, поддержанное в Тбилиси, вернуться к нормальным демократическим выборам по принципу: один избиратель — один голос. Понятна и тревога абхазцев оказаться в этом случае национально незащищенными. Но ведь еще в 1990 году предлагался промежуточный вариант: двухпалатный парламент, в котором одна палата сформирована путем территориальных выборов, а вторая, палата национальностей, выбирается от этносов, причем каждый народ, независимо от численности, представлен равным числом депутатов. Тогда эта идея была отвергнута грузинами.

Политическое противостояние долгое время не оборачивалось в Абхазии межнациональной вра-

ждой. Уже в разгар войны, в конце сентября, в Гаграх грузины охраняли опустевшие квартиры своих соседей-абхазцев, а случалось, предоставляли им кров.

Абхазцы в Гудаутском районе покупали хлеб для своих грузинских односельчан, боявшихся выходить в город. Если бы в тот момент удалось прекратить войну, Абхазия смогла бы довольно быстро вернуться к нормальной жизни. После абхазского наступления такая возможность, видимо, потеряна.

История конфликта — история упущенных возможностей мирного урегулирования. Такая возможность была упущена грузинской стороной 14 августа, когда была сделана заведомо обреченная попытка силового решения (притом что и сил-то никаких нет). Такая возможность была упущена Россией, когда на переговорах 3 сентября не было проявлено достаточной настойчивости в требовании вывести войска Госсювета. Такая возможность была упущена абхазской стороной, когда она 1 октября сделала ставку на военные действия, не дожидаясь новой встречи, назначенной на 3 октября.

На переговорах 3 сентября посредническая миссия России отвечала пожеланиям обеих сторон. Сегодня трудно сказать, с чьей стороны больше недоверия к России. Вместе с тем новых посредников пока на горизонте не видно.

Война все более обретает знакомые карабахские очертания.

ГАГРЫ—ГУДАУТА—
ТКВАРЧЕЛИ—СУХУМИ

Скромное обаяние русского националиста

Два часа с лидером Русского национального собора генералом Стерлиговым

Марина Шакина

Судьба генерала Стерлигова в годы перестройки представляется затейливой и даже странной: из КГБ в Совет Министров к Рыжкову, оттуда в российский Совмин к Силаеву, потом к вице-президенту Руцкому. А до перестройки — служба в КГБ долгие годы.

Такая прихотливая линия жизни дает повод для различных домыслов. Принадлежность к таинственному ведомству, его внезапное появление на политической сцене — все это создавало загадочный ореол вокруг имени Стерлигова.

Генерал Стерлигов говорит: «Я — русский националист». Он не использует эвфемизмов, не стесняется. И он первый из них, кто производит солидное впечатление. Это не маскарад с черными рубашками и золотыми погонами.

Мнимый дядя

Мне говорили, что генерал Стерлигов обаятельный человек. Это действительно так — по крайней мере по первым впечатлениям. Обходительный, учтивый. Встречу пришлось перенести из-за моей простуды, и генерал проявил сочувствие, давал советы и рекомендовал лекарства (не обольщайся, ехидничали коллеги, это у него профессиональное). У генерала мягкий спокойный голос (как у хорошего психиатра, подумалось мне). Приятно удивляет отсутствие истеричности. Любой, самый неприятный вопрос он принимает без раздражения.

Отвечает генерал без зажатости, держится раскованно как человек, обладающий душевным равновесием (пожалуй, чуть-чуть переигрывает с уравновешенностью). Не лишен чувства юмора.

Еще полгода назад в политике его имя никому ничего не говорило, он был известен лишь как «дядя Германа Стерлигова» —

юного миллионера-биржевика. Кстати, на самом деле они не родственники.

Была у генерала известность и другого рода — дачи! Распроданные совминовские дачи, одна из которых досталась самому генералу, другая — Николаю Ивановичу Рыжкову... По сему поводу генерал до сих пор обменивается письмами с министром социальной защиты населения России Эллой Памфиловой, возглавлявшей борьбу против привилегий в Верховном Совете СССР.

Откуда берутся русские националисты?

После школы Александр Стерлигов поступил в Московский автомобильно-дорожный институт. Это было начало шестидесятых годов, время появления в СССР первых иностранных студентов. Будущий генерал, будучи комсомольцем-активистом, много общался с иностранцами (помнится, была такая графа в планах комсомольской работы: «работа с иностранными студентами»). Перед защитой диплома его пригласили в кабинет декана, где «автомобилист» в штатском сделал ему предложение — пойти работать в КГБ.

Александр Стерлигов работал в этом ведомстве весь период застоя, шаг за шагом поднимаясь по иерархической лестнице и, похоже, не испытывая никакого душевного дискомфорта. Но то, что он теперь называет «распродажей» родины, «низкопоклонничеством перед Западом», «ограблением народа», падением уровня жизни, во времена Брежнева процветало вовсю. Качалась на Запад нефть, нефtedоллары проедались, были взяты первые займы, текли миллионы долларов братским партиям, затратная экономика перемальвала природные богатства республик. Процветало очковтирательство, двуличие, приписки. Пределом мечтаний советского человека была пенсия в сто двадцать рублей плюс двенадцать за не-

Рисунок Владимира Мочалова

прерывный стаж. Блага доставались лишь избранным.

Позже генерал работал в Совете Министров у Николая Рыжкова и опять не испытывал душевного дискомфорта. Эти времена запомнились, между прочим, тем, что во много раз сократился российский золотой запас и исчез в неизвестности собранный в один из годов рекордный урожай...

Генерал в то время над этими вещами не задумывался.

А вот на демократах, прослужив у них какое-то время, генерал «сломался». Тут он прозрел, тут он понял, где корень зла, — в демократах.

Суэта вокруг дач

В свое время его пригласили к себе на работу и Рыжков, и Силаев, и Руцкой. Очевидно, были у генерала деловитость, профессионализм, хорошая служебная репутация.

Он охотно рассказывает о своих достижениях на ниве борьбы с коррупцией в Москве, рационализации совминовского хозяйства.

Одним из элементов рационализации была идея распродажи злополучных дач. Делалось это, по словам Стерлигова, для того, чтобы снять бремя с государственного бюджета, которому содержание загородных домов влетало в копеечку. Но вокруг дач разразился скандал.

— Стоимость дач была занижена?

— Ни на копейку, я сам контролировал.

— Но почему дачи не были проданы с торгов, чтобы все желающие могли купить?

— Какие торги, когда у того же Рыжкова нет денег, чтобы купить дачу на аукционе? Он не виноват, что всю жизнь на окладе. А любой вчерашний абитуриент, наспекулировавший свой капитал, не проработавший нигде ни дня, может выложить за нее несколько миллионов... Разве это справедливо?

Генерал, устроивший распродажу дач по балансовой стоимости, которая на порядок ниже рыночной, притом в узком кругу, убежден, что им все это *полагается*. У него просто нет никаких сомнений.

Советские люди делились на тех, кто принадлежал к системе, и на тех, кто к ней не принадлежал, кто был хозяином жизни, кто нет. Стерлигов принадлежал, он был одним из тех, кто устанавливал правила игры. Чиновники в Совмине сами определяли объем благ, который им *полагается*, и сами решали, что *полагается* другим. Вот и с дачами — сами написали инструкцию, сами приняли решение и сами раскупили.

Генералы, маршалы, высокопоставленные государственные чиновники, скупающие задешево имущество цеховских и государственных дач (приходилось читать описи — «один холодильник, два холодильника, гарнитур, два, сервиз, ковер»), — это примета нашего времени. Маршалов винить не стоит. Какое время — такие маршалы. У каждого маршала есть жена и жаждущее семейство. И не спрашивайте, зачем маршалу три холодильника. Пригодится родне, это же очевидно.

Конечно, у обывателя могут возникнуть вопросы — а как же мы, сотни тысяч и миллионы простых тружеников, тоже всю жизнь сидящие на окладе и по несчастливой случайности не принадлежащие к системе Совмина? Мы ведь тоже не виноваты...

Генерал отчасти прав, утверждая, что дачи — лишь средство в политической борьбе, развернутой против него. Но политик, претендующий на роль лидера национального движения, на роль вождя духовной оппозиции, мог бы отметить себе мерку повыше.

«А был ли арест?..»

Генерал Стерлигов работал у демократов, и демократы ему не нравились.

Он рассказывает: у Силаева реальной власти не было, решения принимались неизвестно кем, неизвестно где, без проработки вопроса, с кондачка. Бывало, зайдет к главе правительства какой-нибудь кооператор, а выйдет из кабинета с подписанным постановлением правительства. Стерлигов это не стерпел. Он говорит, что впервые (!) здесь столкнулся с открытым лоббированием, с закулисными интригами.

У Руцкого он начал разрабатывать концепцию безопасности России, но он не мог отделаться от ощущения, что это никому не нужно. Что с вице-президентом никто не считает, что его, как выражается генерал, «поместили в вату». Кстати, работая у Руцкого, генерал пережил августовский путч. Рассказывает он о нем с иронией — дескать, слонялись все по Белому дому, что делать непонятно, указаний никаких не поступает, так и прослонились все три дня.

О том, как арестовывал Крюкова, тоже без патетики: а был ли арест? Сидели с Крюковым в самолете, разговаривали, подходит Руцкой, шепчет: «Отвечаешь за него». Вот и все.

У меня создалось впечатление, что Стерлигов уязвлен тем, что демократы его не оценили. Вот тогда и появился национализм.

— Как вы понимаете русский национализм? Как превосходство

русских или их приоритет в этой стране?

— Ни о какой исключительности русских мы речи не ведем. Но мы, русские люди, ассоциируем себя с этой страной. История России — это во многом история русского народа. И не было никакого имперского мышления, нас всю жизнь грабили и грабят. Но мы в состоянии осознать себя как нация.

Я слышу это не в первый раз и не только от генерала Стерлигова. Я понимаю, почему интервью Стерлигова, которые кажутся пишущим их журналистам разоблачительными, на самом деле вербуют ему новых сторонников. В его словах для многих есть правда, есть боль и вроде бы подлинная забота об интересах России. И доля демагогии, столь любезной большинству обывателей.

Ударим стереотипом по стереотипу

Проблему русских за все годы перестройки, пока пробуждались национальные движения в союзных республиках и внутри России, за все время «демократической власти» никто не решился всерьез обсудить. А там, где нет серьезного разговора, где нет понимания предмета на высоком уровне, — там неизбежно начинают произрастать мифы, распространяться стереотипы.

«Просвещение» людей в национальном вопросе надо было начинать давно, когда зашатался один из столпов советской системы — пролетарский интернационализм.

Сегодня в ходу примитивные стереотипы. Один из них, распространенный в бывших союзных республиках, — «мы были колониями». Второй стереотип — «имперский шовинизм». Третий стереотип — «все кровавые конфликты, полыхающие по окраинам бывшего Союза, раздуваются Россией, ибо чрезвычайно ей выгодны».

В ответ рождаются другие мифы: «русский народ больше всех унижен», «русских винят во всем», «у всех национальностей один виновник — Россия».

На мое замечание, что национализм — малопочтенное мировоззрение, генерал Стерлигов ответил: «Но почему же тогда нам так нравился литовский, эстонский, латышский, молдавский национализм? Почему же мы молчали, наблюдая все, что происходит в Прибалтике, когда пришедшие к власти с поддержкой российских демократов националисты стали притеснять «некоренных»?»

Кому «нам»? Если генерал имеет в виду демократическое крыло, то ему никакой национа-

Генерал Стерлигов: «Дать приказ Лебедю, и он через шесть часов будет в Бухаресте!»

лизм не нравится. Но нельзя было не поддержать законного стремления балтийских народов к независимости.

Уже тогда, когда народные фронты крепили и набирали влияние, было ясно, что будет, когда придут к власти. Но и позже, когда в странах Балтии стали приниматься дискриминационные законы, протест из России был очень умеренным.

Многие убеждали себя, что национализм малой нации — понятен и простителен, а большой нации — разрушителен и презрен. Но «малый» и «большой» — понятия относительные. Национализм понятен, когда он возникает как реакция на угнетение, но, перейдя какую-то черту, он сам мгновенно перерождается в угнетателя. Природа национализма одна, и уважения национализм не вызывает.

— Россия из века в век — многонациональное государство. Как вы будете строить отношения с другими народами?

— (С легким вызовом.) Как раньше строили, так и дальше будем строить. Мы учитываем реальности и не собираемся ликвидировать республики. Как только в России стабилизируется экономическая ситуация, сюда не просто пойдут — побегут.

— Как вы относитесь к антисемитизму?

— У нас в Русском национальном собрании этого нет, хотя за все прим-

кнувшие к нам движения — их больше двадцати — ручаться трудно. Но «Память» на свои собрания мы не пускаем. Лозунгов вроде тех, что были у Останкина, вы у нас не увидите. Хотя не понимаю, почему мы все время говорим об антисемитизме? Еще проблемы нет, а журналисты все время провоцируют, дразнят, подталкивают к этому...

Прикладная идея

Национализм генерала носит прикладной характер — он нужен, чтобы «скинуть» правительство. Это форма политического существования, найденная не сразу. Но это не чистая конъюнктура. Русская идея близка душе генерала. «Наш национализм способствует осознанию русскими своих интересов с тем, чтобы создать правительство, служащее не американцам, а России», — говорит Стерлигов. — Кроме русских, это никто не сделает».

Почему американцам? Генерал повторяет мифы, не утруждаясь объяснением: «Это все делается для того, чтобы разрушить страну. Разрушенной страной управлять легче...»

Неужели генерал верит, что Западу действительно удобнее иметь дело с нынешней Югославией, а не со стабильным правительством в каждой югославской республике?

Почему «кроме русских»? При чем здесь этнический фактор? Как-то не очень это сочетается с заяв-

лениями Стерлигова о том, что Русский национальный собор не ведет речи об исключительности русских...

Генерал считает, что только русский народ как собиратель России может совершить эту историческую задачу, и с моим замечанием, что национализм русских способен лишь взорвать страну, не соглашается. Просто не соглашается и все, не вдаваясь в подробности.

Русский национализм после разговора с генералом мне представился в виде ключика, которым пытаются открыть замочек власти. Много ключиков уже подбирали — и неоккоммунисты, и патриоты. А это новый ключик. Власть — цель любой политической силы. Но не слишком ли опасный ключик? И каким образом собор хочет прийти к власти?

Будет ли Лебедь в Бухаресте?

Генерал считает, что России нужен переходный период от «нынешней разрухи к стабилизации», а на это время необходимо жесткое правительство. Из кого может состоять жесткое правительство персонально или хотя бы из представителей каких политических группировок? Генерал отвечает уклончиво: «Я пока этого до конца не вижу». Может быть, видит себя, но говорить пока стесняется.

Генерал — явный и недвусмыслен-

ный сторонник силы. В его программе «Преобразование России» сформулированы десять ключевых задач спасения страны. Лишь первый пункт включает слово «обеспечить», остальные девять повторяют — «остановить», «прекратить», «не допустить». Запретительная часть программы гораздо убедительнее созидательной.

После стабилизации, говорит генерал, можно продолжать реформы. То есть получается, что надо как бы вернуться в 1985 год, когда была «стабильная» политическая и экономическая обстановка: были фиксированные цены, был госзаказ, был Госнаб и были обязательные договоры. И то, что было позже, при Павлове, тоже предусмотрено в программе — денежная реформа с прицелом «почистить» нуворишей, ограничение денежных средств, выдаваемых банками на потребление, уборка урожая «армейскими подразделениями», уголовная ответственность за срыв поставок.

Загнать джинна обратно в бутылку без насилия не получится. Генерал этого и не скрывает.

Он, например, убежден: стоило бы Ельцину послать жесткую телеграмму Снегуре, и никаких проблем в Приднестровье бы не было.

— Жесткую телеграмму послать можно, — заметила я. — Но за жесткими заявлениями должны следовать жесткие действия. А на это правительство идти не хочет...

— Какие действия? Дать приказ Лебедю, и он через шесть часов будет в Бухаресте!

А лидеры кто?

Генерал призывает сместить правительство и прийти к власти конституционным путем. Одно из его последних предложений состоит в следующем: организовать встречу лидеров национальных движений России, которые сформируют правительство и предложат Верховному Совету его состав одобрить. Идея невероятно амбициозная — одну из первых скрипок на таком собрании играл бы, естественно, мой собеседник.

Остается за скобками один вопрос: а кто эти люди и кто дал им право формировать правительство? Есть ли уверенность в том, что именно народ уполномочил их вести переговоры от его имени? Действительность последних лет показала, что зачастую — народ сам по себе, а национализм — сам по себе. А лидеры движений таким путем удовлетворяют собственные политические амбиции.

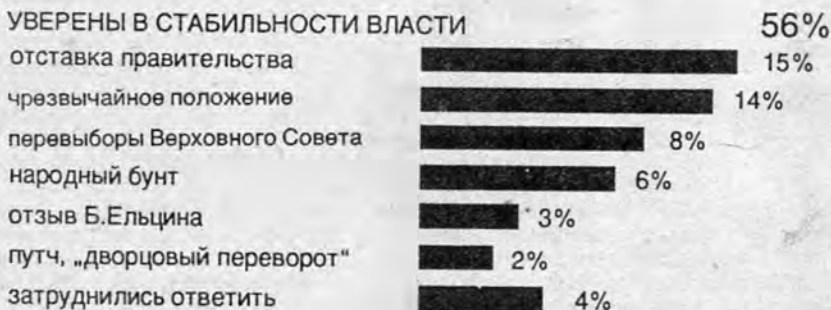
Есть очень хороший и, главное, конституционный способ выяснить, кому народ доверяет, кого он наделает полномочиями представ-

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ОПРОС

Служба изучения общественного мнения VP (Vox Populi)
Руководитель — профессор Борис Грушин.

Кто может сменить существующую власть?

Какой из вариантов развития событий, связанных с нестабильностью нынешней власти, вам кажется наиболее вероятным в ближайшие месяцы?*

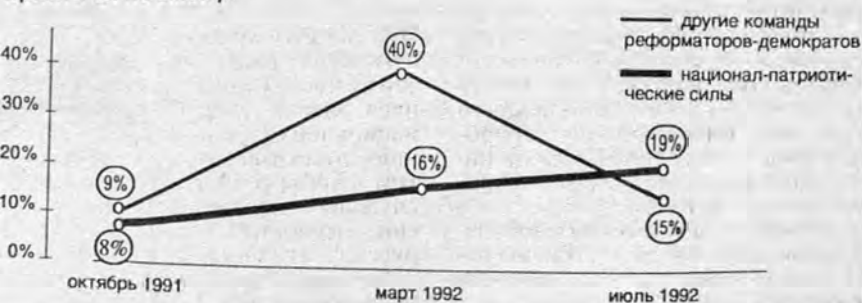
Уверенность в незыблемости власти проистекает, вероятно, от сознания лидерами общественного мнения того, что нет ни одной ярко выраженной политической силы, способной сегодня заменить нынешнее правительство. Отвечая на вопрос: «Если все-таки власть сменится, какие именно политические силы смогут прийти ей на смену?», каждый четвертый уверен, что такого развития событий вообще быть не может. 22 процента опрошенных в качестве наиболее вероятных преемников сегодняшней власти назвали представителей промышленных кругов, 19 процентов — национал-патриотов, 15 процентов — другие команды реформаторов-демократов, 10 процентов — сторонников коммунистической идеи. Замыкают список возможных претендентов на власть военные и силы госбезопасности: их рейтинг оказался крайне низок — 7 и 1 процент соответственно.

Однако, сравнивая все эти данные с результатами предыдущих опросов, можно все-таки заметить тревожную тенденцию: акции демократов падают, а национал-патриотов, напротив, постепенно набирают силу.

(Опрос лидеров общественного мнения. Октябрь 1991 года, март и июль 1992 года. Опрошено 709, 626 и 484 человека.)

* В данном случае каждый мог дать несколько ответов, в результате чего их общая сумма превышает 100 процентов.

Если все-таки власть сменится, какие именно политические силы смогут прийти ей на смену?

лять его интересы и решать за него. Этот способ — всеобщие парламентские и президентские выборы.

Если на ближайших выборах народ отдаст свои голоса за генерала Стерлигова и его нынешнего партнера, второго сопредседателя Думы Русского национального собрания Геннадия Зюганова, тогда генерал и сможет вынуть хранящий-

ся сегодня где-нибудь в нижнем ящике стола готовый список членов кабинета, в котором ему отведена не последняя роль.

— Теперь вы чувствуете себя на своем месте?

— Да ну, что вы! Бузить — это разве мое?

Очевидно, генерал Стерлигов считает, что его призвание — наводить порядок.

Долги наши тяжкие

Нина Плекина

Ситуация с выплатой внешней задолженности странами СНГ уже несколько месяцев близка к взрывоопасной. После распада СССР большинство республик просто не возвращают падающую на них долю накопленных долгов. Россия платит намного меньше того, что предусмотрено графиком погашения долга. Объяснение простое: нет валюты. Но Запад, который мог бы принять такое объяснение от какой-нибудь центральноафриканской страны, не желает соглашаться с ним применительно к нам. Богатейшее государство, располагающее всем необходимым для своего развития, оказывается не в состоянии заплатить смехотворные по международным меркам суммы для того, чтобы успокоить кредиторов и не подрывать к себе доверие.

Мы должны

Несмотря на то что все страны мира друг другу что-то должны и подробная статистика задолженности издавна публикуется как кредиторами, так и должниками, у нас эта проблема продолжает оставаться закрытой, и данных, свидетельствующих о реальном состоянии дел, практически нет.

Из появляющихся в печати многочисленных интервью высоких должностных лиц можно сделать вывод, что внешний долг бывшего СССР составляет примерно 71 миллиард долларов, из которых несколько больше 56 миллиардов — долгосрочный и чуть больше 14 — краткосрочный долг. В свою очередь краткосрочный и долгосрочный долги делятся на связанные и несвязанные займы, облигации, кредиты поставщиков, импортные аккредитивы, кредиты, гарантированные Внешэкономбанком, просроченные платежи по импорту и по оплате фрахта и так далее.

Опыт развивающихся стран, имеющих задолженность более триллиона долларов, показал, что важна даже не сама абсолютная сумма внешнего долга, а выплаты по нему, которые должны быть произведены в текущий период. Исторически сроки погашения прошлых долгов сложились так, что пик выплат приходится как раз на 1992-й, а бывшие советские республики должны заплатить более 20 миллиардов долларов.

Начиная с конца прошлого года прави-

тельство России вынуждено вести переговоры с представителями стран-кредиторов, объединенных в так называемые Парижский и Лондонский клубы, об отсрочке выплат по долгам. Понимая нашу ситуацию, отсрочки предоставляют, но каждый раз на период не более трех месяцев, по истечении которых правительство вынуждено снова писать меморандумы о том, что ситуация с валютой критическая и платить нет возможности.

Однако даже при всех отсрочках при-

**Берешь на
время, а
отдаешь
навсегда. Этой
шуткой
должники
старались
прикрыть
стремление
уклониться от
возвращения
взятого
взаймы.
Но с
кредиторами
шутки плохи**

мерно 10 миллиардов должны быть возвращены в этом году. Правительство утверждает, что платить больше чем 2,5–3 миллиарда долларов в год мы просто не в состоянии — таких денег в бюджете нет. Вот если Запад даст новые кредиты, которые носили бы не целевой характер, а могли бы быть использованы на обслуживание внешнего долга, тогда, мол, перспективы выплат по прошлым долгам были бы более радужными.

Само собой, что Запад такая постановка вопроса не очень радует, тем более что, по мнению кредиторов, возможности погашать внешнюю задолженность в полном объеме у России есть. Действительно, российский экспорт в этом году, практически полностью осуществляемый сегодня за твердую валюту, составит по минимальным оценкам около 30 миллиардов долларов. Кроме того, по мнению международных финансовых организаций, можно было бы переориентировать на Запад часть экспорта, который

сегодня идет за рубли в страны «ближнего зарубежья» — вот дополнительная валюта. Еще один источник: Россия получает часть размороженных кредитов бывшего СССР.

Больше всего бывший СССР задолжал Германии, Японии, Италии, Франции, США, другим западным странам. Остались мы должны и бывшим странам СЭВ, но в переводных рублях, в советских рублях или в долларах по клирингу. Как ни странно, должны мы и некоторым развивающимся странам (Египет, Индия, Иран, Сирия) — также по клиринговым расчетам. Все это различные типы задолженности. Для каждой страны используется свой курс пересчета твердых валют в рубли и другие валюты. Поэтому эти долги роднит только одно: платить их нам.

Нам должны

Откуда же взять деньги? Да, некоторые страны должны бывшему СССР. Однако измеряется этот долг в рублях (порядка 44 миллиардов рублей составляют требования к развивающимся странам и 42 — к бывшим социалистическим) и понять, сколько это будет сегодня в долларах, невозможно. Кроме того, сам список наших должников вызывает лишь снисходительную улыбку: Куба, КНДР, Монголия, Вьетнам, Афганистан, Эфиопия, Никарагуа... Теоретически платить могут только Индия, Ирак, Ливия, Сирия и некоторые другие страны, да и то не все валютой, а частично натурой, которая не поможет нам рассчитаться с внешним долгом.

Надо признать, что долги третьих стран нам — это дол-

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ДОЛГА БЫВШЕГО СССР МЕЖДУ РЕСПУБЛИКАМИ

ги, которых нет. Стратегия, видимо, должна заключаться в том, чтобы получить с наших должников хоть что-то. Разумнее всего было бы превратить долговые обязательства в нашу собственность на территории страны-должника. Неплохо было бы приобрести кое-какие курортные зоны в жарких странах, землю с залежами полезных ископаемых, недвижимость, которую потом можно было бы использовать в коммерческих целях. Всю сумму задолженности таким путем, конечно, не вернуть, но хоть какую-то часть компенсировать удастся.

Другой вариант — продажа безнадежных долгов на вторичном рынке по стоимости ниже номинала. Покупателями могут быть те, кто знает, как можно надавить на конкретного должника, чтобы заставить его платить. Западные банки смогут принять «в оплату» и политические уступки, которые создавали бы более благоприятный климат для частных инвесторов. Но нам надо отдавать себе отчет в том, что больше, чем несколько процентов от стоимости долговых обязательств, мы не получим. А некоторые из них уже сегодня стоят не больше той бумаги, на которой напечатан соответствующий вексель. Такова плата за безрассудную кредитную политику прошлых лет, и если мы не хотим, чтобы задолженность нам была просто забыта, то этим надо срочно заняться. Причем позиция наша должна быть достаточно жесткой.

Что касается других источников для покрытия внешнего долга, то экспорт как основной источник по-

Рисунок
Геннадия
Живуцкого

РОСТ ДОЛГА БЫВШЕГО СССР (в миллиардах долларов)

1986	1987	1988	1989	1990	1991	1992
31.4	39.2	43.0	54.5	61.1	61.4	71.1

ступления твердой валюты практически весь расходуется на критически важный импорт, без которого добрая часть промышленности просто остановится. Нередко получается так, что деньги, еще не полученные от выполнения экспортного контракта, уже потрачены на импорт.

Кроме того, государство может расплачиваться по внешнему долгу только из своего валютного резерва, который на сегодняшний день не располагает и десятой частью средств, необходимых для платежей. Предприятия, обязанные продавать на свободном рынке (в том числе и в централизованном валютном резерве) примерно половину валютной выручки, всячески избегают этого, стремясь сохранить валюту на своих счетах и использовать ее по своему усмотрению.

Государство закручивает гайки, создает всевозможные валютные инспекции, обязует экспортеров с 1 октября нынешнего года продавать всю валютную выручку на внутреннем валютном рынке, но в результате только обваливается валютный курс и усиливается бегство иностранной валюты из страны, которое, по некоторым оценкам, уже составляет порядка одного миллиарда в месяц.

Речь идет не о том, что кто-то увозит доллары в чемоданах. Просто экспортеры открывают счета в зарубежных банках и под разными предлогами оставляют там свою валютную выручку. Выцарапать ее оттуда государственными органами невозможно: ни один уважающий себя банк не раскроет тайну вкладов своих клиентов до тех, пор пока не получит вступившее в законную силу решение суда, признающее клиента нарушителем закона.

Получение новых сумм от наших традиционных кредиторов осложняется тем, что во многих странах закон запрещает правительству выдавать займы тем странам, которые не платят или платят неаккуратно по прошлым долгам. Логика понятна: государственные кредиты — это деньги налогоплательщиков, и правительство обязано распоряжаться ими наиболее эффективным образом. Если бы не некоторые двусторонние кредиты, данные еще СССР и замороженные вследствие возникшей у нас неразберихи, то новых поступлений по кредитным линиям практически нет или они носят чисто символический характер. Не пошло пока дальше разговоров предоставление громкогласно объявленной помощи в 24 миллиарда долларов, о которой сегодня, похоже, все забыли, а объявленный кредит МВФ в 1 миллиард долларов обставлен такими условиями, что в нынешней ситуации правительство просто боится его брать.

Не решен и вопрос об ответственности стран СНГ за внешний долг бывшего СССР. В конце октября 1991 года представители нескольких республик подписали меморандум о взаимопонимании относительно долга иностранным кредиторам со стороны СССР и его правопреемников, объявив себя солидарно несущими ответственность за долг и уполномочив Внешэкономбанк управлять им.

Платить придется России

В декабре того же года был подписан договор о правопреемстве в отношении внешнего государственного долга и активов СССР. Уточняя долю каждой республики в экспорте-импорте, населении и национальном доходе бывшего СССР, было установлено, что на Россию приходится 61,34 процента долгов и активов, на Украину — 16,37, Беларусь — 4,13, Узбекистан — 3,27, Казахстан — 3,86, а на остальные республики — менее чем по 2 процента на каждую. Все республики должны были открыть во Внешэкономбанке специальные счета, с которых и осуществлять платежи своей части внешнего долга.

Наконец, в марте нынешнего года страны подписали соглашение о дополнении к вышеуказанному договору, по которому Россия и Украина стали сопредседателями межгосударственного совета, а третий его сопредседатель назначается в порядке ротации из числа других членов.

Основной интерес республик, участвовавших в разработке этих документов, сводился не столько к тому, чтобы платить по своим внешним обязательствам и соответственно претендовать на получение новых кредитов, сколько к желанию разделить активы бывшего СССР. Кредиторы со своей стороны хотели только одного: чтобы долги платил от лица всех республик кто-то один. Перспектива иметь дело с каждой республикой отдельно, до должностных лиц которой порой даже дозвониться невозможно, вызвала у них дрожь.

Однако система расчетов по внешнему долгу так и не заработала. Причина так же банальна, как и прежде: у большинства республик просто нет валюты, чтобы платить. Хотя на погашение общего долга забираются валютные средства тех предприятий ряда республик, которые все еще имеют счета во Внешэкономбанке, но не менее 95 процентов выплат — заведомо российские деньги. И если за среднеазиатские республики, доля которых в долгах и активах ничтожно мала, еще и можно заплатить, то самое неприятное то, что не вносит своей доли Украина.

В этих условиях российское пра-

вительство предложило принять на себя все расчеты по обслуживанию внешнего долга, но, естественно, на том условии, что за ней останутся и все активы бывшего СССР. Беларусь, Кыргызстан и Туркменистан с радостью подписали соглашение о так называемом «нулевом варианте». Прибалтийские республики не признают существования проблемы, ибо никогда не включали себя в состав СССР, а закавказские страны воюют друг с другом и им вообще не до того.

Особая проблема с Украиной: она и по долгам толком не платит, и свою долю в активах иметь хочет, полагая, что они большие. По мнению российского правительства, с Украиной надо будет подписать долгосрочное соглашение, по которому активы бывшего СССР, причитающиеся Украине, будут поступать ей по мере погашения ею своей задолженности перед Россией, возникшей вследствие того, что Россия берет на себя уплату украинской части внешнего долга. Такое соглашение было бы выгодно Украине, поскольку она полностью освобождается от внешнего долга и сможет брать новые кредиты, а Россия получает полную свободу маневра и право принимать единоличные решения по всем вопросам обслуживания задолженности.

Как бы ни сложились отношения со странами СНГ, сегодня очевидно одно: несмотря на принцип солидарной ответственности, погашать внешний долг бывшего СССР придется России. А для этого крайне необходимо сосредоточить усилия на решении прежде всего наших внутренних проблем. Для начала хотя бы составить платежный баланс, в который включить торговлю со странами СНГ и посмотреть, что будет, если перевести ее на мировые цены или переориентировать часть экспорта на Запад. Думаю, что здесь есть серьезные валютные резервы.

Кроме того, необходимо вернуться к политике финансовой стабилизации, сделав рубль действительно единственным законным платежным средством внутри страны, исключив иностранную валюту из внутреннего оборота. Экономическое регулирование должно быть таким, чтобы иностранную валюту было выгодно привозить в страну и обменивать на рубли.

Наконец, необходимо разработать комплексную кредитную стратегию, обеспечивающую оптимально эффективное использование привлекаемых иностранных кредитов, сопоставительный анализ условий займов и гарантированных выплаты по долгам. Здесь должна ощущаться четкая политическая линия, понятная и западным кредиторам, и нашим предпринимателям.

Когда историю творят добрые люди

Лев Безыменский

Эпохи уходят со своими лидерами. Вилли Брандт, последний великий деятель послевоенной эпохи, покинул нас, оставив Европе и своим друзьям решать проблемы, которых у них не меньше, чем было у Брандта, а, пожалуй, больше. Но разве это повод не ценить ушедших?

Еще при жизни он стал и легендой, и историей. Его автобиография составляет несколько томов, а число томов, написанных о нем, трудно подсчитать. Не в последнюю очередь потому, что это был на редкость открытый человек. Он охотно рассказывал о себе, о своих планах, делился мыслями. По одной простой причине: у него было что сказать. Умудренный опытом своей жизни — в том числе своих ошибок и просчетов, — Вилли Брандт представлял собой редкий экземпляр мыслящего политика, который действовал не по прагматической подсказке «текущего момента», а на основе определенных убеждений демократа — и не в последнюю очередь социал-демократа. Может, в наступившую эпоху «антиидеологическую эпоху» таких политиков уже больше и не будет.

Историю творят массы — таково традиционное утверждение, которое мы в течение долгих лет повторяли с неким упоением, как бы компенсируя прямо противоположную практику «культ личности». Но в истории без личностей не обойдешься. И как хорошо, когда ее творят приятные личности!

Вилли Брандт был удивительно приятным человеком. Мягкий, ироничный, прекрасно умеющий слушать собеседника и, что не менее важно, понять его, обаятельный до nepазволительной степени — все эти качества не давали ему оснований рассчитывать на большую карьеру. В Америке он безусловно бы ее не сделал, предоставив прессе такую уйму забавных и компрометирующих его подробностей своей личной жизни, что их хватило бы на десяток импичментов.

Размышления не только о Вилли Брандте

Да и предпосылок для немецкой карьеры у него не было. Внебрачный сын продавщицы из любекской лавочки Герберт Фрам, проведенный детство в стесненных условиях, в значительной мере самоучка, с юных лет связавший свою судьбу с рабочим движением, да еще вдобавок эмигрант, сменивший имя и фамилию и проведенный войну в Швеции и Норвегии, — как неподходящи были эти качества для традиционной линии восхождения немецкого государственного и политического деятеля! В этой кайзеровской традиции социал-демократы давно были окрещены «безродными типами» (Сталин совершил очередной плагиат, родив «безродных космополитов»). Даже в демократической Веймарской республике социал-демократам лишь раз и очень неудачно выпал пост главы правительства.

Брандт сломал традицию, или, точнее, его канцлерство и успех его партии было внешним феноменом слома традиции. Для этого должно было многое свершиться — и в первую очередь должен был свершиться крах нацистской диктатуры, которая в значительной степени была типологическим продолжением и «высшей стадией» кайзеровского империализма. Диктатуры доводят до логического и абсурдного выражения любые качества. В них убийства переходят из индивидуального акта в массовые оргии, психоз отдельных лиц — в массовый психоз, а убеждения одного человека — в стадию абсолютной истины. Создаются империи, построенные на симбиозе агрессии против иных и собственного народов — и

они не могут не рухнуть. Тысячелетняя империя Адольфа Гитлера существовала лишь 12 лет. Этого хватило по горло — Европе, немцам, а Брандту и подавно.

Сова Минервы вылетает к ночи, и время Брандта пришло не сразу. Теперь они оба принадлежат истории — Вилли Брандт и Конрад Аденауэр. Брандт не мог прийти сразу, равно как Аденауэр не смог бы сделать многого, что совершил Брандт. Наступившая после разгрома нацизма эпоха «холодной войны» требовала своих героев, и канцлер Аденауэр понял эту потребность, умело извлекая из линии Запада максимальные дивиденды для своего западногерманского государства. Не будем кривить душой — и Вилли Брандт, будучи западноберлинским

Берлин, 1963. Вилли Брандт и Джон Кеннеди — у них было много общего

Варшава, 1970 — перед памятником жертвам гетто

обер-бургомистром, внес свой немалый вклад в структуру построенных на конфронтации послевоенных внутригерманских отношений. Советская печать не преминула тогда произвести Брандта в ранг английского или американского (тогда в точности не нуждались) агента.

Сам он вспоминал об этом без злобы — жизнь научила его понимать даже клеветников. Но на смену великому разбрасывателю камней должен был прийти их собиратель. Не сразу — первым правительственным постом Брандта был пост министра иностранных дел в кабинете «большой коалиции» ныне полубытового канцлера Кизингера. Но уже на этом посту Брандт был определенной программой. Помню, как по рекомендации одного из крупнейших деятелей тогдашнего делового мира Бертольда Байца я направился к руководителю «планового штаба» у нового министра Брандта, молодому и малоизвестному Эгону Бару. И услышал в кабинете на Коблендерштрассе ранее непривычные размышления об углублении советско-германских отношений, в том числе о строительстве нефте- и газопроводов из Сибири в ФРГ. А шел только 1967 год...

Сейчас спорят: а не был ли Аденауэр основателем новых отношений между нашими народами? Не он ли в 1955 году установил дипломатические отношения с Советским Союзом? И не он ли — чему я был свидетелем в гостинице «Советская» (ах, какие были названия!) — на вопрос о характере будущих отношений, ответил:

— Я хочу не только дипломатических, но и хороших отношений...

Но всей психологическо-политической натуре Аденауэра наша стра-

на была чужда, а ее чудовищные потери и весь тяжкий груз, оставшийся в советском народе, им не воспринимались. Это смог Вилли Брандт.

Распространенная формула гласит: Аденауэр примирил Германию с Францией, читай — с Западом, Брандт — с Востоком. Всякое упрощение рискованно, а вышеприведенное — неточно. Не следует разрывать оба процесса. Оба связаны и, что еще важнее, только тогда приобретут свое историческое измерение, когда станут частью идеологии новой Европы.

В этом процессе Брандту пришлось куда труднее. Сильнее было внутреннее сопротивление в собственной стране, где сама война и последовавшие годы «холодной войны» оставили глубокие зарубки в психологическом состоянии немецкого народа. А партнер — партнер-то был самый трудный!

Парадокс исторического подвига Брандта состоит в том, что он выпал на долю представителя партии, к которой в Москве проявляли максимальную враждебность. «Социал-демократ» (он же «социал-предатель») был бранной кличкой для правоверных коммунистов со времен Сталина и Коминтерна. Кроме того, вульгарная трактовка капиталистического общества требовала иметь дело с «хозяевами» (капиталистами), а не со «слугами» (социал-демократами). От этих представлений в Москве освобождались с большим, поистине невероятным трудом. Помню, с какими предосторожностями приходивший в ЦК КПСС новый секретарь Дмитрий Шепилов поручал главному редактору «Нового времени» Наталье Сергеевой и автору этих строк «секретную миссию» — поездку в Ве-

ну на конгресс Социалистического Интернационала с целью выяснить подлинный характер этого центра, слывшего «международным центром предателей и агентов».

Социал-демократическая сторона шла на контакты с КПСС значительно охотнее — в том числе сам Вилли Брандт и его старший коллега по партии Герберт Венер. Тем самым они помогли появлению нового подхода к СДПГ со стороны хрущевского, а затем брежневского руководства. Для меня до сих пор остается загадкой, каким образом верный хранитель коминтерновских заветов, многолетний кандидат в члены политбюро Борис Пономарев, возглавлявший международный отдел ЦК КПСС, терпел, а затем

даже поощрял пересмотр замшелых идеологических скрижалей. Но, видимо, есть объективные потребности истории, которые сильнее кандидатов в члены политбюро.

Брандт знал трудности и не убоился их. Терпение, умение говорить откровенно, обаяние и, не в последнюю очередь, умение понять роль застоя в советской внешней политике — все это было применено во имя поставленной цели: создать новую внешнюю политику ФРГ, включающую в свои рамки как СССР, так и другие союзные ему страны, в том числе ГДР. Для Брандта высшей нравственной целью было историческое примирение народов, разведенных нацизмом. ФРГ, не претендующая ни на чьи земли, добрый сосед Востока — эта цель действительно оправдывала пущенные в ход дипломатические средства. Восточная политика Брандта стала реальностью и была воплощена в знаменитые договоры 1970—1972 годов.

Ни одно доброе дело не остается безнаказанным. Ирония судьбы заключалась в том, что именно ГДР, установление нормальных отношений с которой особо трудно было достичь канцлеру ФРГ Брандту, подбросила ему «дохлую кошку» в виде агента министерства госбезопасности ГДР Гюнтера Гийома, разоблачение которого заставило Брандта уйти с поста канцлера.

Собственно говоря, он мог и не уходить. Многие западные политики спокойно «переживали» аналогичные скандалы. Но добрый и честный человек Вилли Брандт не хотел таких компромиссов с самим собой. Он ушел, а его историческое дело осталось вне подозрений. Как хорошо, когда историю творят добрые люди, которые не жалеют самих себя для добрых дел!

Был у восточной политики и особый аспект, ставший понятным только позднее. Как ни странно, его сначала разглядели догматики в ГДР, узревшие в нем некую угрозу коммунистическому фундаментализму. Когда ближайший соратник Брандта Эгон Бар выдвинул формулу «Преобразование через сближение», нашлись люди, которые восприняли ее не только как вызов, но и как подрывную и коварную затею международной социал-демократии. Поэтому многие интерпретаторы брандтовского курса в Берлине (да и в Москве) старались свести его только к государственно-дипломатическим актам, в чем, казалось, преуспели.

Сегодня можно себя спросить: так что же, привело ли сближение к преобразованию? Привело, да еще к какому! Его, безусловно, не ожидали, да и не могли ожидать политики и идеологи 70-х годов. Но не в вульгарном, «подрывном» толковании. Являясь составной и даже иницирующей частью всемирно-исторической попытки преодоления конфронтации двух ядерных блоков, восточная политика Брандта, как и западная политика Брежнева, а затем — Горбачева, естественным образом приводила к возможности лучшего сопоставления различных образов человеческого существования — то есть к тому, чего старались избежать тот же самый Брежнев и иные деятели постсталинизма.

Без восточной политики Брандта не могло быть и Хельсинки, не могло быть и единой Германии. Сегодня все кажется ушедшим в прошлое, как бы незначительным. Но новые соотношения на мировой арене возникают сами по себе. Они вызревают изподволь, даже если их не планируют.

Вилли Брандт энергично приветствовал сдвиги в Советском Союзе и других странах Восточной Европы, стараясь оставить эти сдвиги в рамках мирных демократических преобразований. Когда же преобразования стали приобретать дезинтеграционные черты, он не испытывал чувства злорадства. Он остался собой: сторонником демократического социализма, одним из лозунгов которого было: «За социализм потому, что он разумен».

Может, именно против этого принципа погрешили те, кто считали, что строят социализм у нас?

* * *

Так что же, Брандт — герой нашего времени? Нет, он герой своего времени — времени великого идеологического противостояния, грандиозных конфликтов и потрясений, чуть не завершившегося гибелью рода человеческого. Мы, грешные, погрязшие в новой русской смуте, забываем, что такое время было и чудовищная опасность была реальна. К ней толкали — но оказались на

Москва, 1988 — во время последнего интервью «Новому времени»

свете добрые люди, ее снявшие. Среди них — Вилли Брандт.

Да простят мне, выросшему в публицистике на вульгарных терминах, что я обращусь к одному из таких, порядком затасканных, но важных. Термин сей «общечеловеческие интересы». Вилли Брандт видится мне в первую очередь как политический и общественный деятель, наиболее адекватно выражавший именно общечеловеческие интересы и ценности.

В расколоте Европы общечеловеческие интересы были совсем не в моде. У нас они были отвергнуты в угоду интересам классовым, на Западе причислялись к достойно неких чудаков-пацифистов, над которыми то посмеивались, то зачисляли в разряд «пособников коммунизма». В сей разряд порой зачисляли и Вилли Брандта.

Сколько поношений пришлось вынести Брандту в эти годы! Поносили его ультраправые, издевались над ним консерваторы, критиковали товарищи по собственной партии. Однако политика Брандта оказалась национальной, а тем самым и общечеловеческой политикой немецкого народа.

Не меньшим поношениям подверглось и демонстративное коленопреклонение Брандта перед памятником жертвам варшавского гетто. Но очень скоро оказалось, что этот акт внес новую — человеческую и общечеловеческую — ноту в процесс преодоления последствий нацизма и восстановления доброго имени немецкой нации. Не случайно же присуждение Брандту Нобелевской премии было воспринято во всем мире с редким единодушием.

Правда, будем осторожны с этим титулом. Как показывает опыт последнего времени, он далеко не

всегда спасает от хулы. Как и простых смертных, нобелевских лауреатов то возносят, то распинают. Лауреату Брандту повезло: при жизни он распятию не подвергся — может, и потому, что после ухода с государственной стези сумел найти правильную линию поведения, оставшись авторитетом как в своей стране, так и вне ее. Опять-таки как некая совесть общечеловеческая, которой внимают во всех странах, во всех идейных лагерях.

* * *

Еще один секрет Брандта выдал он сам в интервью, которое он дал «Новому времени» в 1988 году. Состоялось оно в обстановке, совсем не типичной для Брандта: в помпезном, мраморно-полированном особняке на тогда еще Ленинских, ныне Воробьевых, горах, предоставленном гостю во время визита к генеральному секретарю ЦК КПСС Михаилу Горбачеву. За дверями нервничали помощники и референты, боявшиеся нарушения строгого графика официального визита. Но мой собеседник не торопился. Ему понравилось предложение не касаться рутинных вопросов советско-германских отношений, а поговорить о себе. Вот строки из тогдашнего интервью:

— Если нет надежды, то ничего не добьешься. По-моему, в политике не нужен оптимизм взахлеб. Однако нужны надежды, уверенность, вера в то, что разумное может стать реальностью. Без этого нельзя ничего достичь...

— Речь идет о том, чтобы заглядывать в будущее. И в самого себя. Думать о том, что многое может стать лучше, чем сегодня...

Сказал, улыбнулся в своей обаятельной доброй манере и попрощался: мол, пора.

Увы, пора прощания пришла.

Генералы могут окончить свои дни за решеткой

Борис Лысенко, собственный корреспондент «Нового времени»

Прокуратура ФРГ уверена, что сумеет отправить в тюрьму некоторое количество бывших руководителей министерства госбезопасности ГДР

Бывшие генералы госбезопасности должны были бы по достоинству оценить западную демократию: когда в бывшей ГДР кого-нибудь решали посадить, то церемонились недолго. Правда, в ГДР сажали не их, а они.

Теперь прокуратура единой Германии намерена наказать тех, кто десятилетиями совершал преступления от имени не существующего более государства, но это оказалось весьма трудным делом.

Кто стрелял?

Прокуратура собирается привлечь к ответственности бывшего генерального секретаря Эриха Хонеккера и еще пятерых видных деятелей бывшей ГДР, входивших в Совет национальной обороны: Ганса Альбрехта, первого секретаря окружкома СЕПГ в городе Зуле, Хайнца Кесслера, министра национальной обороны, его заместителя Фрица Штрелеца, председателя Совета министров Вилли Штофа и министра госбезопасности Эриха Мильке.

Эти люди внесли в уголовный кодекс ГДР формулировку, разрешившую пограничникам стрелять в тех, кто пытался бежать на Запад. В общей сложности на границе убили больше двухсот человек.

В прокуратуре ФРГ понимают: совсем не просто доказать, что отвечать за убийства должны руководители ГДР, а не

только непосредственные исполнители — пограничники.

Двое пограничников уже приговорены к неопределяемым срокам тюремного заключения за то, что они в 1984 году выстрелами из автоматов смертельно ранили двадцатилетнего Михаэля Шмидта, пытавшегося перебраться в Западный Берлин.

Эксперты заявили суду, что, если бы Шмидту была оказана своевременная помощь, он мог бы выжить. Свидетель — бывший майор Манфред Леман — на суде рассказал, что раненый Михаэль Шмидт мучился от боли и просил о помощи, но никто из пограничников даже не попытался выяснить, куда был ранен Шмидт, хотя каждый из них согласно закону о границе ГДР обязан был оказывать пострадавшим первую помощь.

Еще четверых пограничников судят по обвинению в убийстве двадцатилетнего молодого человека, который пытался бежать на Запад вместе со своим приятелем (приятеля ранили).

В качестве свидетеля на процессе был допрошен бывший военный прокурор ГДР Мартин Клозе, который заявил, что вся вина лежит на самих пограничниках. Бывший прокурор сказал, что в 80-е годы не был наказан ни один пограничник, который не стрелял и тем самым позволил беглецам уйти. Такого рода заявления снимают ответственность с бывших руководителей ГДР за преступный приказ.

Немецкие юристы надеются тем не менее доказать, что члены Совета национальной обороны произвели незаконные изменения в уголовном кодексе и тем самым нарушили конституцию ГДР, то есть являются преступниками по законам не только ФРГ, но и ГДР.

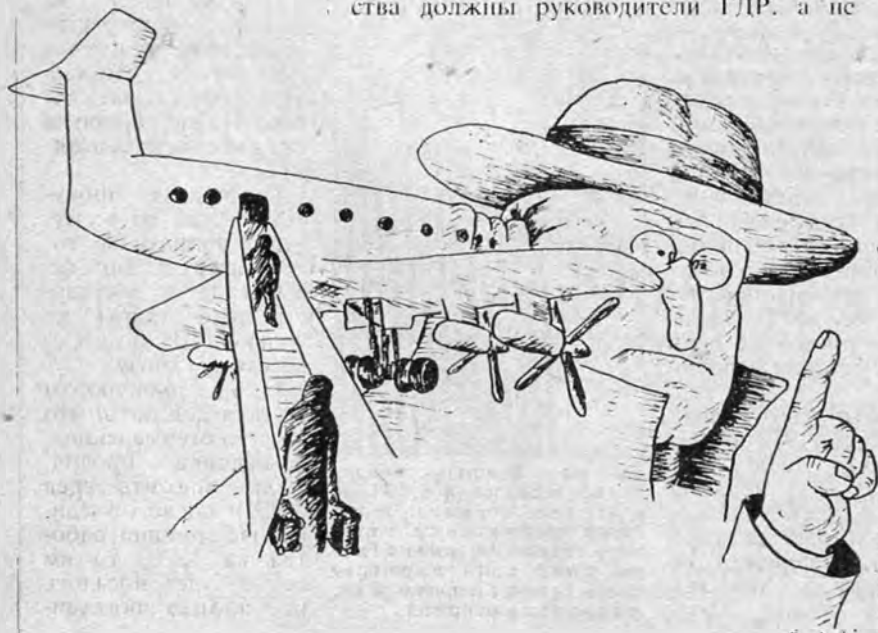
Любовь к «Красной Армии»

Одновременно бывший министр государственной безопасности ГДР Эрих Мильке, его заместитель Герхард Нойбер и еще пять высших офицеров обвиняются в том, что они предоставляли убежище террористам из западногерманской «Фракции Красной Армии» и активно сотрудничали с ней.

Несколько террористов обосновались в ГДР, другие могли в любое время укрыться на территории ГДР, что было неопределимой помощью после очередной кровавой акции, когда убийца искала вся западноевропейская полиция.

Восточногерманская служба госбезопасности помогала и другим террористам, прежде всего палестинским и ливийским.

В апреле 1983 года в Западном Берлине ливийские террористы взорвали дискотеку, где собирались в основном молодые американцы.

Ливийцы доставили взрывчатку через границу ГДР. После объединения Германии в архивах МГБ была найдена докладная записка начальника второго главного управления (контрразведка) генерала Крача министру госбезопасности Эриху Мильке о готовящейся ливийцами акции. В известность был поставлен и Эрих Хонеккер, который приказал не мешать людям Каддафи.

Эрих Мильке объясняет сейчас свои мотивы:

— Политические методы «Фракции Красной Армии» мы не одобряли. Но они преследовали цели, которые были близки нашим. Поэтому мы хотели им помочь. Кроме того, мы хотели предотвратить распространение терроризма на территорию ГДР. Некоторые государства Варшавского Договора, включая Советский Союз, имели в этом смысле проблемы. Мы — никогда.

Однако криминальные методы террористов не были так уж чужды офицерам МГБ...

Человек, назвавшийся Альфредом Нойманом, остановился в небольшой гостинице на окраине Афин. С скромное жилище не соответствовало высокому званию этого человека, но он меньше всего желал вспоминать о прошлом. Странный немец заинтересовал полицейского осведомителя, и Ноймана задержали.

Его паспорт оказался фальшивым. На допросе он назвал греческим полицейским свое подлинное имя — Хельмут Вайт. До объединения Германии он был высокопоставленным офицером министерства государственной безопасности ГДР. Два с лишним года он разыскивается по обвинению в террористической деятельности.

Считается, что Хельмут Вайт, выполняя указание МГБ, передал взрывчатку Ильичу Рамиресу — террористу, известному под кличкой «Карлос» или «Шакал».

«Шакал», который укрылся сейчас в Сирии, участвовал в самых громких и кровавых террористических акциях 70–80-х годов. Полученную от министерства государственной безопасности ГДР взрывчатку «Шакал» использовал для того, чтобы устроить взрыв в здании французского консульства в Западной Берлине в том же 1983 году.

Греческая полиция подозревает МГБ ГДР и в сотрудничестве с греческой террористической организа-

Скамья подсудимых — печальное окончание блистательной карьеры Маркуса Вольфа. Его отправят за решетку, если обвинение докажет, что он щедро делился разведывательной информацией с советским КГБ. В прошлом году московские друзья отказались предоставить ему убежище.

цией «17 ноября» и арестовала Вайта, надеясь, что он как раз был связан с греками, а не с «Карлосом», который в основном работал на палестинцев.

Из-за возраста подсудимого Эриха Мильке — ему исполнилось 84 года — судебные заседания проводятся раз в неделю. Возможно, бывший министр просто не доживет до приговора.

Супершпион

Теперь, когда ГДР уже нет, к процессам, которые готовит прокуратура в Бонне, многие относятся скептически.

Если речь идет о бывших руководителях ГДР, говорят: за-

чем судить этих стариков? Если на скамью подсудимых сажают офицеров МГБ, то возражают: они делали то же самое, чем по другую сторону внутригерманской границы занимались их западногерманские коллеги.

Тем не менее после долгих дискуссий прокуратура ФРГ предъявила обвинения 69-летнему Маркусу Вольфу, бывшему генерал-полковнику госбезопасности ГДР, который создал, возможно, самую эффективную разведывательную сеть в Европе.

Его обвиняют в шпионаже, даче взяток и предательстве. Прокуратура полагает, что люди Вольфа склонили к измене от 500 до 600 западногерманских граждан.

Если его признают виновным, остаток жизни Вольф проведет в тюремной камере. Но Конституционный суд в ФРГ еще должен решить вопрос, подлежит ли Вольф юрисдикции западногерманского суда, ведь его противники из ФРГ совершали такого же рода преступления против ГДР.

Вольф возглавлял разведку с 1953 по 1986 год. Он ушел в отставку из-за несогласия с линией Хонеккера, который не хотел никаких перемен по примеру Москвы. Когда режим Хоне-

ккера был свергнут, Вольф на короткий миг стал одним из лидеров оппозиции, но тут же превратился в преступника, подлежащего наказанию вместе со всем генералитетом бывшего МГБ.

Два самых известных шпиона Вольфа — это Гюнтер Гийом, который стал личным референтом канцлера ФРГ Вилли Брандта, и Клаус Курон, второй человек в западногерманской разведке.

Гийом был осужден в 1974 году к 13 годам, но в 1981 году его выпустили в результате сделки между Бонном и Восточным Берлином. Сейчас Гийом живет на прекрасной вилле недалеко от Берлина.

Курон, которому восточногерманская разведка заплатила в общей сложности полмиллиона долларов, получил свои двенадцать лет только что и помощи ему ждать не откуда. Так же как и Маркусу Вольфу.

В прошлом году Вольф неожиданно оказался в Советском Союзе, как полагают, в надежде обосноваться здесь. Но, видимо, это оказалось невозможным, и он вернулся в Германию.

Похоже, он надеялся, что западногерманские власти не выведут его на суд, опасаясь разоблачений: ведь он многое знал о боннских политиках. Скорее всего, он преувеличил разоблачительную силу своих познаний в интимной жизни западногерманских парламентариев, министров и генералов.

Вольфа вызвали в комиссию бундестага. В течение полутора часов бывший руководитель разведки ГДР умудрился 89 раз отказаться отвечать на вопросы. Даже когда один из депутатов задал между делом вопрос, отмечал ли Вольф свой шестидесятилетний юбилей в 1983 году, Вольф очень осторожно сказал: «На этот вопрос я мог бы ответить позитивно».

Германские прокуроры, судя по всему, будут упираться на то, что агенты Вольфа выдавали государственные тайны не только ГДР, но и Советскому Союзу.

Если прокурорам удастся доказать, что восточногерманские разведчики продолжали наносить вред ФРГ и после объединения Германии, работая на КГБ, то им легче будет посадить на скамью подсуди-

Гюнтера Гийома генерал Вольф переправил в ФРГ на длительное оседание. Вольф более перспективной считал жену Гийома, но именно Гюнтер сумел стать секретарем Вилли Брандта и причиной его ухода с поста канцлера

мых и самого Маркуса Вольфа, и его многочисленных воспитанников.

По свидетельству некоторых газет, имеются неопровержимые доказательства того, что перед концом ГДР восточногерманская разведка передала часть своей агентуры советскому КГБ.

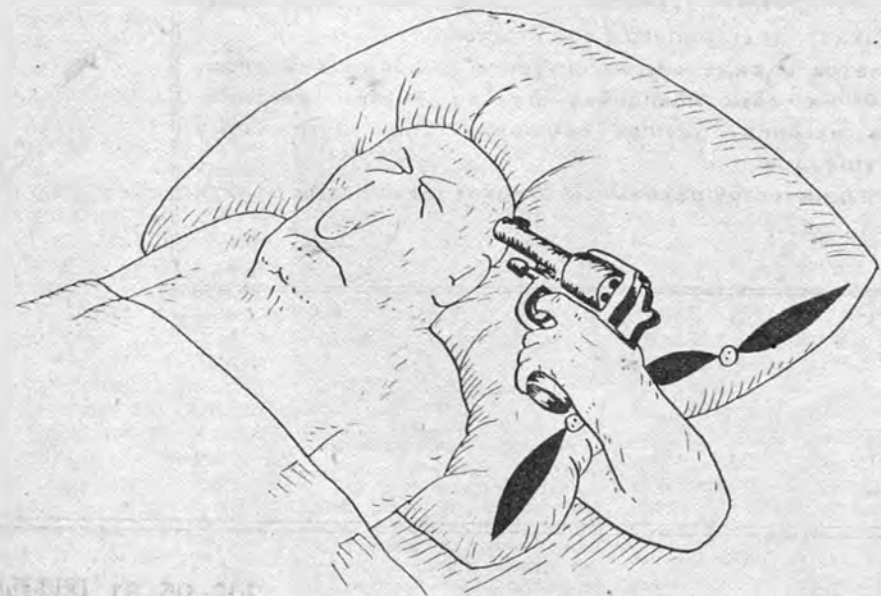
Один 42-летний торговец оружием из Гессена снабжал восточногерманскую разведку информацией о современных видах вооружений, которые закупал бундесвер. Ему помогал в этом один техник. Оба они предстали перед судом. Уже во время процесса выяснилось, что их контакты с МГБ ГДР прекратились после падения берлинской стены в 1989 году, а в начале 1990-го на связь с ними вышел офицер советской разведки.

Западные немцы полагают, что МГБ ГДР передало и свои архивы (или их копии) в Москву, которая теперь располагает важной информацией о немецких политиках. Государственный министр ведомства федерального канцлера по координации спецслужб Бернд Шмидбауэр уже ездил в Москву, чтобы, как уверяет пресса, выяснить, чем располагает российская разведка.

Известно, что МГБ ГДР и КГБ СССР тесно сотрудничали, но до какой степени — особенно в последние годы — они доверяли друг другу свои тайны? От ответа на этот вопрос зависит судьба и руководителей министерства госбезопасности исчезнувшей ГДР, и многих рядовых сотрудников восточногерманской разведки.

БЕРЛИН

Рисунки Марата Таирова

«В последнюю минуту посол испугался»

О взаимоотношениях советской и восточногерманской секретных служб рассказывает бывший начальник 4-го отдела внешней разведки КГБ СССР **Виталий Чернявский**

- Когда вы приехали в Берлин?
— Работать — в 1953-м. До этого приезжал несколько раз на короткое время.

- В какой должности вы появились в Берлине?

— Начальник разведывательного отдела аппарата уполномоченного КГБ в ГДР. До этого я руководил европейским отделом в первом управлении (разведка) МВД. Потом меня неожиданно вызвал Берия и назначил старшим советником в Румынию сразу при двух министрах — госбезопасности и внутренних дел.

- Вы пользовались особым доверием Берия?

— Он, очевидно, доверял мне, иначе не послал бы в Бухарест. Хотя я был для него новым человеком. Меня перевели в центр в марте 1944 года. Тогда Берия не руководил непосредственно НКГБ и НКВД, и все эти годы я был вне поля его зрения.

В 1953-м сыграли роль, несомненно, моя хорошая служебная аттестация и положительные отзывы руководителей первого управления.

- А почему Румыния?

— Впервые меня направили туда в начале сентября 1944 года. Пробыл там три года, хорошо изучил страну, быт и нравы населения, психологию народа, национальный характер, свободно владел румынским языком — так что в случае необходимости вы-

ступал в качестве заправского румына, чему способствовала и моя внешность.

Мне, понятно, очень не хотелось оставлять свою работу в центре, которая нравилась. Я попытался уговорить начальника управления отвести мою кандидатуру, вступить за меня. Но куда там: перечить Берия никто не решался.

- Как вы оцениваете Берия?

— Это был хитрый, коварный и безжалостный царедворец, идущий по множеству трупов к вершинам власти. Ум у Берия был острый, расчет точный, он хорошо разбирался в искусстве разведки и контршпионаже. После прихода в МВД в 1953-м Берия подверг резкой критике деятельность разведки в послевоенные годы и начал энергично заниматься ее перестройкой. Он обновил состав советнических групп в странах народной демократии, поставил во главе их молодых и энергичных сотрудников. Потребовал, чтобы они свободно владели языком страны пребывания и могли беседовать с руководителями секретных служб и государства без переводчиков. Он считал, что отношения с нашими союзниками должны быть более уважительными и доверительными, чтобы советники не вмешивались во внутренние дела и не давали рекомендаций по «скользким» делам, особенно по тем, которые возникали в результате внутренней борьбы в правящей верхушке, чтобы избежать малейшего повода для ссылки на то, что они заведены и реализованы, мол, по указанию «советских товарищей». Это были вполне разумные указания... Впрочем, об этом я подробно пишу в мемуарах, над которыми сейчас работаю, «На Балканах и в Центральной Европе. 1944—1956».

- Как долго вы пробыли в Румынии?

— Едва я успел немного осмотреться в румынской столице, как 17 июня в Берлине прошли выступления рабочих против политики правительства ГДР, которые были подавлены советской армией. Берия позвонил мне по ВЧ и предупредил: «Головой ответите за то, чтобы такого не случилось в Бухаресте». И приказал каждый день докладывать лично ему или его заместителю Кобулову (на нем замыкалась внешняя разведка) об обстановке в Румынии.

К Бухаресту подтянули части отборных дивизий румынской армии, которые были сформированы во

Окончание
на стр. 41

«В последнюю минуту посол испугался»

Окончание. Начало на стр. 24

время войны в Советском Союзе, подразделения погранвойск, усилено патрулирование столицы и ее окрестностей... В Румынии тогда ничего не произошло.

Примерно через месяц после ареста Берия — его арестовали 28 июня — меня, как и других старших советников, отозвали в Москву: «Вы были посланы без согласования с ЦК КПСС, поэтому вас освобождают, ждите нового назначения».

— Куда же вас определили?

— Генерал-лейтенант Питовранов направлялся на должность уполномоченного МГБ в ГДР. Он предложил поехать с ним. Я охотно согласился.

— Питовранов впоследствии был председателем Торгово-промышленной палаты СССР?

— Да. К сожалению, из-за противодействия аппарата ЦК он не стал председателем КГБ: его рано отправили в резерв. А, на мой взгляд, он лучше всех подходил для этой роли: профессионал высочайшей квалификации, инициативный, смелый. Оперативный состав души в нем не чаял.

— Какой была структура советских секретных служб в Восточной Германии?

— Аппарат уполномоченного состоял из секретариата, разведывательного отдела, контрразведывательного, отдела советников — самого большого — и отделения по работе среди эмиграции.

— Ваш отдел был большим?

— Примерно 50–60 человек. Шесть отделений: американское, английское, западногерманское, французское, научно-технической разведки и нелегальной.

— Восточные немцы вам помогали?

— Конечно. Но в основном операции проводили без них. Я первым из советских стал ездить в Западный Берлин. Нашим запрещалось появляться в Западном Берлине, но это была глупость — вербовать агентов надо было там, на месте, а не заманивать всякий раз в Восточный Берлин.

— А русской эмиграцией вы занимались?

— Нет, этим ведало самостоятельное подразделение. В Германии было много русских и украинских эмигрантов, действовали крупные эмигрантские организации, НТС и другие. Мы вели против них активную работу, внедряли агенту-

ру, получали обширную информацию и нейтрализовали их антисоветскую деятельность.

— А похищение одного из руководителей НТС доктора Трушновича, о котором писал наш журнал («НВ» №18/92), при вас произошло?

— Да. Операция закончилась неудачно — Трушнович задохнулся: когда его захватили, то закатали в ковер. Убивать его не собирались.

— Когда в ГДР была создана своя разведка?

— В 1947 году в СССР военную и политическую разведку объединили в Комитет информации при Совете Министров. Такую же структуру под нашим присмотром и с помощью наших советников создали в ГДР. Через пять лет у нас комитет распался. То же случилось и у них — копировали точно один к одному. Министрство госбезопасности появилось у них позднее. Сначала органами руководил старый коммунист и наш агент Вильгельм Цайссер, но он выступил против Вальтера Ульбрихта и был смещен и исключен из партии. Его сменил Эрнст Вольфсбергер, тоже наш бывший агент, моряк-диверсант. Заместителем у него стал Эрих Мильке.

— До этого вы знали Мильке? Ведь он больше десяти лет прожил в Советском Союзе.

— Во время войны он помогал Ульбрихту, который работал с пленными немцами в лагере в Красногорске. Наша агентурная сеть в Германии была быстро разгромлена, пытались восполнить потери, вербуя агентов из числа антифашистов и военнопленных. Их сбрасывали с парашютом над Германией.

— А сам он участвовал в выполнении каких-то боевых заданий?

— Этого я не знаю. По-моему, нет. Но Мильке крутился возле руководителей комитета «Свободная Германия». После 1945-го в советской зоне оккупации Мильке занимал средней значимости должности в политической полиции советской зоны, затем попал в статс-секретариат госбезопасности, стал заместителем Вольфсбергера, а в 1957 году, если не ошибаюсь, занял пост министра госбезопасности, спихнув своего шефа.

— Каким образом?

— Созданная американцами разведка ФРГ, которую возглавил Райнхард Гелен, сумела глубоко проникнуть в правительственный аппарат ГДР. В частности, были завербованы старшая секретарша председателя Совета министров Отто Гротевольда Элли Барчатис (кличка «Маргаритка»), несколько заместителей министров и руководителей ведомств.

«Эрих Мильке — хитрый и коварный человек, с мышлением великогерманского шовиниста»

Все это Мильке сумел изобразить как личные просчеты Вольфсбергера — и дело было сделано.

С Мильке я впервые столкнулся в 1953 году. Этот хитрый и коварный человек, с мышлением типичного великогерманского националиста, с трудом скрывающего свою неприязнь к русским — и чем дальше, тем больше, — сразу был мне несимпатичен. Впрочем, и он отвечал мне этим. Благо, что поводов обращаться к нему лично у меня было немного.

— А где вы познакомились с Маркусом Вольфом?

— В Берлине. Вольфу поручили создать разведуправление по образцу первого главного управления МГБ СССР. Со временем их отношения с Мильке стали плохими. С Вольфом я работал в постоянном контакте и с большим удовлетворением. Это совсем другой человек: умный, культурный, любезный.

— Вольф действительно гениальный разведчик?

— Как организатор — да. Прекрасный аналитик. Но больших разведывательных подвигов на его личном счету, насколько мне помнится, нет. Но в его умении убеждать людей, нравиться им, внушать доверие я убедился, когда мы в 1954 году вместе проводили тайную встречу в Восточном Берлине с одним из министров боннского правительства. Этот влиятельный в ФРГ деятель хотел обсудить вопросы относительно объединения Германии на базе советских предложений. Однако посол в последний момент сдерживался, сказав: «Отсутствующим, и беседовать пришлось мне».

— До какого момента КГБ контролировал секретные службы ГДР?

— До 1956 года. Потом они получили самостоятельность и постепенно отдалялись от КГБ. Насколько я понимаю, в последние годы существования ГДР ведомство Мильке сотрудничало с Москвой только в точно определенных рамках. Советская разведка знала отнюдь не обо всем, что делало МГБ ГДР.

Беседу вели Леонид Млечин, Татьяна Чернова

Глава западногерманской разведки Райнхард Гелен невольно «помог» Мильке стать начальником службы безопасности

Прекрасная земля, на которую не ступала нога старшего брата

Александр Чудодеев,
специальный корреспондент
«Нового времени»

**СССР
отвергал
любые
контакты с
Тайванем.
Россия не
прочь их
наладить, но
должна это
сделать так,
чтобы не
прогневать
Пекин**

Все точки над «i» в «тайваньском вопросе» Москва поставила в среду, 15 сентября 1992 года. Борис Ельцин подписал указ «Об отношениях между Российской Федерацией и Тайванем». Теперь, шутили журналисты, Тайвань можно включать в Книгу рекордов Гиннеса, поскольку нет на земле другой территории, в отношении которой две «великие державы» приняли государственные указы — сначала США, а теперь и Россия.

Наконец, Москва стала строить свои отношения с Тайбэем по американскому образцу — официально признавать только один Китай в лице Китайской Народной Республики и одновременно развивать неофициальные контакты с Тайванем.

Необычность же указа в том, что он, по существу, отменяет предыдущее распоряжение президента от 3 сентября о создании Московско-Тайбэйской координационной

комиссии по экономическому и культурному развитию, которое как раз и придавало контактам с Тайванем официальный характер. В Пекине немедленно выразили протест.

В неловкое положение Ельцина поставил Олег Лобов, председатель Экспертного совета при президенте России. Практически целый год Олег Иванович готовил почву для создания этой комиссии, но при этом не считал нужным поставить в известность российский МИД. Лобовский конфуз чуть было не обернулся для Ельцина дипломатическим скандалом накануне визита в Пекин.

Остров-парадокс

Практически на всех картах мира этот остров в центре Тихого океана, равный по площади территории Голландии, закрашен в цвета Большого Китая. 22-я провинция КНР, не более того. Однако на Тайване су-

ществуют все атрибуты суверенного государства: есть президент и премьер-министр, работают парламент и правительство, существуют национальный флаг, герб, денежная единица...

Гоминьдановцы, бежавшие в 1949 году после поражения в гражданской войне на «прекрасную землю» — Формозу (первое название Тайваня, данное его первооткрывателями-португальцами), продолжают утверждать: «Республика Китай», которой они управляют, является частью «одного Китая», а сами они — его законные правители. Всего лишь в 160 километрах от острова правительство миллиардного Китая также выступает за неотделимость 20-миллионного Тайваня от родины. Тем, кто осмеливается высказать мысль о независимости Тайваня, грозит тюремное заключение как в Большом Китае, так и по ту сторону Тайваньского пролива.

Многие столетия Тайвань был «отрезанным ломтем» для Поднебесной. Первая большая группа китайских колонистов высадилась на острове лишь в XVII веке. В 1624 году Тайвань захватили голландцы, два года спустя — испанцы, которых голландцы изгнали в 1641 году. Европейцы оставили свой след: христианство и науку производить сахар.

Повторное нашествие голландцев на Формозу было недолгим. После того как в 1644 году в Срединной Империи династия Мин была свергнута маньчжурами, минский генерал Чжэн Чэнгун (известный на Западе под именем Коксинга) бежал на остров и основал военную базу, которую надеялся использовать для восстановления своей власти на материке. Капитуляция голландцев, подписанная в форте Зеландия на юге Тайваня, способствовала массовой эмиграции сторонников Мин на остров. Маньчжурам долго не удавалось победить Чжэн Чэнгуна, и лишь в 1683 году маньчжурская династия Цин подчинила себе Тайвань.

Установить полный контроль Поднебесной над островом Цины смогли лишь два века спустя, когда в 1886 году Тайвань получил статус провинции. А 10 лет спустя «прекрасная земля» пала жертвой китайско-японской войны. По Симонсескскому договору над островом взвился японский флаг.

Новым хозяевам Тайваня также было уютно на острове: за 50 лет японского го-

Председатель Московско-Тайбэйской комиссии Олег Лобов чуть было не испортил отношения с Пекином как раз накануне визита в КНР Бориса Ельцина

«Духовный отец» правящей на Тайване партии Гоминьдан Сунь Ятсен завещал ей «учиться у России».

сподства там вспыхнуло более ста восстаний. Главными лозунгами повстанцев было изгнание японских захватчиков и создание независимой республики.

После окончания второй мировой войны в 1945 году Тайвань де-факто был возвращен Китаю, но де-юре это долго не было закреплено. Сан-Францисский договор 1951 года обошел вопрос о возвращении островов Тайвань и Пэнхуледао Китаю. Вашингтон заставил Токио заключить мирный договор с Тайбэем, а три года спустя поступил так же сам.

Все четыре года, пока коммунисты и гоминьдановцы вели войну за власть в материковом Китае, на Тайване вспыхивали восстания за независимость. В 1949 году генералиссимус Чан Кайши, потерпев поражение от коммунистов, решает повторить путь Чжэн Чэнгуна. Он переправляет на Тайвань весь золотой запас Китая и вскоре вместе с двумя миллионами сторонников прибывает на остров, чтобы уже оттуда продолжать борьбу с «коммунистическими варварами». На острове было объявлено военное положение, введена жесточайшая цензура.

Раскаание

«вождя всех народов»

Сорок с лишним лет ничего не менялось в отношениях между Москвой и Тайбэем. Как советские, так и нынешние российские руководители старались Тайвань просто не замечать, рассматривая его как некую «географическую новость», и в «тайваньском вопросе» полностью поддерживали точку зрения КНР: Тайвань — это не страна, а часть большого Китая. Но это не значит, что Москва никогда не имела связей с правящей на Тайване партией — Гоминьдан.

Сунь Ятсен, вождь Синьхайской революции 1911 года, положившей конец императорскому правлению в Поднебесной, писал: «Наша революция ни в коем случае не будет успешной, если мы не будем учиться у России». И руководимый Сунь Ятсеном Гоминьдан тесно сотрудничал с советской Россией. Доктор Сунь в письмах к «вождю мирового пролетариата» неоднократно высказывал благодарность большевистскому правительству «за помощь прогрессивным силам Китая».

Помогая «буржуазным демократам» во главе с Сунь Ятсеном, большевики одновременно оказывали поддержку становлению на китайской земле коммунистического движения. Состоявшийся в 1928 году под Москвой VI съезд КПК принял разработанный в недрах Коминтерна «генеральный план» по захвату власти в Китае, который через 20 лет был успешно выполнен.

С началом полномасштабной японской агрессии в Китае в конце 30-х годов Сталин в своей китайской политике ведет двойную игру. С одной стороны, он активно поддерживает преемника Сунь Ятсена в руководстве Гоминьдана — Чан Кайши в его борьбе с японцами. В Китай направляются большие партии оружия, опытные военные советники и летчики-добровольцы. С другой — такая же, но в меньших размерах помощь передается коммунистам. Правда, в этот период Чан Кайши устраивал Сталина больше, чем Мао Цзедун.

Москва была заинтересована в максимальной активизации боевых действий китайских коммунистов против Японии, но у руководства КПК было собственное видение ситуации. В ноябре 1941 года Мао выдвинул лозунг: «Десять процентов усилий — на борьбу с Японией, двадцать процентов — на борьбу с Гоминьданом, семьдесят процентов — на рост своих рядов!»

После капитуляции Японии компартия Китая нацелилась на «решающую битву» с Гоминьданом. Москва же, как это представлялось руководством КПК, была настроена иначе. Чжоу Эньлай позже писал: «Мы готовились форсировать Янцзы и полностью освободить страну. Советская сторона имела по этому поводу свою точку зрения, требовала прекратить гражданскую войну...»

Накануне освобождения Нанкина Советский Союз все еще поддерживал дипотношения с гоминьдановским правительством. Когда Чан Кайши не удержался в Нанкине и перенес столицу в Гуанчжоу, советский посол Рошин перевел туда посольство.

В одной из бесед с американским журналистом Чжоу Эньлай подверг критике договор 1945 года между СССР и правительством Чан Кайши. По словам Чжоу, этот документ придал генералиссимусу «такую уверенность в своих силах, что

он развязал антикоммунистическую гражданскую войну». Мао Цзедун, в свою очередь, неоднократно порицал Сталина за то, что тот «не разрешил китайцам совершить революцию, не верил в силы китайских коммунистов и требовал во что бы то ни стало добиться перемирия с Чан Кайши».

«Вождь всех народов» в тот момент явно колебался: он не знал, на кого в Китае сделать ставку. Сталин опасался, что Мао может стать вторым Тито и повести Китай по пути Югославии. В беседах с советскими представителями до и после революции Мао Цзедун не раз сетовал, что Сталин считал «коминтерновцев» своими, а Мао — «правым оппортунистом». В не меньшей степени Сталин испытывал недоверие к Чан Кайши, считая его «ставленником американского империализма».

Колебался в то время и Белый дом. Известно, что вплоть до провозглашения КНР американцы не отказывались от контактов с КПК. После освобождения Нанкина посол США не эвакуировался с гоминьдановцами, а остался, чтобы обсудить возможность установления дипотношений с новой властью. Тем не менее, когда 28 апреля 1949 года Мао Цзедун направил в Вашингтон послание с соответствующим предложением (при условии разрыва между Вашингтоном и Чан Кайши), Белый дом отреагировал отрицательно.

Видимо, США не могли поступить иначе — к тому времени на всех направлениях развернулась «холодная война». С точки зрения президента Трумэна, Сталин перешел во фронтальное наступление на позиции «свободного мира» и остановить его можно было лишь противодействуя проводникам советского влияния — всем без исключения компартиям, включая КПК.

Выбор был сделан — Москва дала «добро» на провозглашение в Пекине Китайской Народной Республики.

Мавзолей памяти Чан Кайши до сих пор считается «самым священным местом» на острове

Депутаты парламента отстаивают свою правоту при помощи кулаков

ки. В ответ на это в Тайваньский пролив вошли корабли 7-го флота США, а чуть позднее Тайвань был объявлен «непотопляемым авианосцем» Америки. Чтобы как-то сгладить личную неприязнь между Сталиным и Мао, советский вожь в беседе с председателем КНР Лю Шаоци признал: «Мы мешали и препятствовали вам, и я по этому поводу испытываю угрызения совести...»

«Держаться одной стороны»

С тех пор Москва вообще перестала смотреть в сторону Тайбэя, сделав ставку на коммунистический Китай. Но с конца 50-х годов в «братских отношениях» между КПСС и КПК наметилась трещина. СССР искал пути сближения с Западом, ратовал «за мирное сосуществование двух систем». Пекин же предлагал ориентироваться на революционную войну, «попробовать силы, а потом вернуться к строительству». При этом «великий кормчий» заявлял, что не следует бояться больших жертв — «если половина человечества окажется уничтоженной, то еще останется половина, зато империализм будет полностью уничтожен». Во время визита в КНР в 1959 году Хрущев прямо назвал подобные взгляды Мао «детским лепетом».

Мао Цзэдун настаивал на том, что напряженность выгодна социализму и невыгодна империализму, что народ «надо готовить к войне, рыть глубокие туннели и запасать зерно». В 1958 году председатель ЦК КПК организовал обострение ситуации с гоминьдановцами в Тайваньском проливе, объяснив свой шаг Москве именно в таком духе.

Действия «младшего брата» вызвали у «старшего» огромное неудовольствие. В Кремле посчитали, что Мао желает втянуть Москву в кон-

фликт с США и навязать ей таким образом свою волю. В конце концов разногласия между «братьями по вере» привели к разрыву межпартийных связей, а в 1969 году — к межгосударственному вооруженному столкновению. Лидер КНР назвал СССР «врагом № 1, который вступил в сговор с американским империализмом». Советский руководитель Брежнев на XXV съезде КПСС заявил: «Мы будем и впредь вести борьбу с маоизмом, борьбу принципиальную, борьбу непримиримую». Тем не менее, несмотря на «непримиримый антагонизм», в «тайваньском вопросе» СССР твердо следовал любимому изречению «великого кормчего» — «держаться одной стороны и не сворачивать с дороги». В 1971 году советский представитель в ООН одним из первых проголосовал за исключение Республики Китай на Тайване из международного сообщества и передачу ее места КНР.

Политика «малых шагов»

Вашингтон был не столь категоричен в своих отношениях с китайскими коммунистами. В 50-е годы был открыт дипломатический канал в Варшаве — место постоянных встреч дипломатов США и КНР. В области экономики таким пунктом служил Гонконг. Китайцы с материка закупали там американские нефтепродукты, химические товары. В свою очередь Китай отгружал за океан хлопок и редкоземельные металлы. В 1964 году не прямой товарооборот КНР с развитыми капиталистическими странами превысил объем прямой торговли с государствами социалистической системы.

Решение о сближении с Вашингтоном было утверждено на пленуме ЦК КПК в октябре 1968 года. Через месяц КНР предложил США заключить соглашение о пяти принципах

мирного сосуществования. Белый дом в 1969–1971 годах предпринял целую серию ответных жестов («малых шагов») в политической, военной и экономической областях. Начался зондаж по поводу контактов на высшем уровне, и вскоре Пекин передал президенту Никсону приглашение посетить КНР.

В 1971 году Китай посетил госсекретарь Генри Киссинджер, а через год состоялся официальный визит на материк президента США, по итогам которого в Шанхае было принято китайско-американское коммюнике. Стороны пригласили противоречия по тайваньской проблеме. Белый дом, правда, отказался разорвать дипломатические и военные связи с Тайбэем, поэтому полной нормализации отношений между КНР и США тогда достичь не удалось. Но Пекин и Вашингтон включились в открытый диалог.

Осенью 1978 года после визита Бжезинского в Китай стороны достигли компромисса по Тайваню. США обязались приостановить политические и военные отношения с Тайбэем. Китай, со своей стороны, пообещал стремиться к мирному урегулированию тайваньской проблемы (хотя и не взял формальных обязательств на этот счет), согласился на сохранение неофициальных контактов американцев с гоминьдановцами. 1 января 1979 года было объявлено об установлении полных дипотношений между КНР и США. В феврале того же года состоялся визит китайского руководителя Дэн Сяопина в Америку.

Но Вашингтон вовсе не собирался бросать в беде «старых друзей» с Тайваня. Конгресс США в 1979 году принял закон о взаимоотношениях с Тайванем. США открыли на острове Американский институт, а Республика Китай создала в США координационный Совет по делам Северной Америки. Оба учреждения фактически выполняли роль посольств. Начиная с 1980 года Белый дом стал поставлять Тайваню военное оборудование в количестве, «достаточном для сохранения оборонного потенциала острова». Узел китайско-американских противоречий затянулся еще туже после того, как администрация Буша объявила в сентябре этого года о намерении продать Тайваню 150 истребителей-бомбардировщиков «F-16» и 12 противолодочных вертолетов.

Пекин всегда резко отрицательно реагировал на подобные «бесцеремонность и лицемерие» Вашингтона. Правда, до разрыва отношений дело не доходило и все сводилось к тому, что через океан летела очередная нота протеста либо «решительное предупреждение». В последнее время, судя по всему, критика Пекина в адрес США по тайваньскому вопросу выдыхается. Китайские дипломаты в Москве в частных беседах отмечают: «Американцы весьма прагматичны.

тичны. Когда бывший СССР представлял для них серьезную угрозу, они нуждались в КНР больше, чем в Тайване, и потому шли на определенные уступки нам. Сейчас, когда эта угроза пропала, богатый Тайвань для Вашингтона более выгоден, чем менее развитый Китай. Тем более что КНР сама остро нуждается в экономическом сотрудничестве с США и там это хорошо понимают. Так что в ближайшее время Тайвань вряд ли удастся вернуть в лоно родины...»

Одна страна — две общности людей

Сами тайваньцы к этому не очень стремятся. Возможно, оставшиеся еще в живых чанкай-шистские генералы и лелеют надежды о «реванше» и возвращении «на белом коне» в Пекин, но большинство жителей Тайваня, родившиеся после 1949 года, в это не верят и с сомнением и опаской относятся к перспективе объединения.

С противоположного берега Тайваньского пролива звучат более чем заманчивые предложения: острову в случае объединения гарантируется широчайшая автономия, сохранение существующего социально-экономического строя (сроком на 100 лет), собственной администрации, армии, внешних связей в неполи- тических областях... Но тайваньцы явно не спешат в «альма-матер». Впрочем, и идея провозглашения независимости Тайваня, за что активно ратует оппозиционная Демократическая Прогрессивная партия и по причине чего в Национальной ассамблее (парламенте) постоянно происходят стычки и даже драки между депутатами, тоже не пользуется всеобщей поддержкой. Большинство людей опасаются, что такой шаг вызовет военные действия со стороны КНР и тогда придет конец стабильности и экономическому процветанию.

За последние 20 лет Тайвань стал промышленным «тигром» — валовой национальный доход на душу населения на острове вырос со 137 долларов в 1951 году до 8 тысяч в 1991 году (Тайвань по этому показателю занимает 25-е место в мире, в то время как Большой Китай — лишь 120-е место); на образование и медицину на Тайване расходуется около 25 процентов годового бюджета... Однако нежелание «островитян» воссоединиться с материком объясняется не только экономическими соображениями. При всей внешней и языковой схожести людей, проживающих по обе стороны Тайваньского пролива, за более чем 40 лет сформировались

две совершенно не схожие по образу жизни и менталитету общности людей.

Интересы и политика

Многие российские руководители, доказывая, что для каких-либо отношений между Россией и Тайванем еще не пришло время, приводят довод своих советских предшественников: «Разве сопоставимы в плане экономического сотрудничества гигант Китай и маленький Тайвань?» Действительно, с точки зрения пространства, количества населения и общих границ с Россией эти две величины несопоставимы. К тому же на острове нет ни капли нефти, газа,

ременных технологий. Растет и косвенная торговля по обе стороны Тайваньского пролива — в прошлом году она достигла 5 миллиардов долларов.

Конечно, Республика Китай испытывает дипломатическую ущербность — ее признают лишь 27 стран, наиболее значимая из которых ЮАР. Но в то же время по числу заграничных представительств и банков Тайвань намного опережает своего соседа с материка.

Тайвань вот-вот примут в члены ГАТТ и, возможно, в ближайшее время — в ООН. Свыше 200 государств и территорий связаны с Республикой Китай международной телефонной связью. Единственное место на земле, откуда невозможно

дозвониться напрямую до Тайваня, — это одна шестая часть суши в лице бывшего СССР. От нас до острова невозможно и долететь, хотя 24 крупнейшие международные авиакомпании поддерживают с ним связь...

Учитывая, что между КНР и Тайванем стали активно развиваться не прямые связи, естественно, и в России появились люди, стремящиеся к налаживанию подобных отношений с азиатским экономическим «тигром». Мало-помалу стала расти не прямая торговля — за 8 месяцев нынешнего года она составила более 190 миллионов долларов. Появляются «законспи-

рированные» торговые и финансовые представительства. В конце 1991 года Тайвань неофициально посетил председатель Центрального банка Виктор Геращенко и открыл в Тайбэе представительство российско-германской торговой компании «Евраско». В свою очередь тайваньский Центр Международной торговли «Ситра», расположенный в Тайбэе в 30-этажном билдинге, получил в Москве под свой офис крохотный номер в гостинице «Белград»...

Нетерпение всегда подводило россиян во все времена. Создатели Московско-Тайбэйской координационной комиссии, видимо, так сильно желали ускорить процесс открытия Россией «прекрасной земли», что забыли заглянуть в собственный МИД и проконсультироваться с дипломатами. В результате частная дипломатия вокруг Тайваня закончилась демаршем Пекина. Потребовалось вмешательство президента, чей указ от 15 сентября разрядил обстановку. Другое дело, что сам указ несколько обнадеживает: все же он свидетельствует о том, что Тайвань для нас существует.

ТАЙБЭЙ—МОСКВА

Фото из газеты «Фри Чайна джорнэл» (Тайвань) и ИТАР—ТАСС

Председатель Центрального банка Виктор Геращенко один из первых, кто из высоких московских гостей, побывавших на Тайване

других полезных ископаемых и около восьми раз в году он подвергается разрушительным тайфунам. Но Тайвань полезен России прежде всего своими уникальными «уроками развития», сердцевину которых составляют применение сразу нескольких стратегий развития; прагматичное планирование (нет «пятилеток», но есть эластичный план на квартал, полгода, год); ставка на образование, интеллект и привлечение передовых зарубежных технологий и, наконец, создание благоприятных условий для притока иностранных инвестиций.

Этот путь привел к тому, что экономическое развитие Тайваня идет самыми быстрыми темпами в мире, а рост цен по сравнению с другими странами сохраняется на самом низком уровне.

Тайвань идет вслед за Японией по запасам СКВ — более 70 миллиардов свободных долларов — и активно их вкладывает в экономику различных стран. С удовольствием принимают тайваньские инвестиции и в материковом Китае. Тайваньских предпринимателей интересуют в КНР низкие цены на недвижимость и дешевая рабочая сила, в свою очередь Большой Китай заинтересован в импорте опытных руководящих кадров и сов-

Двадцать три дня президента Жмайеля

Молодой вождь могущественного христианского клана был храбрым воином, но наивным политиком

Леонид Млечин

Башир Жмайель хотел покончить с гражданской войной и объединить Ливан

Десять лет назад, утром 14 сентября 1982 года, только что избранный президент Ливана Башир Жмайель выступал в монастыре возле Бейрута, где его сестра была монахиней.

Монастырь, прохладное каменное здание, был связан для Башира со светлыми воспоминаниями. Сюда, к сестре, он часто привозил свою дочку, пока ее не убили, чтобы наказать отца.

Взрыв в партийном доме

Когда Башир произносил свою речь в монастыре, 26-летний Хабиб Шартуни в последний раз проверил гигантскую бомбу,

которую накануне ночью он подложил в комнату на втором этаже штаб-квартиры возглавляемой Жмайелем партии фалангистов.

Детонатор был японского производства. Он позволял взорвать бомбу с расстояния в несколько километров.

Шартуни входил в штаб-квартиру фалангистов, как к себе домой. Это и был его дом. Он жил в этом здании со своей семьей в небольшой квартире на последнем этаже. Его дядя был охранником отца Башира Жмайеля, сестра — подружкой одного из помощников Башира.

Из монастыря Башир поехал в резиденцию фалангистов: как президент страны он собирался отказаться от партийного поста и хотел всех поблагодарить за помощь.

Когда Башир поднялся в конференц-зал, Хабиб Шартуни покинул партийный дом и поехал в сторону Восточного Бейрута.

Примерно в четыре часа Башир начал свою речь. Ровно в 4.10 Хабиб Шартуни, сидя в машине, нажал кнопку дистанционного управления взрывателем. Взрыв услышал весь Бейрут. Трехэтажное здание поднялось в воздух и рассыпалось.

Тело Башира Жмайеля откопали одним из первых, но лицо было изуродовано до неузнаваемости. Труп вместе с другими отвезли в морг. Его опознали на следующий день по кольцу и письму сестры, найденному в кармане.

Шартуни поймали. В последний момент он вспомнил, что в здании осталась его сестра. Он сказал ей, чтобы она немедленно ушла. Она с криком выбежала из партийного дома, и в этот момент произошел взрыв. Ее задержали и спросили, почему она решила, что с домом что-то должно произойти. Сестра убийцы честно ответила, что ее предупредил брат...

Шартуни после ареста сказал, что считал Башира предателем из-за его дружбы с

Тело убитого фалангиста мусульмане волокли по улицам Бейрута. Гражданская война всегда жестока и беспощадна

Израиелем. Следствие пришло к выводу, что и Шартуни, и человек, передавший ему взрывчатку (он сумел скрыться), были агентами сирийцев.

Последний крестоносец

Башира Жмайеля в арабском мире называли «крестоносцем наших дней» — возможно, потому, что он принадлежал к христианам-маронитам. Это потомки членов католической секты, изгнанных из Сирии в пятом веке и нашедших убежище в Ливане. В этой стране марониты процветают. За ними в конституции закреплено место президента (премьер-министром, напротив, должен быть мусульманин). Они занимают важнейшие посты в армии и в финансовом мире.

Башир Жмайель был младшим сыном лидера одного из трех крупнейших кланов христианского Ливана.

Клан Жмайелей правил своей частью страны на старофеодальном образце, поощряя верных вассалов, наказывая непослушных и взимая дань со всех подданных. Мальчика воспитывали в средневековых традициях, и это повлияло на его образ мыслей и действий. Но он и от природы был наделен качествами вождя, способного убеждать и вести за собой людей.

В ливанских семьях наследником становится старший сын, но старший сын Пьера Жмайеля — Амин во всем уступал Баширу. Уступил и власть над кланом. Старшему из братьев не хватало магической силы, которой природа щедро наделила младшего. Амин станет главой клана и президентом, когда убьют Башира.

— Когда мне было двадцать три года, — расскажет со временем Башир Жмайель американской журналистке Барбаре Ньюмен, — меня пригласил в Каир мой друг — сын Гамалы Абделя Насера. Я беседовал с египетским президентом. Насер олицетворял линию, с которой я борюсь: панарабизм, тирания мусульманского большинства. Но я уважал его как великого патриота. Насер пожал мне руку, долго смотрел мне в глаза, потом сказал: «Тебе судьбой предназначено привести Ливан к свободе».

— Ты поверил ему? — спросила журналистка.

— Я поверил, потому что это правда.

В детстве Башир восхищался отцом, который принял участие в изгнании французов из страны. Ему тоже хотелось очистить Ливан от иностранцев — палестинцев и сирийцев.

Он, как и многие ливанцы, считал, что в пучину гражданской войны страну ввергли палестинцы.

До 1970 года Ливан процветал. В 1970-м король Хусейн изгнал па-

В процентах к трехмиллионному населению Ливана, расколотого по конфессиональному признаку

лестинцев из Иордании. Они осели в южной части Ливана, неподалеку от границы с Израилем. Руководители ООП обосновались в мусульманском Западном Бейруте.

Ливан с его слабой государственной машиной и расколотой религиозными разногласиями армией не в состоянии был помешать палестинцам создать государство в государстве.

Похищение в Бейруте

Три маронитских клана были заняты внутренним соперничеством и не сразу поняли, что произошло.

Группа боевиков ООП, устроившая пышные похороны своего погибшего товарища, случайно попала в христианский квартал и потребовала, чтобы все торговцы закрыли свои лавки в знак траура. В возникшем споре один из христиан был убит. Это был телохранитель Пьера Жмайеля.

Христиане сочли это попыткой покушения на Пьера Жмай-

ля, находившегося в тот момент неподалеку на богослужении. Через несколько месяцев фалангисты атаковали палестинцев в Бейруте, еще через несколько месяцев палестинцы напали на фалангистов. Война началась.

Палестинцы легко выбили слабую ливанскую армию из южной части Ливана. Тогда в Ливан вошли сирийские войска — под предлогом защиты христиан. Но когда чаша весов склонилась на сторону христиан, сирийцы внезапно повернули оружие против них.

У молодого Жмайеля было много поводов ненавидеть палестинцев, расположившихся в Ливане как дома.

— Это произошло в 1969 году, — вспоминал он потом. — Я был первым ливанцем, которого похитили люди из Организации освобождения Палестины. Они остановили мою машину, вытащили меня и доставили в свой лагерь. Сначала избивали. Когда кто-то из палестинского начальства узнал, кто я, меня отвезли назад в город. Возле нашего дома я увидел толпу: люди собрались, чтобы отомстить за меня. Они стали ошупывать меня, проверяя, не отрезали ли мне палец или ухо.

Я позвонил отцу, он был тогда министром. Мне ответили, что он на срочном совещании у президента. Я позвонил во дворец. Меня не хотели соединять: «Неужели вы не знаете, что пропал его сын?»

— Я испытал величайшее унижение, — говорил Жмайель. — Унижен был весь наш народ тем, что иностранцы хозяйничали в Ливане. Я заперся дома и неделю ни с кем не разговаривал. Я понял, что со мной прои-

Лидер одного из христианских кланов Сулейман Франжье выступил против Жмайелей. В отместку фалангисты убили его сына Тони

Отец Башира — Пьер Жмайель, создатель партии фалангистов. Башир хотел изгнать из Ливана палестинцев и сирийцев, как Пьер изгнал французов

зошло. Я потерял суверенитет над своим телом. Это было что-то вроде изнасилования.

Три клана

Отец Башира — Пьер Жмайель основал партию Катаиб (Ливанские фаланги). У фалангистов была плохая репутация, прежде всего потому, что Пьер Жмайель после визита в Берлин в 1936 году начал подражать многим гитлеровским ритуалам: фалангистская униформа, военные приветствия, милитаризованное обучение молодежи. Но дальше внешней стороны дело не пошло.

Три клана маронитов поддерживают между собой странные отношения дружбы-вражды. Они давно поделили страну на сферы влияния и убивают друг друга не из-за религиозных или политических разногласий, а из-за плодородных участков земли и права взимать дорожные пошлины.

Например, северной частью Ливана с незапамятных времен владеет клан Франжье, представляющий этот край и в парламенте. Без этой семьи в районе не совершается ни одна сделка.

В 1957 году Сулейман Франжье застрелил в церкви 12 единоверцев-христиан, мешавших предвыборной кампании его брата Хаида. Сулейману пришлось тогда бежать в Сирию, но уже через год благодаря амнистии он смог вернуться и с 1970 по 1976 год был президентом Ливана.

С каждого центнера цемента, произведенного на цементном заводе в Шекке, клану Франжье полагается мзда примерно в один американский доллар.

В 1975 году три удельных ливанских князя забыли о своих разногла-

сиях и объединились против общего врага — палестинцев и мусульман. Франжье объединился с Пьером Жмайелем (Ливанские фаланги) и Камилем Шамуном (Национально-либеральная партия).

Франжье не возражал, когда «его» крестьяне вступали в формирования фалангистов — у Жмайеля было больше денег и оружия.

Но, когда фалангисты Жмайеля захотели еще и сами получать налог с каждого мешка цемента, произведенного на заводе в Шекке, клан Франжье почувствовал себя обманутым.

В 1978 году трое его боевиков убили в Шекке управляющего банком, потому что он был функционером партии фалангистов.

Воевать интереснее, чем быть юристом

Башир послал своих боевиков на виллу Франжье, которые застрелили Тони Франжье, бывшего министра почт и коммуникаций, его жену, дочь, 39 охранников, горничную, шофера и собаку...

Жмайели сделали это еще и потому, что Франжье — единственный из христианских лидеров — поддерживал хорошие отношения с Сирией.

Молодой Франжье даже породнился с братом Хафеза Асада — Рифатом, начальником службы безопасности Сирии. Смерть Тони должна была стать предостережением всем ливанским христианам, которые верили в сотрудничество с сирийцами.

Пьер Жмайель прочил младшего сына по юридической части. Башир закончил юридический факультет бейрутского университета, опекаемого иезуитами. В 1972 году провел несколько месяцев в Хьюстоне, изучая международное право и практиковался в известной юридической фирме в Вашингтоне. Но внезапно Башир собрал вещи и вернулся домой.

Он быстро сблизился с молодыми христианами, возражавшими против присутствия в стране сирийских войск. Эти парни составили его гвардию.

В 1975 году, когда разгорелась война христиан с мусульманами, Башир Жмайель окончательно забыл о юриспруденции.

Он сформировал 15-тысячную милицию, которой палестинцы и мусульмане ничего не могли противопоставить. Из боев в Бейруте он вышел самым сильным человеком в Ливане.

На танке за бутербродом

Башир поклялся объединить христиан и объединил.

Сын Камилы Шамуна — Дэни не желал подчиняться Жмайелю. Тогда войска Башира внезапно напали на отряды Дэни Шамуна. Они убили восемьдесят человек, остальные сочли за

лучшее присоединиться к Жмайелю.

По-другому нельзя было, — объяснял Башир журналистам. — Они превратили здесь все в зоопарк, терроризировали людей. Даже когда им нужен был бутерброд, они ехали в магазин на танке. Семьи раскололись, братья убивали друг друга.

Но ваши люди уничтожили столько народу. Разве это можно оправдать?

— Что вы хотите от людей, которые, увидев трупы своих братьев и отцов, превращаются в зверей?

Башир ощущал себя не просто воином, но и отцом нации. Он старался вести себя, как подобает государственному деятелю, пытался наладить жизнь своих подданных.

Он создал свой телеканал и два радиоканала, один из которых передавал только его любимую классическую музыку. Старался даже контролировать цены. Каждый день его радиостанция передавала цены, установленные примерно на сто наименований товаров. Торговцы, которые нарушали правила, могли угодить за решетку.

Башир следил даже за тем, чтобы поезда ходили по расписанию, и сам регулировал трудовые споры. Он не знал усталости, работал двадцать четыре часа в сутки и требовал той же отдачи от всех остальных.

Его жизнь не была ни легкой, ни радостной.

Дочке Башира было восемнадцать месяцев, когда взорвали машину, на которой ее везли к бабушке. В христианском лагере пришли к выводу, что это месть палестинцев.

Враг моего врага — мой друг

Башир заявил, что его главная цель — освободить Ливан от сирийцев и палестинцев.

— Мои войска вынуждены были заменить государство, которое палестинцы разрушили вместе с сирийцами, — говорил Башир журналистам. — Мы создали госпитали, суды, молодежные центры, детские дома, радиостанции. Мы восстановим Ливан, когда удастся выбить из страны сирийцев и палестинцев.

В этой борьбе Баширу нужен был союзник. Он нашел его в лице Израиля, который хотел остановить террористов, действовавших с территории Ливана. Палестинцы, ливанские коммунисты и мусульмане получали оружие из Советского Союза, Сирии. Израиль стал поставлять христианам оружие и боеприпасы.

— Возможна ли нормализация отношений между Ливаном и Израилем? — спросили Башира Жмайеля журналисты еще в середине 1978 года.

— Почему бы и нет? У меня нет никаких возражений, — ответил Башир.

Марониты никогда не враждовали с евреями, напротив, надежно защищали еврейскую общину в Ли-

ване, рассматривая ее как такое же гонимое меньшинство, как и они сами.

В апреле 1981 года Башир затеял полномасштабную войну с сирийцами. Но Сирия была сильнее фалангистов.

Тогда Башир Жмайель и бывший президент Камил Шамун отправились к премьер-министру Израиля Менахему Бегину за помощью. ВВС Израиля нанесли удар по сирийским формированиям в Ливане.

Контакты ливанских христиан с Израилем вызвали бешенство в арабском мире. Даже американцы предостерегали Башира Жмайеля от контактов с Израилем, советуя переориентироваться на Саудовскую Аравию. Ливан был, есть и будет арабской страной, нельзя сближением с евреями настраивать против себя соседей, учили его практичные американцы.

Осенью 1981 года руководство Ливанского фронта объявило о прекращении связей с Израилем. Но секретные контакты сохранялись. Израильцы обеспечивали доставку в порт Джуния оружия и боеприпасов для Ливанского фронта.

В начале февраля 1982 года Жмайель тайно встретился с министром обороны Израиля Ариэлем Шароном, который сыграл решающую роль в судьбе Башира.

Министр обороны Израиля Ариэль Шарон нашел в Башире Жмайеле родственную душу

Жмайель и Шарон, решительные, храбрые и жесткие, в чем-то походили друг на друга: оба верили в то, что любую политическую проблему можно решить силовыми методами.

Десантник, танкист, министр

Ариэль Шарона, грубоватого, расплывшего человека среднего роста с горящими глазами, многие молодые офицеры считали образцом для подражания.

Он командовал взводом в первую арабо-израильскую войну, был ранен. Ему поручили сформировать части специального назначения, во главе которых Шарон совершил несколько дерзких операций в арабских тылах. Он разработал стратегию неотвратимого возмездия за террористические акции арабов.

В войне 1956 года командовал десантной бригадой, потом учился в командно-штабном колледже в Англии. Набрал лишний вес, Шарон перешел в бронетанковые войска. Во время шестидневной войны танкисты генерала Шарона легко прорвали линию египетской обороны сразу на нескольких направлениях.

Он дважды снимал поганы, чтобы пройти университетский курс — изучал историю Во-

стока и юриспруденцию, и вновь возвращался в армию. Когда возможности для служебного роста были исчерпаны, занялся политикой.

Шарон и предложил радикальное средство для избавления Израиля от атак палестинцев с территории Ливана: военную операцию. Важнейшим аргументом в пользу операции стала готовность Башира Жмайеля поддержать израильтян.

Повод для вторжения в Ливан нашелся. Палестинские террористы из группы Абу Нидаль тяжело ранили в Лондоне израильского посла. Премьер-министр Бегин отдал приказ об осуществлении операции «Мир для Галилеи».

Израильские войска свою задачу выполнили: вся военная инфраструктура палестинцев в Ливане была уничтожена. Израильцы захватили большое количество боевой техники и оружия. Остатки палестинских формирований эвакуировались из Беirutа в Тунис.

23 августа 1982 года Башир Жмайель был избран президентом Ливана.

Новый президент готовился установить дипломатические отношения с Израилем. Американские и французские войска высадились в Ливане: казалось, гражданская война заканчивается и страна переходит под контроль западного мира.

Генерал Шарон торжествовал. Но это был недолгий триумф. Башира Жмайеля убили. Его напуганный брат Амин, поспешно избранный президентом, заявил, что не собирается мириться с Израилем.

Через два дня после смерти Жмайеля ливанские христиане уничтожили всех обитателей палестинских лагерей Сабра и Шатила. Гражданская война в Ливане между мусульманами и христианами разгорелась с новой силой.

Казармы американцев и французов в Бейруте были взорваны, и им пришлось спешно покинуть Ливан.

Восстановить единое государство не удалось. Ливан продолжил свой путь к полному развалу.

Израиль не обрел вожделенной безопасности, место палестинцев заняли воинственные шиитские формирования, обосновавшиеся в долине Бекаа.

Ариэль Шарон и Башир Жмайель ошиблись: военными средствами нельзя решить политические проблемы.

За десять лет, прошедших после смерти Башира Жмайеля, ни один арабский политик не решился заключить мир с Израилем.

Трагическая судьба трех ближневосточных миротворцев — иорданского короля Абдаллаха, египетского президента Анвара Садата и ливанского президента Башира Жмайеля — не располагает к оптимистическим суждениям о будущем Ближнего Востока.

Фото из журнала «Шпигель» (ФРГ)

1982 год. Израильские войска вторглись в Ливан, чтобы выжить из страны палестинцев. Израильский броневладелец украшен еще и ливанским флагом — Шарон и Жмайель считали эту операцию совместной

О ценности колодца

Марк Харитонов

На исходе первой мировой войны Томас Манн опубликовал книгу «Размышления аполитичного». Основной пафос этой обширной публицистической работы: противопоставление немецкой духовности западному прагматизму.

Духовность против демократии

Мировую войну автор воспеивал как апофеоз «древней германской вражды против духа Запада». Правда, сражения велись и на восточном фронте, но «Россия в этой войне лишь инструмент Запада», считал Томас Манн. «Для меня не подлежит сомнению, что немецкая и русская человечность ближе друг к другу, нежели русская и французская, и несравненно ближе, нежели немецкая и латинская», — писал Манн. Особенно обильно в книге цитируется Достоевский: антизападные, антибуржуазные, антифранцузские пассажи из «Дневника писателя». Правда, в «Дневнике» доставалось и немцам; недоразумение, по мысли Томаса Манна, опять же в том, что Достоевский отнесил и Германию к Западу.

Но разве Германия в самом деле не Запад? Для нас, разумеется, да; для нас Запад вообще понятие чаще всего нерасчленен-

Почему западным интеллектуалам, живущим в комфорте, так нравится нищая Россия?

ное. Между тем в самой Германии еще с прошлого века противопоставляли себя Западу с не меньшей страстью, чем в России, и по причинам во многом сходным.

Усердно культивировался образ «опоздавшей», окруженной врагами, обреченной на героическую борьбу нации. Дух «немецкой мечтательности» противопоставлялся европейской урбанизации, индустриализации, техницизму.

«Благородный пессимист, любящий истину», каким, по мысли Томаса Манна, является в идеале немец, знает, что политика, то есть просвещение, республика, прогресс ради «возможно большего счастья для возможно большего числа людей», вообще не может быть способом умиротворить жизнь в обществе, что такое умиротворение возможно лишь на пути духовности... Противоположная вера есть вера европейского Запада, риторической демократии. То, что противопоставляет этой вере Германия, Томас Манн характеризует немецким словом *Innerlichkeit*, которое очень приблизительно переводят у нас иногда как «задушевность» (уж лучше «духовность»), но суть которого в корне *inner* — «внутри»: нечто противостоящее всему «внешнему», например той же «внешней» свободе, формально обеспеченной правовыми демократическими институтами, а на поверку сплошь и рядом мнимой, лицемерной.

Не правда ли, что-то слышится родное? И когда такие вещи говорят люди уровня Томаса Манна, Достоевского или Ницше, нельзя не отнестись с уважительным вниманием к их резонам, к высоте намерений.

Пусть страдают другие

Нам в какой-то степени понятна эта неприязнь духовных аристократов к буржуазной пошлости и лицемерию, к приземленному практицизму, к «прогрессистской» риторике, к идеалу безопасности и довольства.

«Утонченность, которую дарует страдание, выше и человечней той, что дают счастье и благополучие», — мы, воспитанные на Достоевском и Толстом, способны и здесь понять Томаса Манна. Отвлекаясь от политических целей войны, он пишет об ее «эксцентрической гуманности», о том, что она «может служить любви», о том, как облагораживает человека повседневная близость смерти, как она «религиозно возвышает и углубляет» его. И даже: «Верхоглядство говорить, что народы «хотели бы жить в мире», что их, как баранов, ведут на бойню... Более глубокая правда в том, что все хотели войны и требовали ее, что без нее они уже не выдерживали... Цивилизация, прогресс и безопасность не кажутся чело-

Рисунок Владимира Золотова

веку безусловным идеалом; в нем, без сомнения, не умирает примитивно-героический элемент...»

Много лет спустя, уже после второй мировой войны, в статье «Философия Ницше в свете нашего опыта» Томас Манн напишет об одном из своих духовных учителей: «Все ницшеовское фанфаронство относительно великих функций войны как охранительницы культуры и фактора естественного отбора — это только фантазия человека, понятия не имеющего, что такое война, живущего в эпоху длительного, прочного мира и надежно обеспеченных банковских вкладов, в эпоху, наскучившую себе самой своим непроходимым благополучием».

То-то и оно. Можно извлекать высокий духовный опыт из собственного страдания, можно бесстрашно идти ему навстречу, но совсем другое дело обосновывать и даже оправдывать страдания других, вовсе о подобном опыте не помышляющих.

Можно со своих интеллектуальных высот видеть недостатки демократии, поверхностность рационалистического просветительства, бездуховность обывательского благополучия. Беда, что находятся интерпретаторы, которые переводят эти утонченные идеи на язык грубой идеологии и еще более грубой практики.

Антизападническая, антидемократическая, да и антибуржуазная риторика вскоре после первой мировой войны была взята на вооружение фашистами. И до поры до времени в унисон с ними, увя, звучали голоса некоторых действительно крупных мыслителей, поэтов, художников, таких, как Мартин Хайдеггер, Готфрид Бенн или Эмиль Нольде.

Я когда-то, помнится, писал об этом с искренним недоумением: как же они могли? Наш собственный опыт последних лет прибавил мне понимания. Они-то подразумевали вроде бы совсем другое, личное, по-своему возвышенное...

Трагические, глубокие парадоксы Ивана Карамазова можно обсуждать всерьез на философском уровне. Но случайно ли претворять такого рода идеи в жизнь берутся сплошь и рядом Смердяковы?

Томасу Манну хватило прозорливости, мужества и внутренней честности, чтобы достаточно скоро пересмотреть свои позиции.

«Понятие «свобода», — писал он впоследствии по поводу «Размышлений аполитичного», — означало для меня в то время свободу правдивую, а о соотношении последней с гражданской свободой я почти ничего не знал, да и знать не хотел». Опыт заставил понять, что противостоять фашизму — значит помимо всего стать поборником политической демократии, противопоставить иррациональной мифологии разум и право.

Ориентация послевоенной ФРГ на Запад означала не просто присоединение к военно-политическому союзу, но и безоговорочное признание

всеобщности некоторых традиций и ценностей, причем отчасти уже в американской интерпретации. В этих условиях «антизападнические», особенно антиамериканские, настроения стали распространяться уже среди немецких левых.

Жили в ФРГ. Любили ГДР

Впрочем, тут они перекликались с радикальными интеллектуалами других стран (включая Америку), которых в какой-то момент стало тошнить от «непроходимого благополучия» потребительского общества со всеми его атрибутами, институтами, формализованной жизнью. Мы помним, как стыдили западные «бунтари» 60–70-х годов пролетариев своих стран, которые, кажется, совсем отказались от революционных устремлений ради собственного домика с цветным телевизором и автомобилем. Приходилось все надежды связывать с обездоленными «третьего мира».

Но в ФРГ эта тема приобретала особый оттенок потому, что там под боком была еще ГДР, испытывавшая возможность другого, «незападного» пути. Западногерманские левые интеллектуалы, среди которых были и виднейшие писатели, не жалели обличительных красок, вскрывая, а то и гиперболизируя недостатки и пороки своего общества; к восточногерманской действительности они были несравненно более снисходительны.

Искренний протест против преследований инакомыслящих почти непременно должен был сопровождаться упоминанием о политических убийствах где-нибудь в Латинской Америке. Гюнтер Грасс с присущим ему темпераментом и сарказмом клеймил социальное неравенство в Америке; сравнительно низкий уровень жизни в ГДР особых эмоций не вызывал.

Западногерманским левым была даже симпатична специфика общества, пытавшегося строить жизнь по «раннеиндустриальному образцу», без засилья «автомобилей и телефонов», без «одержимости коммуникацией и развлечениями».

Этому обществу было чем гордиться — не в пример ФРГ, которая жила «без мечты, без трагедии, даже как будто счастливо, становясь обществом потребления и развлечения, отвернувшись от великих исторических целей».

Последние цитаты взяты из недавней статьи известного западногерманского историка и публициста Иохима Феста, который анализирует реакцию левых интеллектуалов на крушение ГДР. Эту реакцию автор характеризует как «растерянность», как «боль за утраченную утопию». «Триумф постылой реальности» опрокинул многие их представления. Тем более что это означало успех «Запада», который они так ненавидели и презирали.

Не идеально даже внешне благополучное и свободное общество, у него есть своя оборотная сторона. Западногерманские левые ощущали это изнутри, когда трактовали свободу в своей стране как «свободу банков», «свободу супермаркетов». И жители бывшей ГДР, считает тот же Гюнтер Грасс, теперь лишь «сменили одну форму несвободы на другую».

Возможность избавиться от страха и униженности перед тоталитарным государством, да просто-напросто зажить лучше, сытнее, не кажется этим людям таким уж важным благом.

Иоахим Фест отмечает присущее нынешним левым «презрение к материальной сфере жизни», более того, знакомую убежденность, что нужна «более моральна», чем благополучное общество потребления. Иоахим

Фест замечает по этому поводу: «Особенно любят презирать материальное благосостояние те, кто живет вполне прилично».

Поклонники варварства?

Мы возвращаемся все к той же проблеме. Человек взыскующего ума, высокой духовности может не довольствоваться благоустроенной обидчивостью; он слишком сознает ее недостаточность, противоречивость, слишком чувствует изначальный трагизм жизни. Высокий радикализм мысли, заметим, вовсе не обязательно сказывается на житейском уровне. Томас Манн, как известно, вел упорядоченную жизнь образцового бюргера и гордился этим; от военной службы он был освобожден. В любом случае у таких людей особая роль, функция в обществе — они нужны для его полноценного развития. Но их по природе не может быть много; у большинства — другие задачи, другие ценности и другие заботы.

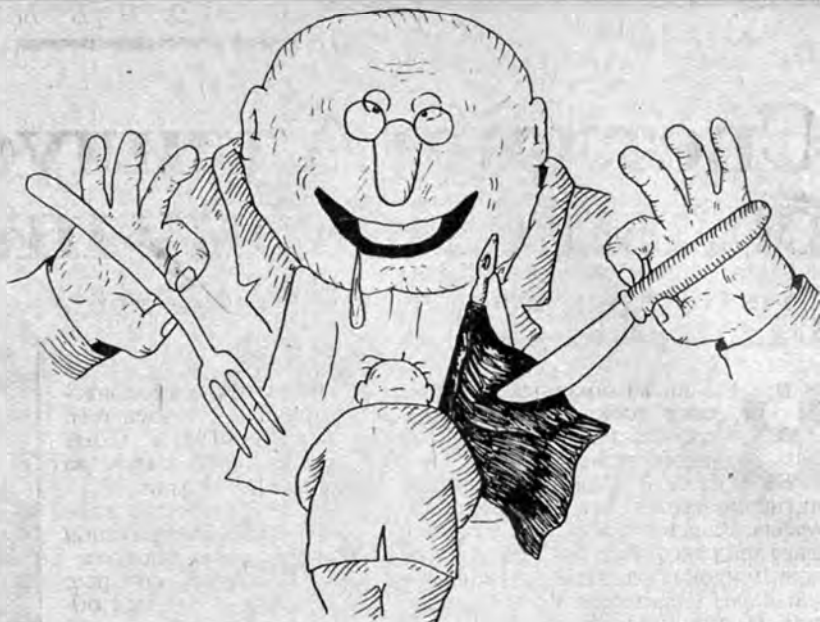
«Аристократическое чувство равенства со всеми», как это называл Пастернак, подразумевает уважение к праву других свободно выбирать свой образ жизни, не считая их ни лучше, ни хуже себя. Иначе можно ненароком впасть в грех элитарного, в сущности, высокомерия.

Надежда Мандельштам в своих воспоминаниях ответила Т.С.Элиоту, который, выступая после войны перед английскими студентами, в то время весьма симпатизировавшими России, утверждал, что в нашей стране расцвет культуры оказался возможным и без условий, которые представляются ему обязательными для свободного Запада. «В варварской стране можно делать что угодно, чего в культурной Англии допустить нельзя?» — пишет Надежда Мандельштам. Откуда это представление и о неслыханном расцвете нашей культуры, и об особой неприхотливости русских? «Мне приходит на ум тяжкое подозрение, — продолжает автор, — что Элиот выделяет себя из массы людей, из человеческих толп. Кто же он? Неужели он причисляет себя к элите? Я знаю, что такое самоощущение несовместимо с христианством». Она отвергает противопоставление культуры и цивилизации, которыми любят оперировать зачастую именно люди, не обделенные благами удобной и обустроенной жизни.

Всем нравится Обломов

Что говорить: я пишу о Западе, а в уме держу все время наши собственные дела.

В бурные августовские дни прошлого года известный писатель опубликовал стихотворение, где противопоставил себя политической суете: пока другие стояли у Белого дома, он починил у себя в деревне колодец. Прекрасное, достойнейшее дело! Но, может, не стоило бы этим до-

вольствоваться? Может, политические борения тех дней подразумевали, среди прочего, заботу о том, чтобы деревня — любая — обзавелась наконец водопроводом и прочими нормальными для всего мира благами, чтобы крестьянин, земляк писателя, зажил не хуже, а то и лучше самого писателя, который, починив колодец, тут же все-таки поспешил в столицу, а там, глядишь, и за рубеж — запастись продуктами да заодно убедиться лишний раз в преимуществах своей духовности перед прозой тамошней жизни.

Вернемся к «Размышлениям аполитичного».

«Возьмем гончаровского «Обломова»! — писал Томас Манн в апреле 1917 года. — Поистине, какая болезненная, какая безнадежная фигура! Какая дряблость, неуклюжесть, вялость, сонливость, какая неспособность к жизни, какая безалаберная меланхолия! Несчастливая Россия, вот твой человек! И все же... возможно ли не любить Илью Обломова, эту одутловатую невозможность человека? У него есть национальный антипод, немец Штольц, образец ума, осмотрительности, долга, достоинства и деловитости. Но какая нужна фарисейская педантичность, чтобы, читая эту книгу, не отдавать предпочтения — как это несомненно делает и сам автор — толстому Илье перед его энергичным товарищем, не чувствовать и не признавать прежде всего внутренней красоты, чистоты и приятности его человеческой сути? Несчастливая Россия? Счастливая, счастливая Россия — если при всех своих бедствиях и при всей безнадежности она умеет быть в глубине души столь прекрасной и достойной любви!».

К собственной стране (как и к нему Штольцу) писатель относится гораздо критичней. Он называет «проявлением немецкого духа» способность к национальной самокритике: когда читаешь иных немецких авторов, кажется, что хуже страны

нет. Но, может, и нам не стоило бы особенно обольщаться довольно сомнительными комплиментами своей обломовской ипостаси? Сам-то Томас Манн жил отнюдь не по-обломовски — вольно ему было со стороны любоваться чужим, непохожим. На нашей недавней памяти бывший глава государства с гордостью приводил слова какого-то американца о том, что мы — самая духовная страна в мире. Посмотрительней бы с этой гордостью!

Прощание с дядей Ваней

Я видел в мюнхенском театре «Каммершпили» постановку чеховского «Дяди Вани». В декорациях, изображающих нечто обшарпанное, полуразрушенное, давно не отремонтированное, страдали и жаловались на несостоявшуюся жизнь симпатичные русские герои. Публика им сочувствовала, она привыкла к такому образу России и готова была любить его. Но после спектакля они разъезжались на блестящих автомобилях по чистым благоустроенным домам.

У нас одно время полюбили цитировать слова из фильма о дороге, ведущей к храму. А если, дескать, не к храму, зачем такая дорога нужна? Один мой собеседник как-то спросил: а если она ведет к рауте, в суд, в другое гражданское учреждение? Зачем уж так от них отказываться? Без таких дорог и дорога к храму рискует стать, скорей, чистым символом — сам храм, глядишь, взорвут, а мы займемся привычным делом поиска виноватых.

Не стоит отказываться от хоженых, испытанных миром дорог ради одного лишь желания проложить свою, небывалую. Остаться же самими собой на любой дороге нам никто не помешает.

Рисунки Марата Таурова

Светлане Аллилуевой больше некому писать

Дочь Сталина живет за счет британской благотворительности

В один из обычных лондонских дней, когда мелкий дождик, называемый в Великобритании «дризл», висел в воздухе, создавая ощущение густого полупрозрачного тумана, Лана Питерс вышла из своей квартирны на Лэдбрук Гроу на западе Лондона, поправила перекинутую через плечо светлую молодежную сумку и направилась к автобусной остановке.

Она ехала на Уэстбороу Гроу, в старенький антикварный магазин, где среди картин, забавных статуэток из далекого прошлого и рядом с мебелью, напоминающей ей радостное детство, когда была она не Ланой Питерс, а «Сетанкой», «хозяйшккой» или «воробышком», могла она оторваться от пугающей пустоты последних лет.

Лана Питерс появилась в Лондоне в 1982 году с дочкой Ольгой и большой суммой долларов, полученных от публикации ее книг. Она была довольна, что имеет хорошую квартиру в престижном районе, что исполнила собственное желание дать дочке «приличное английское образование».

Она познакомилась с чудесным человеком Малкомом Магриджем, принимавшим немалое участие в ее судьбе. Казалось, еще немного и она навсегда сумеет оторваться от прошлого, стать только Ланой Питерс и не вспоминать о том, что она — Светлана Иосифовна Аллилуева-Сталина.

«Карр Гомм» в беде не оставил

Однако все оказалось не так, как хотелось бы ей. Добрые отношения с Магриджем, несмотря на старания старого интеллигента, разладились. Деньги ульывали между пальцами, и она вынуждена была продать обжитую квартиру, переехав в другую, меньших размеров. Был миг, когда ей показалось, что она нашла еще одного друга, с которым сделала несколько передач на «Русской службе» Би-би-си. Борис Нечаев, ведущий программы «Пустынный остров», стал для нее очередной отдушиной, но и с ним она разругалась, как говорят, из-за пустяков, и с тех пор у нее не было более друзей.

Оставалась одна отрада, ее дочь Ольга, однако и с ней становилось жить все сложнее и сложнее, особенно после экспансивного решения вернуться в Москву, где для дочери

все было чуждо и непонятно. Все закончилось тем, что рожденная в США Ольга вышла замуж за американца и уехала.

Миссис Питерс по всем законам Великобритании подходила под определение тех людей, которые нуждаются в помощи общества. Брошенная дочерью, без средств к существованию, она недолго ждала решения муниципалитета округа Кенсингтон и Челси. Ей дали возможность поселиться в небольшой квартирке, которую содержит благотворительное общество «Карр Гомм». Это общество поддерживает одиноких людей.

Любимая дочь вождя

Светлана Аллилуева родилась 28 февраля 1925 года. Это был год первой крупной ссоры между Сталиным и ее матерью. После нее Надежда Аллилуева в сопровождении двух нянь, прихватив с собой детей, уехала к своему отцу в Ленинград.

Сталин тяжело переживал случившееся и позволил жене, сказав, что приедет и забрет ее с детьми в Кремль. Аллилуева ответила: «Мы приедем сами. Твоя поездка будет слишком дорого стоить государству», — намекая на основную причину их ссор со Сталиным.

Это, как вспоминает Светлана Аллилуева, были разногласия: в какой мере «вожди» могли жить за счет государства.

Надежде Аллилуевой все труднее становилось терпеть грубости мужа. Она стала истеричной, взвинченной. Вспоминая о причине самоубийства матери, Светлана рассказала случай, происшедший во время банкета по случаю пятнадцатой годовщины революции. Сталин обратился к жене: «Эй, ты! Выпей!» Аллилуева взорвалась, вскочила и, крикнув, что Сталин не имеет права так обращаться с ней, выбежала из зала. Ночью она пустила себе в висок пулю из маленького, почти игрушечного браунинга, который подарил ей брат Павел.

1977 год. Светлана Аллилуева вместе с дочерью возвращается в Москву. Ненадолго

Фото из журнала «Тайм»

...Видимо, можно считать началом истории, в конце концов приведшей Аллилуеву на Лэдбрук Гроу, встречу шестнадцатилетней школьницы Светланы с известным сорокалетним сценаристом Алексеем Каплером. Она впервые посмела сделать что-то, что не понравилось вождю. Каплер отправился в лагерь.

Дикая цыганская кровь бабки Аллилуевой толкала Светлану на поступки отчаянные и противоречивые. Она выходит замуж за Григория Морозова, рождает от него сына и разводится. Опять выходит замуж — на сей раз за сына члена политбюро Андрея Жданова — Юрия. Рождает дочь. Опять разводится. В 1955 году мимолетная встреча с Каплером. Наконец, случайная встреча с индийским коммунистом Баджешем Сингхом в 1963 году. Вместе с ним, оставив детей, она поехала в Индию. И решила не возвращаться в СССР.

Ее появление в американском посольстве в Дели вызвало шок. Сначала консул Джордж Хьюи, затем первый секретарь посольства Джозеф Грин вели с ней беседы, пытались установить, действительно ли она является дочерью Сталина.

«Я счастлива, что приехала в США!»

После консультаций с госдепартаментом женщину, называвшую себя Светланой Аллилуевой, было решено вывезти в США. Для этого ее в сопровождении работника ЦРУ 7 марта 1967 года рейсом Кю-751 австралийской авиакомпании «Квантас» отправили в Рим.

В советском посольстве в Дели спохватились поздно. Когда по заданию посла двое оперативников спешили в Калаканкар, где должна была быть Аллилуева, по радио сообщили, что самолет уже приземлился в Италии. Посол СССР в Индии Бенедиктов выразил министерству внутренних дел протест, обвинив США в совершении акта «захвата и вывоза гражданина СССР». Последовала длительная борьба за Аллилуеву, которая завершилась 17 апреля 1967 года ее приземлением в аэропорту Кеннеди в Нью-Йорке. Она подошла к микрофонам и воскликнула: «Привет всем! Я счастлива, что приехала в США!»

На Западе не получили от Аллилуевой того, чего ожидали. Ей было тяжело ругать Сталина — он был ее отцом. Поэтому в книге «Двадцать писем к другу» образ «вождя всех времен и народов» получился далеким от оригинала. Она знала много о внутренней кухне «детей вождя», но о политической — почти ничего. Интерес к ней со временем сошел на нет. Аллилуева была предоставлена самой себе.

Правда, две книги принесли ей немалые деньги. Она получила за них около двух миллионов долларов.

Светлана вновь вышла замуж — за американца Питерса, которому она родила дочь Ольгу, и поселилась в уютном домике в Принстоне. Однако не в духе Аллилуевой жить с кем-либо и где-либо долго. Она разводится с Питерсом, и начинаются ее странствования по всей Америке — с запада на восток и обратно. Она находит много сочувствующих и друзей, легко сходится с ними, но так же легко ссорится и превращает их во врагов.

В 1982 году, во многом стараниями уже упомянутого Малкома Магриджа, Аллилуева появляется в Великобритании.

...Лана Питерс вышла из любимого антикварного магазина.

Она обернулась на мгновение. Лицо ее стало строже.

— Вы же знаете, я не даю интервью, — говорит она и быстро семенит к автобусной остановке.

Сергей Бабусенко,
соб. корр. «Нового времени»

Владимир Чугунов,
Би-би-си
ЛОНДОН

Булочка,

или Почему экономика не должна быть экономной

Вячеслав Басков

Булочка с повидлом — кондитерское изделие из семейства пирожковых. Только оно немного смешнее: ешь обычную булочку, булочку саму по себе, ешь и вдруг — ах! — повидло. На ценнике написано: «Булочка с повидлом» — и все-таки сюрприз.

Что ни говорите, в пирожке сюрприз чувствуется с первого укуса, а булочку ешь, ешь, ешь, а вот этого «ах!» все нет и нет и будет ли — неизвестно. Ценник, кажется, обещал... Иногда съешь целую булочку, а начинаешь так и не почувствуешь. Кому расскажешь? Как докажешь, что самого главного в булочке не было? А дети поступают совсем просто: сразу обкусывают булочку со всех сторон, чтобы скорее узнать, где повидло.

Словом, повидло в булочке надо еще найти. Кто же устроил для нас такие сложные поиски и разочарования?

Мастер

Слава хлебопека Ивана Филиппова пережила мастера. Такое впечатление, что Филиппова должны знать все, весь мир. Однако Филиппов имел в России всего 37 булочных, 22 из которых были в Москве, а в С.-Петербурге — 8. Малое число булочных только повышает цену мастерству, о котором помнят через сто лет.

Хлебопекарня на Сретенке — одна из филипповских. Только об этом мало кто слышал. В 1993 году ей исполняется 115 лет. Дата некруглая, но знаменательная, во всяком случае работники хлебопекарни, которая теперь называется хлебозаводом № 14, прекрасно знают свое филипповское происхождение и планируют 115-летие отметить. Возможно, они откроют кафетерий на втором этаже, над булочной, где помимо горячих хлебных изделий будут продавать чай и молоко. Успеют ли к будущему году — вся Сретенка перерыта, дома не то сносятся, не то реставрируют, конца перестройке не видно...

В лаборатории завода №14 восстанавливают филипповские сорта изделий — с виду простой крендель в форме буквы «В», только не из сплошного теста, а из заплетенного

в косу. Попробуйте сплести из сырого теста косу, уложите ее в форму «В», но чтобы в печи тесто не слилось. Это хитроумное изделие называется «Крендель из плетенки».

В булочных Филиппова, оказывается, всегда был в продаже «Боярский хлеб», какого мы и не ели никогда. Это небольшая круглая булочка, верх которой разделен на квадратики. Желобки между квадратами должны пропечься чуть меньше. Затем булку посыпали сахаром. Усилиями энтузиастов из лаборатории 14-го завода мы, кажется, скоро преломим «Боярский хлеб».

Вернулась за прилавком неизвестная нами «Русская булочка» — в первый раз ее продавали 23 сентября 1992 года. Это тоже фирменное изобретение. Круглую булочку, которая умещается на ладони, пересекает сверху так называемый гребешок, который зажаривается особенно. И он должен быть высоким, ему нельзя падать. Булочка просится в рот: загорелая, пышная, с прожаренным гребешком. Ее брали по десять штук, хотя она стоит 6 рублей. Я сам это видел в тот самый день, когда ее впервые после почти 70 лет забвения вынесли на прилавок.

Булочками с повидлом кормил москвичей и Филиппов. Делают ее и сейчас. Как и при Филиппове, это все еще ручная работа. Впрочем, все булочки делают вручную, да и каждого батона хлеба касается рука хлебопека: тогда ли, когда пекарь укладывает колбаски теста на качалку в печи, тогда ли, когда делает на будущем батоне тонким ножом нарезки. Именно по этим нарезкам мы всегда определяем сорта хлеба: где было три нарезки, тот стоил 13 копеек, где пять, тот стоил 25 копеек. Теперь он стоит 20 рублей, а 13-копеечный, кажется, перестали выпускать, потому что он никогда не пользовался особым спросом, он был такой тяжелый, плотный, обычно плохо пропекался. А в пекарне на Сретенке теперь выпускают батоны с девятью нарезками, которые расходятся эдак веером. Нарезки не играют никакой роли в технологическом процессе, это традиционное хлебное украшение.

Но вернемся к самому трудоемкому в хлебопечении изделию — к булочке. На ее изготовление уходит, оказывается, по меньшей мере шесть часов!..

Делают «Пирожок любительский» с великими научными трудностями, а повидло в булочке ищешь, ищешь, вовсю работаешь зубами, губами, молотишь языком, подключаешь к процессу жевания разные чувства, на которые способен организм, ждущий радости жизни, — и не находишь повидла. А если находишь (чаще, конечно, оно в булочке все-таки оказывается), то его так мало, на пол-укуса и на полглотка! Стоило ли долго и кропотливо трудиться, чтобы разочаровать покупателя?

Булочки без начинки делают еще сложнее: из колбасок выют разные кренделюшки, паутинки, сетки, пружинки, но они без начинки, в них форма заменяет содержание. Но если нам обещают содержание, то

отступно следят за их работой и за колебаниями стрелки весов.

В домашних условиях в булочку с повидлом кладут, конечно, не пятнадцать граммов сладкой начинки, а, знаете, много.

— Я вообще жене говорю так: клади повидла много, чтобы это была булочка с повидлом, — рассказывал о своей семейной жизни директор хлебозавода № 14 Василий Погуляев.

Эта маленькая деталь из интимной жизни директора еще раз убедилась в том, что повидло, строго говоря, не тот продукт, на котором следует вбивать гвозди в победные отчеты. Наше повидло делается из фруктовых отходов. Повидлу мож-

манешь: если человек съел булочку, на которой сэкономили муку, яйцо, сахар, повидло, то он захочет есть снова быстрее, чем если бы съел полноценный продукт.

Идеальным примером несостоятельности теории экономии на кулинарных рецептах служат наши колбасы, которые ради экономии мяса испортили грубыми добавками немясного происхождения. В качестве добавок в колбасу идет даже дробленая шкура животного, потому, видите ли, что наши ученые, шуря в микроскоп, рассмотрели в шкуре белок, родственник мясному. Он не может заменить мясо. Он способен увеличить количество колбасных батончиков, но натуральный продукт, созданный природой, — лучшее из того, что годится для человека.

Экономия повидла на булочке с повидлом побуждает людей поку-

оно должно преобладать над формой.

Гвоздь

Заведующая лабораторией Галина Позняк и инженер-технолог Ирина Голубева полностью разделяют наше разочарование. Они обе тонкие ценительницы кондитерских изделий. Пятнадцать граммов повидла, даже если их размажешь по всей лепешке, не прибавят радости. Пятнадцать граммов есть пятнадцать граммов. Именно столько, и ни граммом больше, предписано прятать в «Пирожок любительский» разными ГОСТами, номерами которых не хочется морочить читателю голову, и множеством специальных инструкций. Вся такого рода документация издана серьезными людьми для повседневной экономии продуктов. Экономия — гвоздь такой экономии. Экономия идет на притуплении вкусовых ощущений граждан.

За расходом начинки и прочих компонентов строго следят всевозможные комиссии. Бывает, что члены комиссий встают прямо за спиной инженера, хлебопека и не-

по посвятить отдельную статью, оно этого заслуживает, но, коротко говоря, на заводах, где его делают, фрукты разделяют на фрукты и на фрукты, которые пойдут на повидло. Плоды, которые нельзя продать из-за их нетоварного вида, пускают в машины. Гигантские мясорубки превращают их в сплошную массу, во фруктовое пюре, иной раз даже без различия, каким фрукт был при жизни — грушей или яблоком. Иногда такие повидла называют «фруктовым джемом» или «яблочно-грушевым», «яблочно-вишневым». Конечно, очень жаль, что наши повидла не являются образцом кулинарного искусства, но они такими не являются по замыслу. Что же экономить? Экономить на чем?

Желудок не обманешь

Из этого примера видно, что любая теория экономии проверку логикой не выдерживает. Экономика не должна быть экономной. В любой продукт нужно вложить столько компонентов, сколько он требует, чтобы достичь общепринятого в кулинарии стандарта. Желудок не об-

пать много муки домой и печь нормальные булочки, пирожки самим.

Булочки с повидлом залеживаются в лотках, спустя ночь твердеют, становятся невкусными — пропал ценный ручной труд! Напрасным был творческий порыв, фантазия кулинара оказалась невостребованной. Вместо экономии получился великий расход.

Черствое хлебное изделие вернут на завод, перемелют в пыль и — не выбрасывать же! — добавят в новый замес. Хлеб из этого замеса имеет вид вкусного и свежего, пока горячий, а уже наутро он становится резиновым, к вечеру черствеет, покрывается плесенью, которую по-научному зовут пенициллином. Вот этот ценный лекарственный препарат наши ученые экономят использовать еще не научились. Поэтому заплесневевшие огрызки люди выбрасывают на помойку. А если хорошенько подумать, получше взглянуть в микроскоп, то и из бесхозной плесени можно было бы сварганить что-нибудь вкусненькое. Например, повидло для булочек с повидлом, чтобы наконец перестать его экономить раз и навсегда.

Рисунок Марата Таирова

Рубрику ведет
обозреватель «НВ»
Ростислав Золотарев

«У нас сейчас есть две группы политиков: одна из них торжествует, что в России водворится капитализм, и поет дифирамбы частной собственности; другая готовит себе место будущей социалистической оппозиции в будущем капиталистическом обществе, то есть предполагает начать безответственную войну против частной собственности», — говорил русский ученый — философ и юрист Н.Н.Алексеев (читателям уже знакомо это имя — «НВ» № 39/91). Сказано это лет шестьдесят назад о взглядах мыслителей-эмигрантов.

Для людей, мало знакомых с историей русской политической мысли начала XX века, наши сегодняшние споры о

переходе страны на путь цивилизованного развития, о рынке, частной собственности и приватизации представляются чем-то совершенно новым. Между тем споры эти в русском зарубежье велись постоянно. И точки зрения были, как и сегодня, самыми различными.

При всем разнообразии и даже полной противоположности высказываемых взглядов и точек зрения деятели русской эмиграции судили и о российском, и мировом капитализме на основе уже приобретенного опыта; они уже тогда видели возможные опасности на пути к возрождению России, предупреждали против поспешности и крайностей при переходе страны к свободному экономическому развитию. Для многих из них было ясно, что и капитализм переживает серьезную трансформацию. И что без учета этого, как и

без учета опыта большевистского прошлого, невозможно сколь-нибудь успешно перестроить Россию.

Сегодня мы публикуем фрагменты статьи известного публициста и общественного деятеля Ильи Исидоровича Бунакова-Фондаминского «Хозяйственный строй будущей России», опубликованной в 1931 году в редактируемом им — совместно с Г.П.Федотовым и Ф.А.Степуном — журнале «Новый град» (№ 5/31).

Статья носит характер дружеской полемики с «христианским социализмом» Георгием Федотовым, позиции которого ясны из текста. Бунаков — в прошлом эсер, занимавший, впрочем, более либеральные и умеренные позиции, чем партийные радикалы, и близкий в духовном отношении к некоторым из «веховцев», — отдает определенную дань и неонародниче-

ИЗ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
МЫСЛИ

XX

ВЕКА

ству (акцент, хотя и не слишком утрированный, на специфике исторического опыта России), и «социализму» (но точнее, пожалуй, неолиберализму с его ставкой на роль государства в экономике и социальной политике). К чести ученого надо заметить, что его взгляды и возражения оппонентам отнюдь не агрессивны. И он больше задает вопросы, чем подсказывает ответы. Пожалуй, эти-то вопросы и являют собой самое интересное в статье.

После бесхоза

Илья Бунаков-Фондаминский (1897–1943)

В прекрасной книге Г.П.Федотова «И есть, и будет» имеется глава о хозяйственном строе будущей — послебольшевицкой (так у автора. — Ред.) — России. Содержание ее следующее. В *сельском хозяйстве*: невозможность реставрации помещичьей собственности и необходимость прочного закрепления земли за крестьянами; в *районах колхозного хозяйства* — новый передел земли; формы земельного владения — общинные и индивидуальные — должны быть предоставлены свободному выбору крестьян; должна быть обеспечена свобода мобилизации земли; за государством должно быть сохранено право вмешательства в земельные отношения — возможность установления максимальных норм землевладения, организация переселения; но сохраняет ли государство за собой титул верховной собственности на землю — национализацию, значения не имеет; на первый план должна быть выдвинута проблема производства, а не распределения. В *индустрии*: необходима денационализация государственной промышленности; но при этом нельзя разделять все сделанное большевицкой эпохой — раздарить или продать с торгов все государственное достояние России: судьба каждого предприятия должна быть тщательно изучена и определена особо; как общий принцип, государство должно отдать лишь то, с чем оно само не в силах справиться, — хотя, конечно, это будет львиная доля захваченного.

Денационализация предприятий, однако, ни в коем случае не должна означать их реституции — предприятия должны попасть в годные руки: в большинстве случаев это будут русские предприниматели — смешанные русско-иностранцы общества под государственным контролем. И вообще государство должно сохранить верховный надзор над всей хозяйственной жизнью страны — это определяется не доктринерски-социалистическими мотивами, а слабостью русского промыш-

ленного класса в прошлом и его разгромом в революции. Для рабочих должна быть организована охрана труда — освобожденная Россия должна показать рабочему классу, что у ней нет пассивков; если будет возможно, надо сохранить даже большевицкий трудовой кодекс; задачу воспитания рабочего класса должна взять на себя интеллигенция. *Но еще важнее воссоздание и воспитание класса предпринимателей* — как в сельском хозяйстве, проблема производства должна и в индустрии доминировать над распределением. Россия переживает время, подобное петровскому: необходимо предельного напряжения своих производительных сил. Но для этого нужны новая хозяйственная психология и создание нового класса предпринимателей; недопустимо прежнее дворянское и интеллигентское презрение к торговле и хозяйству; невозможен и старый тип предпринимателя — кулака и мироеда. Для возрождения капитализма в России нужны этизация капиталистического предпринимательства и создание нового духовного типа предпринимателя — европейско-американского склада; задача эта трудна, но разрешима — в порядке творческого усилия нации. Таков хозяйственный план, предлагаемый Г.П.Федотовым для будущей России.

Трудно возразить против конкретных мероприятий предлагаемого плана. Они определены не историческо-философской схемой, а неотложной нуждой исторического момента. Потому в основных чертах они общи хозяйственным платформам всех прогрессивных русских партий — не только буржуазных, но и социалистических. Но конкретные мероприятия, вызванные нуждой исторического момента — падения большевицкой власти, — еще далеко не определяют всего хозяйственного плана, предположенного на десятилетия («пятидесятилетка» — по проекту Федотова)...

Русское сознание вот уже сто лет бьется в тенетах дилеммы: должна ли Россия пройти всю лестницу исторического развития Запада? Но Восток выработал свой

тип культуры. Никакого иного развития, хотя в малой мере напоминающего западное, у него не было. В последние столетия западная цивилизация, в свою очередь, достигла высоких ступеней развития и стала оказывать влияние на другие культуры. Волны западной цивилизации стали распространяться по всему миру. Но она передавала им не свои старые, омертвевшие формы, а самые живые — современные. Западная религия, расходясь по миру, не проповедовала христианства апостольских времен — она распространяла учение Кальвина и иезуитов. Западная наука не посвящала Восток в тайны средневековой алхимии — она сообщала ему теоремы Ньютона и Эйнштейна. Западная государственность не прививала России и Америке феодализма — она передала им просвещенный абсолютизм и парламентарную демократию. И то же западное хозяйство: распространяясь по миру, оно несло с собой свои последние технические и организационные достижения. Правда, форма победоносной культуры, попадая в чужеродную среду, не всегда дает свои самые совершенные образцы. Советский хозяйственный строй — в главных своих чертах американский «Форд», помноженный на российскую азиатчину. И тем не менее даже такие уродливые образования в какой-то мере оказываются жизненными и отвечающими темпу истории. Во всяком случае, более жизненными, чем попытки реставрации пройденных ступеней европейской цивилизации. Применяя это к проблеме хозяйственного строительства России, даже крепостное плановое советское хозяйство более жизненно и исторично, чем прежний свободный капиталистический строй...

Европейское хозяйство переживает фазу «позднего капитализма». Это значит, что наряду с капиталистическими в современном хозяйственном строе все большее место занимают иные, новые формы хозяйства: кооперативные, государственные и смешанные капиталистически-общественные. Но что еще более важно: сами капиталистические формы хозяйства перерождаются в духе вновь возникающих и конкурирующих с ними.

Капиталистический дух — дух предпринимательства, риска и наживы — выветривается: рационализация всего хозяйственного процесса убивает его. В предпринимательстве интуиция уступает место расчету. Предприятия принимают вид бюрократических учреждений; руководители предприятий — чиновники. Владельцы капиталов предпочитают верные фиксированные проценты рискованным барышам. Предприниматели, связанные трестами, картелями и акционерными обществами, теряют вкус к инициативе и творческому размаху — «жиреют». Властные и талантливые люди уходят из промышленности в политику и государственное строительство. В современном капиталистическом хозяйстве связано все — и предприятия, и предприниматели. Связаны внутренними бюрократическими порядками управления; связаны картелями и другими предпринимательскими объединениями; связаны рабочим классом: фабричными советами, профессиональными союзами, тарифными договорами; связаны государством: охраной труда, контролем над ценами, в последнее время часто непосредственным надзором (над банками). И вместе с переходом от свободного к связанному строю меняется вся механика хозяйственного процесса: свобода рынка, игра спроса и предложения исчезают. Цены на товары устанавливают картели или государство; заработную плату — профессиональные союзы. Государство вынуждено кормить миллионы рабочих и тратить миллиарды на поддержку капиталистических предприятий. И капитал, и труд цепляются за государство. Государство без плана и системы вмешивается во все области хозяйственной жизни. Остается один выход, указываемый всем ходом развития совре-

менного хозяйства: установление в мире хозяйства планового.

Плановое хозяйство совсем не равнозначно хозяйству государственному, как в советской России, и не должно быть однообразным во всех округах. Хозяйственное состояние округов различно — различны должны быть и хозяйственные планы, вырабатываемые для каждого из них. И то же в пределах каждого округа: формы хозяйства различны в различных отраслях — сельском хозяйстве, ремесле, промышленности; потому должны быть различны и методы осуществления хозяйственного плана в применении к каждой отрасли. Чем сложнее и многообразнее хозяйство данного округа, тем более сложным и многогранным должен быть и вырабатываемый для него план. При таком построении плана снимается противопоставление частного хозяйства общественному, частного владения — коллективному.

В плановом хозяйстве возможны различные формы хозяйствования и различные формы владения. Превалирование одних или других зависит от конкретных условий округа и от воли хозяйствующих в нем. Но не в воле хозяйствующих повернуть назад колесо мировой истории. Мир накануне грандиозного хозяйственного перелома, на пороге новой хозяйственной эры. Хозяйственный перелом может произойти на путях революционного взрыва или на путях планомерного, но радикального хозяйственного переустройства. От воли и разума людей зависит избрать второй путь.

Какова хозяйственная обстановка России, которую на другой день после падения большевистской власти найдет в ней мир?... Все хозяйство страны ведется по одному плану и из одного центра. Пусть части плана не сходятся друг с другом, пусть план не целиком осуществляется в жизни, пусть прорывы уродуют «генеральную линию». Советское хозяйство — тем не менее плановое хозяйство и интегрально связанное: хозяйственной стихии и свободной игре хозяйственных сил не оставлено в нем и малого уголка. И что еще важнее: в этом плановом и связанном хозяйстве хозяйство государственное и коллективное играет подавляющую роль. В промышленности и торговле государство монополизировало все. В сельском хозяйстве совхозы и колхозы владеют большей половиной земли (60 процентов) и посевов (80 процентов), в советской России все хозяйство и владение так же огосударвлены, как в Египте времен фараонов. Старые предприниматели и капиталисты вымерли или доживают свои дни в эмиграции. Новые — советские напманы и кулаки — гниют в Соловках. Советская молодежь проходит тяжкую школу хозяйствования в городских государственных промышленных и торговых предприятиях и сельских колхозах и совхозах. Можно как угодно сурово отзываться о крепостном и бюрократическом духе советских хозяйственных учреждений — с «буржуазным» и «частнокапиталистическим» смешивать его бессмысленно. На самом деле буржуазный дух из советского хозяйства вытравлен радикально.

Советское хозяйство и капиталистическое — антиподы. И вместе с тем нельзя себя обманывать заключением: что с искоренением буржуазного духа и исчезновением капиталистических форм хозяйствования до конца разрушено и все народное хозяйство России; что в хозяйственном отношении послебольшевистская Россия — голое поле. Такие заключения больше уже не смешны — они нелепы. Большевицкое хозяйство в России жестоко и бесчеловечно. Большевики эксплуатируют труд своих подданных так же, как фараоны своих рабов. Большевики строят советское хозяйство на крови и костях миллионов русских людей. Но они строят хозяйство, а не только разрушают его. По утверждениям не только советских, но и эмигрантских

И у Запада стоит заимствовать лишь новые, а не отжившие, архаические формы

экономистов, в России происходит громадный хозяйственный переворот: Россия индустриализируется — из страны аграрной превращается в аграрно-промышленную. Послебольшевическая Россия получит в наследство от большевизма большое промышленное хозяйство: фабрики, заводы, копи, рудники, электрические станции — частью оборудованное по последнему слову европейской техники, связанное пусть нелепым, но грандиозным планом и руководимое бесчисленным советским бюрократическим аппаратом. Это наследство надо принять и разумно им распорядиться.

Как в индустрии, так и в сельском хозяйстве послебольшевизма Россия получит от большевизма большое, хотя и обремененное тяжкими долгами, наследство — сотни тысяч совхозов и колхозов, владеющих громадными блоками неразмежеванной земли, снабженных парками сельскохозяйственных орудий и тракторов и ведущим производством по разработанным в государственных учреждениях планам...

Спрашивается: каким образом плановое и до конца государственное русское народное хозяйство, попадающее на другой день после падения большевизма в обстановку хозяйства мирового, также перестраивающегося на основах плана и государственной связанности, может дать в результате своего освобождения и международного взаимодействия хозяйство капиталистическое, основанное на свободе рынка, собственности и капитала? Где для этого исторические предпосылки — хозяйственные и психологические?.. Кому будет передана русская государственная промышленность, основной капитал которой оценивается в 10—12 миллиардов золотых рублей? Где будет найден оборотный капитал для приведения этой промышленности в движение?

Хозяйственная свобода, несомненно, будет способствовать накоплению частного капитала. Но пройдут годы, а может быть, и десятилетия, прежде чем это накопление насытит второстепенные отрасли народного хозяйства: мелкую торговлю, мелкую промышленность, ремесло. Что будет с основными отраслями городского хозяйства — крупной индустрией и оптовой торговлей? Предполагают, что капитал для этих отраслей даст заграница. Но надежды на это преувеличены. Иностраный капитал с трудом идет в такие неустойчивые страны, какою будет послебольшевизма Россия, и если идет, то на кабальных условиях и на твердом государственном обеспечении. Будущему послебольшевизму государству придется гарантировать иностранному капиталу заказы, кредиты и другие льготы...

(Но) еще труднее будет задача воспитания нового класса русских предпринимателей. Разумеется, для мелкой торговли и промышленности «предприниматели» найдутся. Они будут качеством не выше дореволюционных, но они лучше справятся со своей задачей, чем справлялось советское государство и чем еще долгое время будет справляться государство послебольшевизма. Но дело ведь идет не о них. Дело идет о новом духовном типе предпринимателя — европейско-американского склада, построившего капиталистическое хозяйство Запада и способного поднять хозяйство России на соответствующую высоту. Где исторические основания для создания такого типа? Европейский тип предпринимателя создавался всей современной ему культурой Запада, насыщенной верой в творческие силы капиталистического хозяйства и ведомой такими умами, как Адам Смит. Но тип советского хозяйственника для этого непригоден. И с трудом можно себе представить русскую молодежь на другой день после падения большевизма, проходящую школу такого перевоспитания... Возможно, лечение больной России хозяйственной свободой было бы самым действенным и

плодотворным. Даже для сторонников социалистического идеала путь от советского крепостного строя к строю трудовому через свободное капиталистическое хозяйство может показаться наиболее простым и легким. Но эта возможность России не дана.

Разумеется, послебольшевизм государство раскрепостит русское народное хозяйство и труд. Разумеется, оно восстановит рынок, собственность и даст возможность накопления частного капитала. Но все это в рамках охватывающего все народное хозяйство плана и под твердым своим руководством. Разумеется, послебольшевизм государство разрешит свободу торговли, ремесла и промышленного предпринимательства. И более чем вероятно, что розничная торговля, ремесло и мелкая промышленность очень скоро перейдут в частные руки. Но оно сохранит за собой основные отрасли крупной промышленности и оптовой торговли. И если будет передавать их, то только общественным предприятиям или смешанным государственно-частным обществам. Словом, послебольшевизм государство не будет советско-крепостным, но и не станет свободно-капиталистическим. Это будет плановое хозяйство с преобладающим государственным и общественным сектором. Такова программа на ближайший после падения

Послесоветское государство не должно повторить совдеповское безумие — метание из одной крайности в другую

большевизма власти период — «пятидесятилетка».

Отсюда поправки к конкретным мероприятиям предложенного Г.П.Федотовым хозяйственного плана. В сельском хозяйстве. Государство укрепит за крестьянами их земли. Предоставит крестьянам свободный выбор форм землевладения — общинных и индивидуальных. Разрешит крестьянам выход из колхозов и раздел их. Но оно сохранит за собой все жизнеспособные совхозы (государственные имения)... Для обработки пахотных полей могут создаваться крестьянские кооперативы, артели и тракторные ассоциации, и государство должно всячески этому содействовать. Послебольшевизм государство разрешит переход крестьянской земли из рук в руки. Но оно допустит этот переход только под своим руководством и оно сохранит для этого за собой верховную собственность на землю — национализацию. Большевизм государство совершило безумие, экспроприировав сотни тысяч «кулацких» дворов. Послебольшевизм государство не должно повторить этого безумия, допустив экспроприацию миллионов «бедняцких» хозяйств. А между тем рыночный оборот земли в потрясенной послебольшевизм деревне приведет к этому неизбежно. Тогда большевизм рецидив будет неотвратим. И бессмысленно утешать себя тем, что оплотом против такого рецидива может быть рост «крепких» хозяйственных дворов... В торговле и индустрии. Послебольшевизм государство даст свободу частной инициативе в розничной торговле, ремесле и мелкой промышленности. И оно будет денационализировать свои предприятия в этих отраслях, по мере того как будут укрепляться в них предприятия частные и общественно-кооперативные. Охват всего народного хозяйства хозяйством государственным вреден и утопичен. Но оно не будет денационализировать основные отрасли городского хозяйства — крупную промышленность и оптовую торговлю. Возможно, что некоторые предприятия в этих отраслях как явно нехозяйственные придется просто ликвидировать. И нет сомнения, что многие предприятия надо будет поставить на консервацию. Но большинство предприятий придется вести на государственные средства даже в том случае, если они будут убыточны. За большевизм хозяйство России еще долгие годы придется расплачиваться. Но было бы преступным бросить на произвол судьбы то, что создано неисчислимыми страданиями народа.

Не будем себя обманывать: послебольшевизм хозяйственный строй будет далек от того идеала, который ставит себе мировая и российская демократия.

Закордонные богачи и редакторы-демократы

Павел Гутионтов

Пятнадцать лет назад советский журналист познакомился с западногерманской писательницей, впервые приехавшей в нашу страну. Подружились семьями, поездили друг к другу в гости, попутешествовали по карельским рекам на байдарках, пообменивались подарками.

Немка написала несколько книг-бестселлеров об (тогда еще) СССР, где потом случилась перестройка, а ее московский коллега на волне этой перестройки стал главным редактором прогрессивного издания. Потом стране потребовалась гуманитарная помощь, и немка, будучи человеком на Западе весьма авторитетным, возглавила фонд, принявший перенять в Россию то, в чем Россия так нуждается, — на многие и многие миллионы в твердой валюте. А московский друг по мере сил помогал ей в справедливом распределении всего того, что сюда доставлялось, причем его жена стала представителем фонда в России.

И вот 15 августа сего года главный редактор газеты «Куранты» и депутат Моссовета Анатолий Панков выступил в собственной газете с обширной статьей, в которой обвинил госпожу Лоис Фишер-Руге, главу благотворительного фонда «От двери к двери», в том, что, оказывая России гуманитарную помощь, она преследует некие иные цели — вплоть до шпионских. И вообще оскорбляет национальную гордость нашего великого народа, ибо желает знать, как и на что тратятся переданные фондом средства.

«Неужто уж мы так бесправны в нашем Отечестве, так бедны, слабы и унижены, что нами может помыкать любой закордонный богач, ставя свои личные амбиции, капризы выше межгосударственных отношений?» — вопрошал Панков. Заодно, будучи рафинированным джентльменом, сообщил, что личными делами госпожи Фишер-Руге не интересовался, а потому не знает, «зарегистрированы ли они или нет» с ее нынешним мужем. Зато муж — подполковник бундсвера в отставке и к тому же знает русский язык...

Несколько неожиданный поворот пятнадцатилетней дружбы...

На эту публикацию яростно откликнулась «Литературная газета», которая привела документы, свидетельствующие о том, что это редактор «Курантов», будучи посредником фонда, использовал его деятельность в глубоко корыстных интересах. Примеры, приведенные «Литературкой», впечатляли...

«Куранты», не отвечая на конкретные обвинения и до полемики с «Литгазетой» не опускаясь, высокомерно сообщили, что за демократическую позицию газету преследовали также М. Горбачев и Р. Хасбулатов.

Такая история.

Как там в России? — спросили когда-то Карамзина. Воруют, коротко ответил тот

Считая, что доброе имя и репутация демократической журналистики требуют открытого и прямого разговора в каждом случае, когда они ставятся под сомнение, Комитет по защите свободы слова и прав журналистов совместно с Советом по профессиональной этике провел открытое обсуждение публикаций в «Курантах» и «Литературной газете». Присутствовала госпожа Л. Фишер-Руге, член редколлегии «Курантов» Л. Лукьянова. А Панков от участия в обсуждении уклонился.

Участники обсуждения единодушно согласились, что необходимо публичное рассмотрение дела. Комитет по защите свободы слова в связи с этим намерен обратиться в Прокуратуру России с просьбой о проверке фактов, содержащихся в публикациях.

Не имея возможности вникать в существо имущественных претензий сторон, участники обсуждения единодушно отметили недостойный тон статьи в «Курантах», ее стилистику доноса, сочли недопустимой и позорной саму практику публикаций в своей газете материалов, совершенно очевидно защищающих личные интересы автора — главного редактора издания. Констатировалось, что коммерческая деятельность журналиста несовместима с выполнением профессиональных обязанностей — во всяком случае неминуемо бросает тень как на него самого, так и на его газету.

Что ж, авторитетные коллеги высказались. И даже признали необходимым привлечь к возникшей ситуации общественное внимание — поднять шум, попросту говоря.

Но шума, боюсь, не будет.

Ну в Моссовете, где Панкова не жалуют, обязательно воспользуются случаем.

«Да вы что, действительно думаете, что мы такой ерундой заниматься станем? — спросил меня крупный борец с коррупцией. — Вы себе даже не представляете, что нам сейчас придется распутывать. Речь идет о миллиардах!...»

А общественное мнение...

Горбачев не явился в Конституционный суд...

Горбачева выселили из здания...

Генеральный прокурор издает книгу, написанную по материалам следственного дела, еще не переданного в суд (что там передача «Шпигелю» нескольких несчастных стенограмм, из-за чего когда-то даже уголовное дело заводили, но виновных, конечно, не отыскали)...

Есть много более интересных тем, нежели милые штучки оборотистого редактора-демократа.

Кстати сказать, поставка фондом гуманитарной помощи в Россию приостановлена. За что товарищу Панкову отдельное спасибо.

В моноспектаклях американо-русского театрального режиссера **Никласа Бурлака**, к которым наш зритель пока еще не очень привык как к жанру, тесно переплетены судьбы России и Америки. Его отец — участник революции 1905 года в России — бежал в Америку от смертной казни.

Никлас Бурлак родился в Бетлехеме, штат Пенсильвания. Жил и учился в Нью-Йорке, работал на Бродвее чистильщиком башмаков, продавцом газет и журналов, цирковым гимнастом. В семье было три брата: Майкл, Джон и Никлас. Старшей из детей была их сестра Эни. Она осталась в Штатах, а трех братьев отец привез в Россию накануне второй мировой войны.

В 1941-м Бурлак пошел добровольцем в Красную Армию. Прошел от Курска до Берлина. Среди множества русских автографов на колоннах рейхстага появилась надпись на английском языке.

Никлас Бурлак многие годы руководил музыкально-драматическим театром на Украине, работал главным режиссером Госконцерта Министерства культуры СССР. Бурлак — автор нескольких книг, пьес, сценариев и сериала документальных новелл, объединенных общим названием «Американец в «Стране большевиков». В 60–70-е годы

режиссерские постановки Бурлака шли на сценах Кремлевского Дворца съездов.

Сейчас Никлас Бурлак — художественный руководитель Московского театра авторов-исполнителей, который предлагает зрителям серию его моноспектаклей «Американец в «Стране большевиков». 1940–1990 годы».

Афина Руссель-Онассис не любит, когда ее осаждают фоторепортеры. Она хочет жить, как все маленькие девочки.

Когда умерла Кристина Онассис, ее дочери было всего три года. Недавно самой богатой наследнице в мире исполнилось семь. Она живет со

своим сорокалетним отцом **Тьерри Русселем**, его второй женой, шведской манекенщицей Габи, и их тремя детьми в пригороде Лозанны. Вместе со своими сводными братьями и сестрой Афина посещает обычную школу.

Отец хочет, чтобы дочь от первого брака воспитывалась, как все дети: «Она ни в чем не должна чувствовать свое превосходство». Несмотря на то что сам он тоже принадлежит к богатому миру сего (наследник фармацевтической империи), Руссель старается, чтобы его дети росли без излишеств и привилегий и не походили на королевских отпрысков. Он надеется, что Афина не повторит трагической судьбы своей матери. Легендарная расточительность Кристины могла сравниться только с ее невероятным незнанием действительности. Родившись в роскоши от легкомысленной матери и амбициозного отца, она имела все, что хо-

тела, кроме родительской любви и ласки. В большой степени это и предредило раннюю смерть.

Лишившись матери, Афина замкнулась в себе. Тьерри и Габи приложили все усилия, чтобы малютка снова заулыбалась. Они вытащили ее из нереального сказочного мира, в котором купалась ее мать, подальше от бестактных взглядов и окружили ее нормальным родительским вниманием и теплом. Вот уже около года Афина называет свою мамочку «мама Габи» и с удовольствием нянчит свою годовалую сестренку.

Конечно же, в Афине течет кровь Онассисов, которая проявляется иногда в бурном темпераменте и капризах. Но отец непреклонен: «Не забывай, что ты одна из 5 миллиардов человеческих существ».

Лауреат живет в Карибии

Шведская академия присудила **Дереку Уолкотту** Нобелевскую премию по литературе. 62-летний автор получит 6,5 миллиона шведских крон за «поэтические работы, сияющие светом, подкрепленные историческим видением и порожденные переплетением разных культур».

Он родился на острове Сент-Люсия, но живет на Тринидаде. Как и у многих в странах Карибского

моря, в его жилах течет и африканская, и европейская кровь. Причастность к поликультурному наследию Вест-Индии не мешает ему вести кафедру английского языка в университете Бостона (США).

С предыдущим лауреатом из числа поэтов — Иосифом Бродским — его роднит рано проснувшееся творческое дарование и вера в силу поэзии. Эта вера пронизывает его лучшие произведения: «Другая жизнь», «Арканзасское завещание» и «Омерос».

Последнее является карибским эпосом в 64 главах, все богатство которых посвящено одной цели: «Я песнь пою просторам Карибского моря». Множество сюжетных и философских нитей соткано столь искусно, что на полотне не различить, где литература и где история, где реальность и где фантазия. Блеск метафор и жизненность образов позволяют Уолкотту нести в стихотворном мире Гомера, По, Маяковского, Мелвилла, Бродского и даже «Битлз».

Перу поэта принадлежат и несколько пьес, проникнутых свойственной для его видения театра мечтательно-романтической атмосферой. Шедевром среди них считается «Сон о горе обезьян» — впечатляющая карибская фреска. Стиль нобелевского лауреата отличается мелодичностью, проникновенностью и многоплановостью. Некоторые специалисты называют его последователем Марины Цветаевой: «Как урок или молитву, твою поэзию учил я», — признается ей Уолкотт.

А. Полюхов,
сэб. корр. «НВ»
СТОКГОЛЬМ

Хотя 35-летний **Михаэль Аусенвинклер** пост министра здравоохранения Австрии занимает чуть более полугода, по вниманию со стороны прессы он сейчас значительно опережает «старожилов» нынешнего правительства. Объяснение этому следует искать не только в том, что он самый молодой член кабинета, но и в его неординарном подходе к некоторым проблемам сохранения здоровья своих сограждан.

...В начале нового учебного года министр

выступил с инициативой, повергшей многих учеников и их родителей в настоящий шок. Он предложил наряду с учебными пособиями выдавать школьникам... презервативы. Причем делать это бесплатно. На этот шаг, по мнению Аусенвинклера, подталкивает растущее число носителей вируса СПИД. Раздавать противозачаточные средства, являющиеся, по мнению министра, наиболее действенными в деле борьбы с «чумой XX века», будут среди старшеклассников, то есть с 14-летнего возраста.

У министра в этом вопросе нашлись как убежденные сторонники, так и крутые противники. Последние чаще всего утверждают, что раздача презервативов не только обойдется налогоплательщикам во многие миллионы шиллингов и не принесет никакого эффекта, но, наоборот, будет способствовать дальнейшему падению нравов и без того уже чересчур вольготной чувствующей себя молодежи. Кто-то убежден, что подростки могут торговать «резинками» по демпинговым ценам или использовать их для игр на переманывание в качестве воздушных шариков.

Ну а пока страсти вокруг акции бушуют на страницах печати и в передачах радио и телевидения, представители местного делового мира потирают руки в предвкушении выгодных сделок. Во всяком случае, об этом говорит приемная министра, которая буквально завалена посылками и пакетами с образцами презервативов на любой вкус и размер.

А.Ковригин,
соб. корр. «НВ»
Вена

Впервые за все годы существования хоккея, этой игры «настоящих мужчин», ставшей своего рода национальной религией канадцев, в состав профессиональной команды включена очаровательная 20-летняя девушка **Манон Ром.**

Манон с ростом 164 сантиметра и весом 65 килограммов появилась в воротах клуба НХЛ «Тампа Бэй лайтингс» в один из последних дней сентября и сразу же вместе с признанием требовательных канадских болельщиков получила

имя «Леди Хоккей». В своем первом матче она успешно отстояла ворота команды от нападающих «Сент-Луис блюз» и если испытывала какое-то неудобство по ходу игры, то лишь от косички, которая постоянно выбивалась из-под формен-

ной вратарской амуниции. После матча все восемь с половиной тысяч болельщиков долго аплодировали игроку под номером 33.

Легендарный Фил Эспозито, ныне менеджер команды из Тампа Бэй, заявил после матча: «Мы хотели бы, чтобы Манон играла за нашу команду так долго, как она того захочет. Не так уж много есть мужчин, которые были бы достойны занять место в воротах команд НХЛ. Но у этой девушки особый талант: мало кто может так ловко отбивать шайбы, как она».

Сама Манон говорит, что наконец-то осуществилась ее давнишняя мечта: «Я родилась и провела детство в таком краю Канады, где льда больше, чем асфальта. Поэтому я рано научилась кататься на коньках».

Болельщиков больше всего интересует, как будет себя чувствовать эта довольно хрупкая девушка в свалках у ворот, которые обычно устраивают профи в последние решающие минуты игры. Однако эта проблема Манон не беспокоит. «До сих пор я тренировалась только два раза в неделю, — говорит она с вызовом. — Посмотрим, на что я буду способна, когда стану тренироваться каждый день».

Н.Шмырева

«АББА»: жизнь после смерти

Мелодии «АББЫ», заморозившие мир еще в 70-х годах, вновь триумфально звучат в эфире. Поклонники легендарной шведской группы опять могут без стеснения за свою «дремучесть» покупать любимые диски в любом западном магазине. Правда, Агнета, Бьёрн, Бенни и Анни-Фрид не достали из сундуков выцветшие бархатные комбинезоны и не вернулись на сцену. Волна «аббамании» родилась благодаря эрзацам, размножаемым толпой более или менее удачливых имитаторов. Сестры Сальма и Сабина из Пакистана поют песни «АББА» на... хинди!

Как и в 1974 году, когда «АББА» победила с песней «Ватерлоо» на конкурсе Евровидения, сегодня молодые телезрители неожиданно обнаружили, что «стариковская» музыка звучит прекрасно. Диск-жокеи не успевают переворачивать давно пылившиеся диски. Их в свое время разошлось по миру 180 миллионов экземпляров — абсолютный рекорд для этого направления музыки.

Однако, к разочарованию истинных ценителей, не ожидается возрождения собственно «АББЫ». Ее члены нашли свое индивидуальное место в жизни. Материально они себя обеспечили, создав по примеру «Битлз» собственную фирму грампластинок «Полар» и заработав через нее 600 миллионов крон. Нынешняя «аббамания» приносит дополнительный доход. Ностальгия по былой дружбе и любви «в здоровом коллективе» их явно не одолевает.

Агнета Фальтсгук (ей 42 года) успела выпустить пару неплохих дисков и пластинку детской музыки. Теперь она однозначно избрала семейную жизнь, предпочитая заниматься двумя подростками детьми, а не богемными заботами. Ей явно не по душе всплеск внимания публики и масс-медиа, от которых она укрывается за стенами дома, куда поклонникам и журналистам вход воспрещен.

Бенни Андерссон (47) стал оперным композитором после успеха его мюзикла «Чесс». Затем он приобщился к народной классике, записав два удачных альбома аккордеонной музыки. Сейчас он пишет мюзикл о шведской эмиграции прошлого века в Америку.

Бьёрн Ульвеус (47) не смог сделать собственной музыкальной карьеры и работает «на подхвате» у друга Бенни, помогая ему сначала в работе над «Чесс», а сейчас в создании новой постановки.

Фрида Лунгстад (47) пробовала то петь соло, то защищать окружающую среду. Причем делать это она предпочла за границей. Космополитизм норвежки, прославившейся в составе шведской группы, недавно подтвердился ее венчанием в Дании с князем из Италии, с которым она давно живет на вилле в Швейцарии.

Жизнь — не манная каша

Аргументы и факты Владислава Старкова

Владислав Андреевич, каково быть редактором еженедельника с таким тиражом? Страшно сказать — рекорд Книги Гиннесса! Не давит ли?

— Конечно, давит. И прежде всего — с точки зрения технического воплощения.

— Успех «Аргументов и фактов» у читателей напоминает успех у телезрителей «мыльных опер» типа «Богатые тоже плачут»...

— Я бы не сказал, конечно, что это комплимент. Но это и не критика. В нашем общенародном, как оно само себя называло, государстве соблюдались интересы кого угодно: военно-промышленного комплекса, партократии. Не соблюдались лишь интересы самого народа. Постоянно им «крестясь», про него попросту забывали. Сегодня народ хочет смотреть «Богатых...». А еще он хочет самой разной информации по всем вопросам — и мы ему ее даем.

— Что такое, по-вашему, народ? Военно-промышленный комплекс — это ведь огромное количество людей, работающих на оборонных предприятиях. Они не народ?

— Народ — это и Ельцин, и мы с вами, и Иванов-Петров-Сидоров. Не народна лишь диктатура.

— Всегда ли ваши аргументы убедительны, факты неопровержимы?

— К сожалению, не всегда. Порой не хватает, может быть, даже и таланта. У нас работают живые люди, имеющие право на ошибку. Но чтобы мы специально что-то натягивали, приписывали — категорически исключено! Этого не было даже во времена так называемого застоя.

— Вы ставите свою подпись в конце каждого номера. Отвечаете ли вы лично за каждую его строчку?

— Я читаю все в этой газете, иногда многое пишу сам. Но у нас в редакции популярны и мозговые атаки. Часто материал, под которым стоит конкретная фамилия его автора, на самом деле — плод коллективных усилий.

— Когда вы начинали печатать рекламу, то сделали заявление, что будете ее давать не в ущерб информации. Может ли такое быть, если учесть, что объем газеты остался прежним?

— Это чисто совковый подход к рекламе. Во всем мире это та же информация. Наша реклама очень эффективна. Она отнюдь не является бантиком, который к чему-то прищипан. Однако с нового года мы переходим к 12-полосным «Аргументам и фактам», не беря за это ника-

кой дополнительной платы. Так что реклама займет свое место, а информация — в привычном нашему читателю понимании — свое.

— Читаете ли вы хоть иногда свои собственные бесплатные объявления? Порой там встречается такое...

— Обязательно читаю. А иногда и сам провожусь. Наши бесплатные объявления — это непременно сумасшедшие объявления.

— То есть это позиция?

— А как же! В жизни ведь существуют люди со своеобразной психикой — вот мы это наглядно и демонстрируем. У нас вообще несколько иной, чем везде, подход к журналистике: почти нет комментариев, никакой отсебятины — все это мы называем «творческой мастурбацией». Долгое время наша журналистика была неким народным учителем, этому, наверное, и вас учили в университете. А она должна быть сама по себе. Не учителем жизни, а элементом жизни.

— Мы с вами уже выяснили: вы работаете для народа. И все же, кто он, ваш читатель?

— Делались бесконечные попытки, чтобы это выяснить. Существует и мнение социологов. 70 процентов наших читателей — мужчины, «АиФ» — газета «белых воротничков». Не пенсионеров, не пионеров, а людей, любящих неоткомментированные факты.

— Большой материал — редкость в вашей газете. Краткость — ваше кредо? Всегда ли она сестра таланта?

— Я бы не стал говорить о таланте применительно к журналисту. Скорее, это категория для людей искусства. Точнее, на мой взгляд, говорить о профессионализме — так же, как и у рабочего, уборщицы, инженера. Журналист — это не «я», а в первую очередь передатчик информации. Личность тоже, конечно, должна быть, но она не должна затмевать собою проблему. Период маститых журналистов закончился. Вот «Си-эн-эн», например, развивается в сторону максимального насыщения чистой информацией. Сегодня разные материалы требуют разных объемов. Не считите за хвастовство, но наша газета нашла золотую середину. Конечно, иногда мы от нее отходим, порой меня допекают и вынуждают, говоря: это

очень интересно, можно дать на 10 строчек больше... Когда я вижу в «Литературке» или в «Независимой газете» огромные материалы на целые полосы и даже развороты, я откладываю их, чтобы прочитать во время отпуска. Потом все это накапливается, и все равно руки, как правило, не доходят. Вот мне редактор «Столицы» говорит: у нас журнализм высшего качества. У нас с Андреем Мальгиным

прекрасные отношения, но я ему отвечаю: у вас не журнализм, а отсебятина высшего качества. Он считает, что его журнал — для подготовленного читателя, но в таком случае я — неподготовленный читатель!

— Да, но иногда у вас все же появляются и некороткие материалы, и даже — с переносом на другую полосу. Причем их размеры трудно объяснить порой качеством или важностью темы...

— Это моя личная боль: то ли недоглядел, то ли перелюбил того или иного журналиста. Мы, увы, идеальны и не считаем, что уже схватили бога за бороду. Но планку мы устанавливаем сами для себя, а не в угоду точке зрения какой-нибудь другой газеты. Ради бога, пусть «Известия» будут «Известиями» — у них своя планка, свой читатель. Мы — «Аргументы и факты» — пытаемся, как собачки, допрыгнуть до своей планки, что редко, но все же получается. И тогда — ловим кайф!

— Вы — народный депутат России. Больше того, ряд других сотрудников газеты тоже народные избранники. Мешает ли это вашей основной работе, или, наоборот, помогает? Почему никого из вас не видно на трибуне? Как поступаете, если чутко журналиста говорит одно, а долг депутата велит другое?

— Ну такого вообще никогда не бывает. В принципе, больше чем мы, никто из депутатов с людьми не общается — в силу специфики профессии. Нас не видно на трибуне потому, что наша задача иная, чем просто прокукарекать. Депутатство необходимо для того, чтобы помогать людям. Те организации, которые призваны это делать, не работают. Ряд проблем, о которых я узнаю как депутат, оказывается возможным решить чисто по-журналистски. И, наоборот, если чего-то нельзя сделать через газету — есть возмож-

ность депутатского запроса. Дело ведь не в том, что мы все страшно захотели стать народными депутатами. На меня месяца два была дикая атака: звонили из разных уголков страны. Я даже перестал подходить к телефону. «Аргументы» читают в любой деревне, а людей, которым доверяют да и которые просто на слуху, мало. Нас просто выкинула волна. Во время следующей кампании я, наверное, вообще отключу телефон: очень трудно работать, особенно — совмещать.

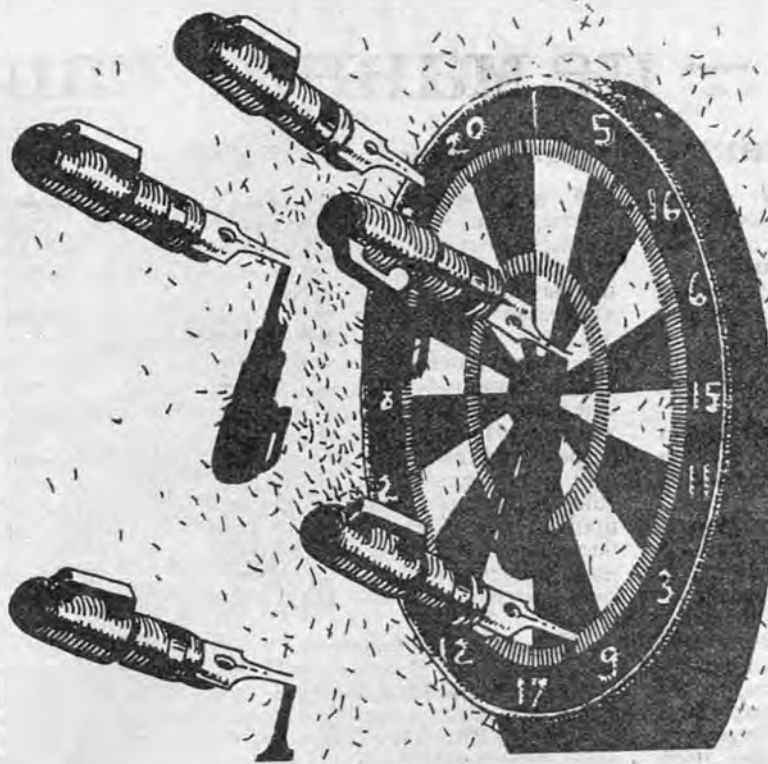
— В «Аргументах и фактах» были опубликованы списки депутатов — бывших партаппаратчиков. А в другой раз — списки депутатов, заблокировавших принятие закона о земле. Не кажется ли вам, что вы тем самым формируете новый образ врага, провоцируете новую конфронтацию?

Не обижайтесь, но мне это живо напомнило списки писателей «нерусской», скажем так, национальности, опубликованные в свое время ныне запрещенным фашистским листком «Русский клич». Правда, там были указаны адреса и телефоны, но узнать координаты депутатов любого уровня труда не представляет! По тем спискам — и я это знаю точно — звонили, писали и угрожали. Боюсь, что и вашей услугой могут воспользоваться подобным же образом...

— Вопрос очень интересный, и в том, как вы его задаете, содержится уже некий ответ. Собственно говоря, мы же позицию здесь не показываем.

— Но тот мужик, который как манну небесную ждет этот самый закон о земле, не пойдет ли он с топором на кого-нибудь из вашего списка?!

— Может быть, иногда и нужно вправить кому-то мозги! Иначе никакого прогресса не будет. С законом о земле, извините за медицинский термин, прямо запор какой-то произошел. Люди не проголосовали — страна была отброшена на несколько лет назад. Идет политическая борьба. Ну какой-нибудь идиот, может, и пойдет с топором, но я-то был «за»! А мне Анпилов и компания кидают: «Ты что же, гад, землю распродаешь?» Нас постоянно обвиняют в том, что мы распродаем Родину, Курилы, что все мы — жидомасоны, а Старков вообще — главный еврей, и его надо повесить. Скажите спасибо, что, публикуя списки, мы никакого комментария не даем! Пусть народ сам делает выводы о своих избранниках. И вообще жизнь — не манная каша.

— Но ведь существует понятие «парламентская борьба». А это метод, на мой взгляд, непарламентский.

— Почему же? Такие же списки публикуют парламентские вестники.

— Но круг их читателей несколько иной...

— Когда мы шли на собрание общенности перед съездом, в гостиницу «Россия», что там было! Разорвали пальто, Егору Яковлеву сбили очки... А нам что, прикажете с ними миндальничать?

— Каким бы большим ни был тираж «АиФ», он непременно упадет в будущем году. Какой бы ни была в свое время ваша популярность человека из тех, что «истину царям с улыбкой говорят», она сегодня уж не та. В свое время вы не побоялись опубликовать результаты социологического опроса, где рейтинг тогдашнего лидера М.С. Горбачева посмел оказаться ниже рейтинга А.Д. Сахарова. Гнев Горбачева доставил вам массу неприятностей — и снизил всенародную любовь. Оттуда, как я понимаю, и ваше депутатство, и — отчасти — ваш фантастический тираж. Не хотите ли попробовать что-нибудь такое, что могло бы вызвать гнев нынешнего руководства? Со всеми возможными последствиями...

— А мы этот гнев постоянно возбуждаем. Печатаем нелюбимые письма: например, недавно опубликовали открытое письмо инженеров из Зеленограда, которые прямо обвиняют Ельцина в том, что он пустил их по миру. Мы поддерживаем народ в тех трудностях, которые он сейчас испыты-

вает. Но, с другой стороны, мы поддерживаем и те реформы, которые сегодня происходят. Вообще за все свои 50 лет, стараясь быть в ладу со своей совестью, я ни разу не испытал гармонии. Когда я видел изнутри власть, все эти политбюро, секретариаты — во мне все буквально бурлило. Когда я вижу сегодняшнюю власть — во мне тоже все бурлит. Но мы находимся совершенно в другом канале жизни, на эскалаторе, который медленно, со скрипом, ржавый, однако поднимает все-таки вверх. Придут к власти новые люди, но страна уже прочно перешла на новые рельсы, и я в это свято верю.

Теперь что касается заблуждения, будто тираж нам дала та история с Горбачевым. Горбачев меня раздражил 13 октября 1989

года — нигде в прессе об этом не было ни ползвук. На секретариат меня вызвали в ноябре, и после этого мы сами открыли все шлюзы для информации. Я стал принимать западных корреспондентов, выступил тайно у Володи Молчанова, не говоря уже о публикациях в «АиФ». Но подписка-то закончилась 1 ноября! И была она феноменально большой — 33 с половиной миллиона. В истории такого не было. Но мы хорошо отдаем себе отчет в том, что это подписка тоталитарного государства. Вдруг появилась иная, неофициальная точка зрения и все автоматически повернулось туда. В обществе, где все думают по-разному, где есть сумятица мнений, такой подписки быть не может, это смешно. Фактически половина населения выписывает «Аргументы и факты»!

Мы увеличили цену в 15 раз. Кто-то не сможет подписаться и на одну газету. Подписка, конечно, упадет. Но мы сегодня выпускаем пять приложений, пытаемся дать людям разную пищу. Слава богу, общество дифференцируется. И, делая пять совершенно разных изданий, мы собираем аудиторию с другой стороны. Общий тираж наших приложений — более одного миллиона, а названия говорят сами за себя: «Я молодой», «Есть идея!», «Биржа», «Здоровье», «Артфонарь». Так что все нормально! Успокойтесь на том, что мы все еще любимая газета многих, — это значит перестать лопать мышей.

Беседу вел
Юлия Рахеева

Один таракан

или Я спасаю город

Вы говорите: таракан? Что же из того, что таракан? Как будто таракан не такой же зверь, как и все прочие. У него даже могут быть свои достоинства, о которых мы и представления не имеем. Посредством таракана, между прочим, человек может осознать свое предназначение в природе и обществе. Да вот послушайте-ка лучше одну правдивую историю.

Однажды в моем доме произошла удивительная вещь, которой с вами, верно, никогда не случалось: у меня поселился таракан. Что это был за таракан! Сам весь черный, был он необыкновенно толст и широк в плечах, а усы между тем имел такие, что, если бы пошел по кавалерийской части, давно уже был бы полковником. Несмотря на это, он взял себе в обычай со шкафа в коридоре подкарауливать приходящих гостей и прыгать им на головы с самым веселым видом, сопровождая все это съезжанием за воротник.

Многим такие вольности пришлись не по душе. Иные пытались вразумить его, но он упорствовал в своих прыжках сильнее прежнего. Видя, что призывы к здравому смыслу не имеют никакого результата, за ним стали охотиться, с тем чтобы поймать и, может быть, даже посадить в клетку. Однако же таракан всякий раз сбегал, обнаруживая при этом резвость необычайную и проворство, подобного которому не было во всем свете.

Дорожа своей репутацией, я как-то раз загнал его в угол и попытался взять с него клятву, что никогда отныне он ничего подобного выделывать не станет. Но он в ответ только небрежно процедил что-то сквозь зубы и, не говоря ни слова, убежал за обои, где его уже было невозможно поймать.

Привычек своих он не прекратил и только усугубил их, без всякого стыда прыгая на одного и того же человека по два и по три раза подряд и не разбирая уже ни чина, ни звания.

Друзья мои между тем рассудили, что я нарочно дрессирую его на такие прыжки, с тем чтобы отвадить их от дома, и вскоре перестали ко мне ходить.

Таракан между тем путешествовал по квартире и непринужденно воровал всю еду, что попадалась ему под руку. Еще он пожирал самым униженным для меня образом, а то, что съест не мог, просто надкусывал и так оставлял — на всеобщее обозрение. Он расколотил всю посуду и заодно чешский хрусталь, а потом соскочил всю позолоту с фамильного сервиза, который мне остался от бабушки. Часто я видел, как он, погруженный в размышления, качается на маятнике стенных часов, отчего они очень скоро сломались, а я смог узнавать время только по карманным. Он плевал мне в суп, подсовывал соль вместо сахара и пел по ночам мерзким голосом. Соседи, думая, что пою я, с дикой злобой били в стену молотком, не давая мне уснуть до самого утра.

Как-то он залез в мою ванну и нырял и плавал там, как нормальный. Из чувства справедливости я ударил его табуретом по голове (в конце концов я ответственный квартиросъемщик и мне решать, кому купаться в ванной, а кому нет), но он очень ловко

сразу же сделалась меланхолия.

С той поры я потерял смысл жизни. Целыми днями я сидел на диване с поджатыми ногами и тупо смотрел, как безумствует мой таракан.

Терпение мое иссякло, когда я увидел, как он бреется моей бритвой. Я тайно купил ведро дихлофоса и тайно спрятал его под кровать. Я был готов на преступление.

Но как раз в этот момент из провинции приехала моя тетушка. Если вы незнакомы с моей тетушкой, то можете считать, что вы родились не только в рубашке, но сразу и в брюках и пиджаке. Достоинств у ней так много, что обычный человек сразу чувствует рядом с ней свою бесполезность и испытывает жгучее желание немедленно умереть.

Таракан и тетушка не понравились друг другу с первого взгляда. «Выбирай: или он, или я!» — заявила моя обожаемая родственница. Не скажу, что выбор был особенно приятный, но я его сделал. И, когда тетушка, лопаясь от злости, покидала мою квартиру, я наконец понял, что пользу можно извлечь даже из такого неподходящего предмета, как таракан.

В одну темную октябрьскую ночь я пробрался в зоопарк и воротился назад, держа в руках нежную и страстную самку африканского таракана. Через девять месяцев счастливая пара разразилась таким чрезвычайным потомством, что стены моей комнаты из зеленых стали черными.

И тогда я унес из квартиры все съестное, а затем громовым голосом, каким, верно, Антоний посылал в бой свои легионы, скомандовал: «Вперед!» И мои, вскормленные на тончайшем швейцарском сыре когорты, возглавляемые неукротимым папашей,

увернулся и вопреки всем законам физики и химии побежал вверх по совершенно отвесной стене. Забравшись на потолок, он как верблюд стал бросать в меня кусками штукатурки, отчего у меня

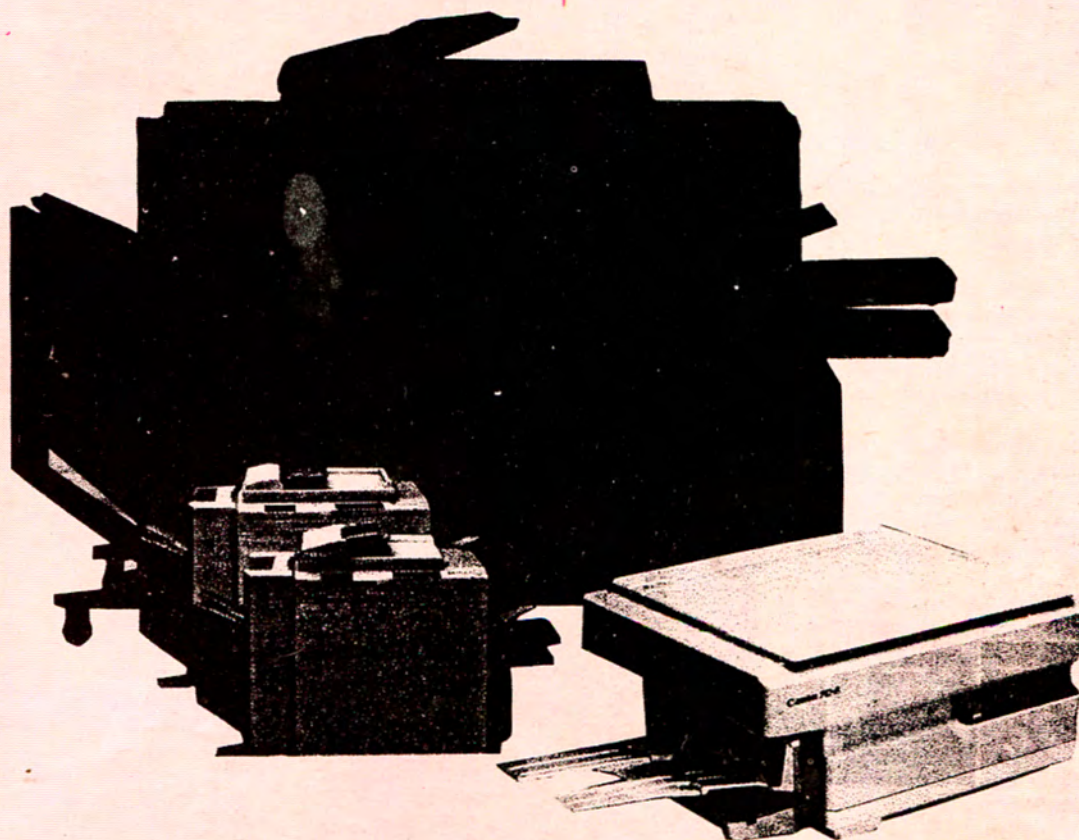

ринулись во все стороны — а что им еще оставалось делать. Спустя несколько часов, неся невосполнимые потери в боях с неведомо откуда взявшимися полчищами огромных страшилищ, отчаявшиеся жильцы переселились во двор. И тут появился я и скромно объявил о своем желании спасти их. И, действительно, стоило мне положить у себя в квартире огромный кусок сыра, как на запах тут же бежали все окрестные тараканы.

С тех пор я избавляю город от полчищ тараканов, которые появляются — и весьма часто! — в разных его концах.

Алексей Винокуров

САМЫЕ НИЗКИЕ ЦЕНЫ В РОССИИ!

МП «ТИМ», Москва, совместно с фирмой «NORIS Consulting GmbH», Гамбург, проводит распродажу восстановленных специализированной японской фирмой копировальных аппаратов фирмы «CANON» А3 формата:

«CANON NP-150» – 200 000 рублей;

«CANON NP-150Z» – 220 000 рублей;

Двухцветные:

«CANON NP-3025» – 320 000 рублей;

«CANON NP-3225» – 325 000 рублей;

«CANON NP-3525» – 350 000 рублей;

«CANON NP-3725» – 360 000 рублей.

Все ксероксы в отличном внешнем и рабочем состоянии.

Все копировальные аппараты находятся на складе МП «ТИМ» в г. Москве и выдаются Покупателю после поступления денег на счет МП «ТИМ».

Срок гарантии – 12 месяцев с даты продажи.

По заказу Покупателя копировальные аппараты обеспечиваются расходным материалом по минимальным ценам.

Оптовым покупателям предоставляется скидка.

**Дополнительная информация по телефонам:
(095) 431-18-35,
432-92-60.**

ИТАЛЬЯНСКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР «ВОСТОК-ЗАПАД»

**объявляет прием студентов для
обучения в лучших колледжах и
университетах Америки.
Срок обучения 1—3—5 лет.**

Технический колледж в Вермонте (Вермонт)

● В Вермонтском техническом колледже Вы можете получить специальности в области: менеджмента, экономики, ветеринарного дела, компьютерного инженеринга.

● Качественное обучение недешево, но в колледже есть возможность для дополнительного заработка на месте, что делает обучение доступным для большинства студентов.

● Технический колледж в Вермонте дает Вам образование для того, чтобы преуспеть в современном мире.

● Вы имеете шанс получить работу в фирмах: AT & T, IBM, Northern Telecom, Advanced Animations, Digital Equipment Corporation.

Колледж в Нортгемптоне (Пенсильвания)

Обучение в колледже производится по специально разработанным программам. Независимо от того, какой жизненный путь Вы выберете, профессора дадут Вам прекрасное образование в области компьютерного дизайна, изящных искусств, криминального права, банковского дела, искусства рекламы и многих других.

Тихоокеанский университет на Гавайях (Гавайи)

В этом университете можно получить прекрасное образование по международному бизнесу и международным отношениям. Этот университет замечателен тем, что учебу в нем можно совмещать с круглогодичным отдыхом на Гавайях, где никогда не бывает зимы. В этом университете есть практика обучения иностранных студентов.

Голливудский колледж (Калифорния)

Если Вы хотите получить специальность в мировом центре кинобизнеса и работать в киностудиях, где снимались Джек Николсон и Арнольд Шварценеггер, лучшим выбором будет голливудский колледж. Вы сможете сделать карьеру в любой области, связанной с кино, телевидением и компьютерной графикой. У Вас также есть шанс стать кинозвездой.

*Мы можем предложить
Вам на выбор еще 20
колледжей и
университетов, которые
готовят прекрасных
специалистов в
юриспруденции,
экономике, журналистике
и искусстве.*

Наши контактные телефоны:

**в Москве
265-10-89,**

**в Риме
487-34-39.**

**Факс: 4818427.
Телекс: 624565.**